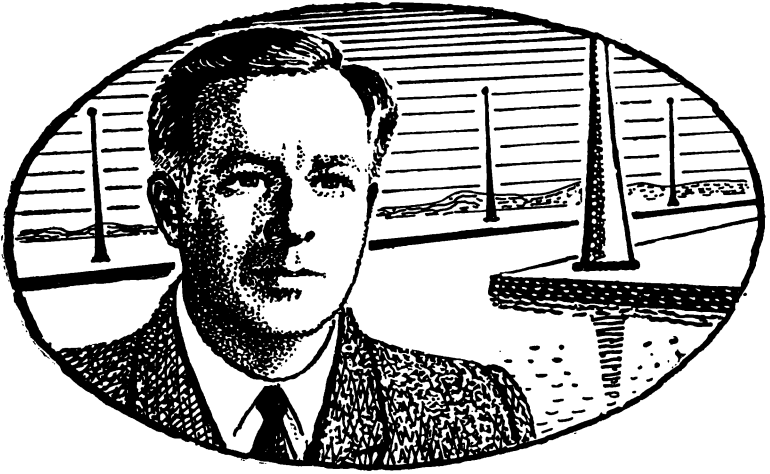

ФАНТАСТИКА

РЕЯ БРЕДБЕРИ

**ФАНТАСТИКА
РЕЯ БРЕДБЕРИ**

**Ф А Н Т А С Т И К А
Р Е Я
Б Р Е Д Б Е Р И**

**Перевод с английского
Л. ЖДАНОВА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
МОСКВА 1964**

Рей Бредбери — прогрессивный американский писатель, автор фантастических и реалистических произведений. Он один из тех американских фантастов, которые стоят в своих произведениях на стороне человечности и мира. Многие его рассказы по сути дела являются предупреждением, убедительно говорят о том, что в капиталистическом мире неправильное, негуманное использование науки может привести к самоуничтожению, к истребительной войне. Произведения Бредбери помогают делу мира. Недаром на родине его называют «лучшей совестью честных американцев».

Каждое такое явление в зарубежной литературе дорого нам, поэтому и велик интерес советского читателя к произведениям Бредбери. В нашей стране вышла отдельной книгой его повесть «451° по Фаренгейту» и в различных изданиях печатались рассказы.

Сборник фантастических рассказов Рея Бредбери издается впервые. Большинство вошедших в него произведений у нас не печаталось.

**СОСТАВИТЕЛЬ К. АНДРЕЕВ
ХУДОЖНИК Ю. СМОРОДИН**

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Золотые яблоки Солнца, серебряные яблоки Луны...»

Эту строчку из стихов замечательного поэта Вильяма Батлера Йетса, деятеля так называемого ирландского Возрождения, американский писатель Бредбери взял эпиграфом к одной из своих книг, а другую книгу назвал первой фразой: «Золотые яблоки Солнца».

Он вообще очень любит поэзию и стихотворные эпиграфы. Последняя его книга «Надвигается беда» названа строкой из Шекспира. Один из рассказов — фразой из Байрона, другой — из Эдны Сент-Винсент Миллей. Его герои часто читают или слушают стихи.

Но лучший эпиграф — из Хуана Рамона Хименеса — в книге «451° по Фаренгейту»: «Если тебе дадут линованную бумагу, — пиши поперек».

Эта фраза очень характерна для Рея Бредбери, потому что он поперечный человек, противник, спорщик, делающий все наперекор.

Вот он, Рей Дуглас Бредбери, глядит прямо на нас. Серые глаза, смотрящие очень серьезно, прямой нос, крепко стиснутый рот, красиво посаженная голова. Лицо это кажется олицетворением ясности, воли и силы, и трудно поверить, что этот человек может быть и бесконечно нежным, и страстным, и гневным, и одновременно жестоким и мрачным до ужаса. Простым, как трава, цветы и деревья, и колеблющимся и раздвоенным, словно в его теле живут две души, борющиеся друг с другом.

Его называют «надеждой и славой Америки», и в то же время фашистские организации посылают ему анонимные смертные приговоры с угрозами привести их в исполнение, если он не изменит своей общественной позиции. Что ж,

в этом нет ничего удивительного: он живет в мире, раздираемом противоречиями, и это не могло не отразиться на его творчестве. Поэтому мы находим в его книгах и золотые яблоки Солнца и серебряные яблоки Луны, радостный мир завтрашнего дня и черную с серебром ночь современной американской действительности.

Он настоящий американец, наследник лучших традиций демократической американской литературы, продолжатель линии Натаниеля Готорна, Генри Торо, Уолта Уитмена и величайшего писателя Америки девятнадцатого века Германа Мелвилла.

Да и фантастика Рея Бредбери совсем иная, чем черная science fiction — «научная фантастика» Соединенных Штатов, где мир будущего представляет собой кровавую мозаику из смертельных битв галактических империй и королевств созвездий, вторжений в наш мир ужасных чудовищ из космоса и бесконечных массовых убийств. Фантастику Бредбери скорее можно сблизить с фантастикой Готорна и Мелвилла, с лучшими вещами Эдгара По.

У Бредбери, конечно, нет неистового пессимизма Германа Мелвилла. Но можно сопоставить иные образы из книги Мелвилла «Моби Дик» со страстными иеремиадами из последнего романа Бредбери «Надгигается беда».

«...Белый Кит плыл у него перед глазами, как бредовое воплощение всякого зла, какое снедает порой душу глубоко чувствующего человека, покуда не оставит его с половиной сердца... Все, что туманит разум и мучит, что поднимает со дна муть вещей, все зловередные истины, все, что рвет жилы и сушит мозг, вся подспудная червоточина жизни и мысли; все зло в представлении безумного Ахава стало видным и доступным для мести в облике Моби Дика!»

Для Бредбери зло мира воплощается в людях или, вернее, созданиях, которых он называет «людьми осени».

«Откуда они приходят? Из праха. Откуда они появляются? Из могил. Разве кровь наполняет их жилы? Нет: ночной ветер. Что шевелится в их голове? Червь. Кто говорит из их рта? Жаба. Кто глядит из их глаз? Змея. Что слышат их уши? Межзвездную бездну. Они сеют семена смятения в человеческой душе, поедают плоть разума, насыщают могилу грешниками. Они неистовствуют заранее. В порывах ветра и под дождем они бегают туда и сюда, подкрадываются, пробираются, просачиваются, движутся, делают полную луну мрачной и чистую струящуюся воду

мутной. Паутина внимает им, дождь разрушает мир. Таковы они, люди осени, остерегайся их...»

«Сущность и плоть кошмара их обыкновенный хлеб. Они намазывают его горем. Они приберегают и копят свои часы для молота смерти и преуспевают столетия. Эти люди с кожаным бичом заставляли народ в поту возводить пирамиды, приправляя труд для одних солью, для других разбитыми сердцами...».

Таков Бредбери в своих сложных, многоступенчатых произведениях, где аллегории человеческих страстей облечены почти в готические одежды.

Но есть и другой Бредбери — великолепный художник-реалист. Его фантастика этого аспекта совершенно реалистична, хотя далеко не всегда ее можно назвать научной: порой она лежит где-то на уровне сна. Она полна веры в человека, в его доброту, полна уважения к его труду.

«Каждый должен что-то оставить после себя. Сына, книгу или картину, выстроенный тобой дом или хотя бы возведенную из кирпича стену, или сшитую тобой пару башмаков, или сад, посаженный твоими руками. Что-то, чего при жизни касались твои пальцы, в чем после смерти найдет прибежище твоя душа. Люди будут смотреть на возвращенное тобой дерево или цветок, и в эту минуту ты будешь жив...»

У Бредбери в его произведениях все может случиться: люди летают на огромных зеленых крыльях, львы, выходящие из телевизора, пожирают людей, взрослые люди превращаются в детей, космонавты на Венере сходят с ума от нескончаемого дождя, охотники на машине времени отправляются пострелять динозавров, и пять тысяч деревьев, высаженных в виде маленьких черенков на девственную почву Марса, превращаются за одну ночь в могучий лес.

Но возможно это не потому, что все легко осуществить с помощью науки или машин, а потому что воображение человека безгранично. И когда американский писатель поворачивает то так, то этак возникшие в его воображении образы, часто вспоминается Герберт Уэллс. А что было бы, если бы случилось вот так? Или так? Как люди вели бы себя, если бы невидимый человек прошел по улицам Лондона? Или кто-нибудь отправился бы на машине времени в прошлое или будущее? Но Бредбери, как и Уэллса, всегда интересуют не технические аспекты всех подобных фантастических событий, а проблемы социальные и мораль-

ные. Не случайно американская критика чаще всего именует его «моралистом» — в действительности, если для Герберта Уэллса главными являются проблемы социальные, то Бредбери отдает предпочтение вопросам моральным.

«Интерес подобных историй,— говорит Уэллс,— заключается не в выдумке, а в их нефантастических элементах. Сам по себе вымысел — ничто... интересными эти выдумки становятся тогда, когда их переводят на язык обыденности и включают все чудеса, заключающиеся в рассказе...»

Американский писатель Ирвинг Стоун, недавно приехавший в СССР, на встрече с московскими писателями сказал, что после смерти всех «великих» в Соединенных Штатах есть только два писателя, которых он назвал «почти гениальными», — Селлинджер и Бредбери. Это сближение не случайно: оно говорит о том, что Бредбери нужно рассматривать рядом с такими писателями, как давно или недавно ушедшие Томас Вулф, Уильям Фолкнер и Эрнест Хемингуэй.

По всем американским нормам он настоящий счастливчик. Ему только что исполнилось сорок два года, но за его плечами уже двадцать один год литературного стажа — а по его мнению, даже больше: с двенадцати лет он начал писать научно-фантастические рассказы на игрушечной пишущей машинке. Им написано восемь книг — шесть сборников научно-фантастических рассказов, один роман-утопия, повесть о детстве «Вино из одуванчиков», а также аллегорический роман «Надвигается беда». Его пьеса «Луга» идет во многих американских театрах, и по его сценарию поставлен один из лучших в мире фильмов «Моби Дик».

Дважды он получал премию имени О'Генри — честь, которой даже один раз удостоились не многие писатели, и в четвертый раз американское общество научно-фантастических писателей избирает его своим президентом.

Он живет в чудесном светлом доме в Лос-Анжелесе вместе с молодой женой и пятью маленькими дочерьми. Счастье? Да, человеческое счастье, но этого мало для писателя, чью совесть мучают противоречия нашего великолепного и яростного, разобщенного, но стремящегося к единству мира.

Первую свою книгу рассказов «Черный карнавал» сам Бредбери счел неудачной и никогда ее больше не переиз-

давал, а лучшие из рассказов поместил в другие сборники. Зато следующая книга, «Марсианские хроники», имела необыкновенный успех: она переиздавалась множество раз — и в Америке, и в Англии, переведена почти на все языки мира и стала в своем роде классической. Быть может, это лучшая из книг Рея Бредбери.

Представляет она нечто вроде связанного вместе цикла рассказов. Марс Бредбери — не астрономический, поэтому ему и не так важно, что сведения об этой планете, которые мы можем получить в «Марсианских хрониках», не всегда совпадают с данными современной науки. Больше того, в одних рассказах каналы заполнены кристально чистой водой, в других они давно высохли, иногда в городах живут марсиане, иногда — это мертвые города, где жители погибли много тысяч лет назад. Да и сами марсиане каждый раз совсем другие: то похожие на кузнечиков и пьющие огонь, то совсем похожие на людей, то странные существа, способные принимать любой облик.

Вторая книга рассказов Бредбери — «Человек с картинками», или, если перевести иначе, «Разрисованный человек». В ней рассказы объединены несколько внешне: какой-то человек, бредущий по шоссе, оказывается татуированным. Женщина (а может быть, ведьма), прибывшая из будущего времени, оттиснула на его коже целый ряд картинок, каждая из которых представляет собой события и образы разных людей, причем все эти рисунки живые: их персонажи живут, говорят, действуют. Каждая из них — это рассказ, и из них-то и составлен сборник.

Следующие книги Бредбери — «Золотые яблоки Солнца», «Осенняя страна» и «Лекарство от меланхолии» — сборники рассказов, ничем тематически не объединенных. Последний его роман «Надвигается беда», вышедший в свет в 1962 году, подводит итог его двадцатилетней работе и раскрывает некоторые его мысли, которые позволяют полнее и точнее понять истоки его творчества и путь развития, который прошел писатель за двадцать лет работы.

В настоящем сборнике представлены рассказы из пяти книг Бредбери, по возможности полно и разнообразно характеризующие его творчество. Здесь и жестокие рассказы о современной Америке, облеченные в фантастические одежды, пленительные мечты писателя об освобожденном человеке завтрашнего дня и рассказы-предостережения о том, какую роль сыграет наука, обращенная на истребле-

ние человечества, и гимн науке, служащей счастьем людей.

Жестокое опустошение человеческой души в самом раннем детстве открывается в рассказе «Вельд». Любящие родители купили дом «Все для счастья» с фантастической детской комнатой. «Дети должны получать все самое лучшее», — заявил отец. И Венди и Питер стали счастливыми обладателями телевизора будущего — огромной комнаты со стеклянными стенами и потолком. Стоило лишь войти в детскую и мысленно выразить желание, как психозапись проецировала на экраны цветной трехмерный фильм, стереозвук создавал «эффект присутствия», а одорофоны наполняли воздух иллюзорными запахами. Мир, возникающий в детской комнате, был так реален, что нельзя было не верить в его действительное существование.

В этой волшебной комнате дети могли увидеть Алису в стране чудес, Аладдина с его волшебной лампой, звериного доктора Дулитла и его любимое животное — двухголового Пушми-Пулью, девушку Риму из бразильских лесов, живущую подобно птице на вершинах деревьев, Пегаса, летящего в небе, — всех персонажей сказок, всех чудесных обитателей воображаемого мира, окруженных розовыми фонтанами фейерверка. Но дети хотят видеть только выжженные солнцем африканские степи — вельд, видеть бесконечные убийства, повторяющиеся снова и снова, наслаждаться запахом крови. Они мечтают о львах, пожирающих их родителей, о стервятниках, дерущихся из-за изглоданных костей их отца и матери, мечтают о львах оживающих, становящихся реальными и выходящих из стен...

Тот, кто ничего не создает, тот стремится разрушать, утверждает Бредбери. В прежние времена этот инстинкт проявлялся в том, что дети ломали игрушки и играли в войну. Но этого мало современному американскому ребенку, каждый день наблюдающему на экране телевизора всякого рода извращения, пытки, изнасилования и бесконечные убийства или читающему об этом в «комиксах», расходящихся миллионными тиражами. В фантастических образах предстает перед нами сегодняшний мир, в котором осужден жить Бредбери и его современники, борющиеся против «американского образа жизни», мир с огромной и все растущей преступностью.

«Мысли о смерти... — рассуждает Бредбери. — Дети слишком молоды для таких мыслей. А впрочем, разве дело в воз-

расте? Задолго до того, как ты понял, что такое смерть, ты уже желаешь смерти кому-нибудь. В два года ты стреляешь в людей из пугача...».

В рассказе «И грянул гром» есть как будто все признаки фантастического и приключенческого жанра. Есть и Машина Времени, и люди, отправляющиеся в прошлое поохотиться на динозавров, и Тропа из антигравитационного металла, парящая над землей на высоте шести футов. Но на самом деле это рассказ о другом — снова, как и всегда у Бредбери, о современности.

Действие происходит на другой день после выборов президента. Победил Кейт, который, как считают герои, будет хорошим президентом. Но если бы победил Дойчер, это было бы победой жесточайшей диктатуры. Дойчер — против всего на свете, говорят они: против мира, против веры в добро, против человечности, против разума. И если бы победил он, то американцы тогда воспользовались бы Машиной Времени не для фантастической охоты, а для бегства от современности в «добрые старые времена».

Но нельзя уйти от современности. Прошлое не может восстать из пепла и праха, пыли и золы. Все живое может познать лишь новую смерть, зеленую смерть растения, превратившегося в семя, возвращение в пору, предшествующую зачатию. И по ту сторону времени нас ждет тот же самый окружающий нас ужас тирании, образ современной Бредбери американской действительности, воплощенной в живом образе Королевского тиранозавра — «великого бога зла, прижавшего хрупкие руки часовщика к маслянистой груди рептилии... две тонкие руки с пальцами, которые могут подобрать и исследовать человека, будто игрушку...»

А раздавленная героем бабочка — аллегория последствий всех наших, даже мельчайших поступков в этом мире, где все вещи и все события бесконечно связаны друг с другом. Достаточно иногда мелочи, нашей неосмотрительности, чтобы победил Дойчер, находящийся по эту сторону Времени, дух тирании, воплощенный ныне в человеческом образе «великого бога зла»!

Рассказ «Марсианин» посвящен фантастической способности марсиан превращать в совершенно конкретную реальность человеческие мысли и подсознательные чувства, вплоть до кошмаров. Его философский смысл — в невозможности поверить в смерть близкого человека, потому что смерть — это парадокс, бессмыслица. И в фантасти-

ческом мире Марса, где все кажется возможным, люди начинают верить в свои кошмары. Но человек не может жить на уровне сна, утверждает Бредбери. Нет утешения в снах и мечтах.

«В серебристой лунной мгле» — один из очень важных рассказов для понимания творчества Рея Бредбери.

На Марсе высаживается американская межпланетная экспедиция. Она обнаруживает на Марсе множество следов чьего-то труда: улицы, дома, книги, широкие каналы. «Марсианский поселок был весь из безупречного прохладного мрамора. Они увидели большие фризы с изображением великолепных животных, каких-то кошек с белыми лапами и солнечные символы с желтыми конечностями, увидели статуи, напоминающие быков, скульптуры мужчин, женщин и огромных собак с благородными мордами...»

Но американские пришельцы не понимают чужой, очень высокой культуры, подобно спутникам Кортеса, разрушившим цивилизацию ацтеков, подобно современным фашистам, стиравшим с лица земли города Европы и Азии. Они в первый же день прибытия устраивают на древней планете шумный пьяный дебош. Они мечтают разместить на Марсе три атомные лаборатории и склады атомных бомб.

Против этого вторжения восстает археолог экспедиции Спендер. Это бунт внутри человеческого общества, хотя бы существующего в виде маленькой ячейки. Но сознание командира экспедиции раздваивается: он пока еще не уверен, на чьей стороне он сам.

Голосом Спендера, героя рассказа «В серебристой лунной мгле», Бредбери выражает свои самые заветные мысли. Современное американское общество, утверждает он, обречено на вырождение или самоуничтожение, потому что оно все построено на антагонистических противоречиях: класс борется против класса, белая раса угнетает черную, чистая наука, представленная именами Дарвина и Гексли, противопоставлена искусству, которое Фрейд выводит не из рационального мышления человека, а из подсознания, из подавленных темных, животных инстинктов, неудовлетворенных страстей. А вопросы морали целиком предоставлены религии, в которую ныне никто не верит. Поэтому марсиане представляются писателю идеалом будущего человечества, а погибшая марсианская цивилизация — тем миром

без войн и антагонистических классов, о котором Бредбери говорит и пишет и в который так страстно верит!

Это аллегория американской «цивилизации», пытающейся завоевать весь мир и переделать все страны на свой лад, не считаясь с их древней культурой и национальной гордостью, «цивилизации», не знающей даже своего собственного прошлого и подлинного величия американского народа. «Мы можем сколько угодно соприкоснуться с Марсом, настоящего общения никогда не будет. В конце концов это доведет нас до бешенства, и знаете, что мы сделаем с Марсом? Мы его распотрошим, снимем с него шкуру и перекусим его по своему вкусу».

Нет, отвечает Бредбери, правящему меньшинству американского общества не удастся разgrabить и разрушить Землю. Для этого она слишком велика и великолепна!

Один из самых страшных рассказов книги — «Третья экспедиция». В нем экипаж ракеты, прилетающей с Земли, встречается со странным миром: типичный американский городок Среднего Запада, населенный давно умершими людьми, родственниками каждого члена экипажа. На самом же деле оказывается, что марсиане умеют извлекать из памяти людей давно забытые воспоминания и ушедшие в подсознание образы и реализовать их в виде псевдо-реально существующих предметов и существ, — идея, использованная через десять лет Станиславом Лемом в романе «Солярис», но, конечно, совершенно по-другому и по-своему.

Для чего делают это марсиане? Для чего они притворяются людьми, уничтожают пришельцев? Что это, проявление жестокости? Нет, это просто стремление защитить себя, сохранить свою высокую цивилизацию от пришельцев. Об этом догадывается капитан Блек: «Мы для них оккупанты, незваные гости, они решили расправиться с нами...»

«Ночная встреча» — тоже рассказ о невозможности контактов совсем разных цивилизаций, существующих не только в разных пространствах (мирах), но и в разных эпохах, которые невозможно сопоставить. И в то же самое время каждая культура, будь она марсианская или земная, по-своему прекрасна, если она создана трудом и вдохновением простых людей, а не предназначена тираническим меньшинством для истребительной войны или безумию самоуничтожения. В этом рассказе, быть может, наиболее

ярко выступает оптимизм Бредбери: никогда не поздно начать все сначала, если ты понял, что совершил ошибку и зашел в тупик!

Три рассказа: «Будет ласковый дождь», «Вышивание» и «Улыбка» — тесно связаны друг с другом. Это картины будущей истребительной войны, в огне которой сгорит почти все человечество, если не одумается и не поднимется против поджигателей войны. «Когда-нибудь мы вспомним так много,— писал Бредбери,— что соорудим самый большой в истории экскаватор, выроем самую глубокую, какая когда-либо была, могилу и навеки похороним в ней войну...»

Страшен рассказ «Будет ласковый дождь». Во всем городе, некогда чудесном и населенном веселыми и счастливыми людьми, сохранился лишь один дом, одиноко стоящий среди развалин и пепла. А на обугленной западной стене, ставшей совсем черной, можно разглядеть лишь несколько пятен: фигуру мужчины, катящего травяную косилку, женщины, нагнувшейся за цветком, силуэт мальчика, вскинувшего вверх руки, а над ним тень подброшенного мяча и изображение девочки, поднявшей руки, чтобы поймать мяч, который не опустится никогда, никогда... Все это было выжжено в один титанический миг...

В рассказе «Вышивание» женщины до самой последней минуты не хотят расстаться со своим рукодельем, хотя весь мир вспыхнул, озарившись ярким огнем: они знают, что это такое, но не хотят в это верить. А смертельный огонь, точно в замедленном фильме, коснулся вышитого узора в дрожащих руках, раздергал по ниточкам рисунок, лизнул пальцы и во всем своем дьявольском великолепии принялся распарывать ткань человеческих тел!

Среди развалин города, окруженного радиоактивными полями, светящимися ночью, на главной площади по воскресеньям устраивается празднество: разбивают уцелевшие чудом автомобили, разрушают типографские машины, жгут книги, взрывают боеприпасы... Это бессмысленная и бесильная месть той цивилизации, что превратила весь мир в груды радиоактивного пепла!

В этот день праздник особенный: на площади выставлена картина, на которую все желающие могут плевать, а затем уничтожить ее. Это — «Монна Лиза. Джоконда».

Таков рассказ «Улыбка».

Но в мире остается красота и вера в новое возрожде-

ние человечества. Мальчик, герой рассказа, в общей суматохе похищает обрывок картины и прячет ее в полуразрушенной силосной башне, где в этом мире развалин вынуждена обитать его семья. А ночью, разгладив кусочек закрашенного холста, он смотрит на него. Мир спал, освещенный луной, а на его ладони лежала улыбка. И он повторяет про себя снова и снова: «Улыбка, чудесная улыбка...»

С особым интересом стоит отнестись к аллегорическому рассказу «Золотые яблоки Солнца». В нем писатель создает образ капитана звездолета, образ человека, которым руководит вечная страсть к познанию, который готов пожертвовать жизнью, чтобы, подобно Прометею, принести огонь знания людям.

Три последних рассказа — «Космонавт», «Дядюшка Эйнар» и «Зеленое утро» — наиболее поэтичные из всех произведений Бредбери, вошедших в сборник. Они посвящены одной теме — человеческой мечте, обретшей крылья, мечте о бесконечных полетах в другие миры: на Марс, излучающий запах железа, Венеру, благоухающую свежей зеленью плюща, Меркурий, пахнувший огнем и серой, молочную Луну и жесткие звезды, откуда человек приносит лишь крупинки метеорной пыли и песок кометных хвостов. Это мечта о человеке, свободно улетающем ввысь на огромных зеленых крыльях. Это мечта о человеческом труде на пользу людям, великом подвиге, преображающем планету, превращающем сухие пустыни Марса и его редкую атмосферу в пышное благоухание цветущих деревьев. Недаром рассказ назван «Зеленое утро»: зеленый цвет, цвет надежды, — любимая краска Рея Бредбери!

Все эти три рассказа посвящены людям будущего — в разных характерных для него планах: реальном и аллегорическом.

«Дядюшка Эйнар» — это человеческая мысль, освобожденная от бремени современного американского общества и противоречий, раздирающих человека. Она летит вместе с бурей шуршащей и шелестящей листвы дубовых, кленовых и каштановых листьев, уносимых ветром. Она летит высоко над морем, где еле слышен его прибой, похожий на далекую музыку, летит надо всем миром, бессмертная и всегда победоносная!

«Космонавт» — это человек будущего, для которого жизнь невозможна без подвига, уходящий снова и снова

в смертельно опасный полет. Жизнь и в будущем будет полна трудностей, но каждодневный труд и борьба станут бесконечной радостью, и человек никогда не остановится в своем движении вперед!

А в рассказе «Зеленое утро» огромные дубы, клены, вязы и вековые тополи, чья листва струится на ветру, а вершины уходят в бледное марсианское небо,— это живое воплощение тяжелого, но радостного вдохновенного труда человека будущего!

Конечно, в одном сборнике невозможно полностью представить многообразное и полное противоречий творчество Рея Бредбери. Ведь кроме фантастики научной, у него есть и фантастика аллегорическая и великолепные реалистические произведения о детстве, о молодости — тема, от которой ему никогда не удастся уйти, потому что он на стороне отважной молодости, на стороне будущего, а молодость — всегда непобедима!

Америка Рея Бредбери не Америка таких городов, как Нью-Йорк, Чикаго или гигантских промышленных центров, подобных Питтсбургу или Детройту. Его Америка — иная, это Америка простых людей, страна, созданная Джефферсоном и Линкольном и защищаемая Уитменом и Мелвиллом. Это лесистый штат Мэн, населенный лесорубами, мягкие очертания холмов Новой Англи, где расположенные в готических домиках старые университеты тонут в серовато-зеленой тени садов, а огромные древние вязы бросают тень на древние улочки. Это темный и влажный сумрак скипидарно-сосновых лесов Георгии, табачные плантации Виргинии, хлопковые поля Миссисипи, это фермы и элеваторы Среднего Запада, расположенные в бескрайней прерии, ныне распаханной и превращенной в пшеничные и кукурузные поля...

А больше всего — это маленькие городки со старыми церквями, увенчанными куполами и бронзовыми колоколами, с кирпичными школами, домиками, обвитыми плющом, окруженными садами, с террасами, где сверкают на солнце голубые, розовые, желтые и зеленые стекла, аптеками, где можно получить яичницу с ветчиной или свинину с бобами и запить ее бутылочкой «летучей соли» — прохладительной воды, где перед каждой табачной лавочкой стоит вырезанная из дерева фигура индейца... В этих городках живут люди, которые любят старинные песни — о человеке на летающей трапеции, о старой, замшелой, медью окован-

ной бадье, висящей у колодца, «Незабвенный Огайо», «Мы идем, отец Авраам» и «Звездами усеянное знамя». А по праздникам мужчины во всем черном и женщины в лучших шляпках, утром они идут в церковь слушать проповедь — не по религиозным убеждениям, а по традиции, едят праздничный обед: рубленая жареная индейка с запеченной фасолью, кукурузные лепешки с патокой, а на сладкое — пирог с крыжовником или тыквенный пирог с кленовым сахаром...

А вечером они устраивают иллюминацию и веселятся на карнавале — нечто вроде наших масляничных гуляний с ярмарочными представлениями, балаганами, каруселями, комнатами зеркал и выставками всевозможных уродов.

Это та провинциальная Америка, которую мы впервые воочию увидели и навсегда запомнили в фильмах великого американского режиссера эпохи немого кинематографа Дэвида Уорка Гриффита.

Какие чистые и светлые просторы открываются нам в повести Бредбери «Вино из одуванчиков», где описано ничем не омраченное детство мальчика! Это мир, пронизанный запахом света, прелестью только что законченного детского сновидения, страна нежного и мужественного труда, неотделимого от бесконечной, как музыка, игры: трава должна расти, потому что это ее работа, деревья должны раскидывать ветки, бросающие прохладные тени, потому что это их ремесло. Свет должен струиться сквозь облака и листья, как песок из горсти утекает между пальцами, — ведь он сам Время, а Время не может умереть. Неслышно летает паутина, с ветвей деревьев обрушивается водопад птичьего пенья. Ухо ребенка может различить полет пчелы и шепот травы. Волшебные слова «вино из одуванчиков» в памяти мальчика живут и холодной белой зимой, они лежат на губах, как улыбка, как внезапная вспышка света во тьме.

Сколько в «машине счастья», которую выдумал один из героев повести, непоколебимой веры в победу добра над злом! И кажется, что свет падает на наши лица, когда мы раскрываем книгу и перелистываем ее страницы!

Но есть другой, жестокий и страшный мир, который открывается нам на страницах многих произведений Бредбери. В этой, находящейся на краю гибели Вселенной, где господствуют бездушные машины, а человек превращен в механизм, жизнь ограничивается лишь одним существо-

ванием и ожиданием смерти, а каждый поступок не выходит за грань одного дня, который может стать последним.

Вот рассказ «Детская площадка», переведенный и напечатанный у нас, но не вошедший в этот сборник. Жестокый мир зла, насилия, несправедливости, бессмысленной, никому не нужной борьбы — слепок капиталистического общества. Это ад экзистенциалистов Сартра и Камю, где человек обречен лишь на одну свободу — быть одиноким!

О бессмысленном бунте человека, окруженного и побежденного машинами, говорится в рассказе «Убийца», где герой сам является в полицию, чтобы признаться во многих убийствах: он уничтожил телефон, разбил телевизор, превратил в груды металлического лома автомашину, словом — попытался уничтожить все, что, врываясь в его жизнь, заставляет забыть, что главное — сердце людей, а не атомная энергия, трансконтинентальные боевые ракеты или реклама новой зубной пасты.

Мальчик герой рассказа «Здравствуй — прощай» не хочет становиться взрослым: ведь взрослыми создан тот ад, который придумал ядерное оружие, межконтинентальные ракеты — все то, что взрослые называют своим миром. И вот случается чудо: герой навеки остается мальчиком, но он вынужден бродить по стране, чтобы никто не узнал о его волшебном даре. Побыв в одном городке, он идет в другой, чтобы, постучав в незнакомую дверь, увидеть добрых людей, которые дадут ему стакан холодного молока, ломоть теплого ржаного хлеба и предложат ему ночлег. Человечество не может всегда остаться таким, каким было в золотой век, оно должно развиваться, иначе ему суждена вечная участь Агасфера — такова грустная мысль писателя.

Нет, Бредбери не страшится науки, технического прогресса, как наивно можно подумать. Он только скорбит о том, что в его стране прогресс технический не сопровождается прогрессом социальным. А это неизбежно поведет к одичанию и вырождению человека, к жестокой тирании, войнам и истреблению человечества, погибающего в припадке яростного социального безумия.

Центральным произведением Бредбери, где он наиболее остро и наиболее художественно ярко выразил свои опасения, является роман-предостережение «451° по Фаренгейту», вышедший десять лет назад.

Бредбери рисует проекцию американского общества на фон близкого будущего. Жестокий сумрачный мир открывается перед нами, и сами страницы книги лишь при одном прикосновении к ним как будто вызывают леденящий ужас. Казалось бы, перед человечеством открылась эра безмятежного счастья: все за людей делают машины — будят их по утрам, готовят, стирают, убирают дома, а по вечерам читают им стихи, поют песни и убаюкивают детей. Нет и производства — оно передано совершенным роботам. Все навеки стабилизировалось. Но вместе с трудом, с поиском исчез и человеческий интеллект. Все стены комнат превращены в гигантские телевизоры, которые грохотом и лязгом оглушают людей, сводя все их мысли к нескольким несложным формулам. После этого у человека появляется такое чувство, будто его протянули сквозь стиральную машину или всосали в гигантский пылесос.

Человеку остается только наркотический сон. Но и здесь продолжается вторжение в его жизнь: в уши его вложены миниатюрные радиоприемники-ракушки, успокаивающие тихой музыкой, вкрадчиво нашептывающие мысли и сны.

Сожжение книг, необходимое для полной унификации мысли, если можно назвать мыслью это ничтожное инстинктивное существование на уровне насекомого, превратилось в одну из почетнейших профессий: по первому сигналу, что где-то обнаружена книга, «пожарники» мчатся на место преступления и сжигают дом, поливая его из огнеметов. В стабилизированном обществе с тотальным строем нет места свободной мысли, говорит Бредбери, иначе нарушилось бы равновесие — ведь даже клочок исписанной бумаги — это реализация человеческой мысли. Отсюда и заглавие книги: бумага загорается при 451 градусе по Фаренгейту...

И все же в этой жестокой и бесчеловечной утопии, а вернее в романе-предостережении, Бредбери, наперекор окружающей его действительности, которой по сути дела и посвящена книга, остается оптимистом. В этом мертвящем мире, сохраняющем неустойчивое равновесие на грани истребительной термоядерной войны, где-то подспудно бьется человеческая мысль: люди сохраняют книги, встречаются, мыслят. Это юность в лице Клариссы — «бомбы замедленного действия», — которую интересует «не то, как делается что-нибудь, а для чего и почему. А подобная любознательность — опасна!» Это потомственный пожарник Монтег,

тайно собирающий книги, захватывающий их в каждом доме, который он сжигает, и становящийся под их влиянием бунтарем. Монтег — это Ромео Монтекки, восстающий против удушающего его бремени средневековья. Ведь у Шекспира, которого так любит и так часто цитирует Бредбери, герой именуется не Монтекки, а по-английски — Монтегью...

Книга заканчивается гибелью города — символа современной американской действительности — в неугасимом огне водородных бомб. Реактивные самолеты уходят с ревом, который, казалось, говорит: разрушай, не оставляя камня на камне, погибни. Умри!..

«Когда-то в древности жила на свете глупая птица Феникс, — резюмирует один из героев книги. — Каждые несколько сот лет она сжигала себя на костре. Должно быть, она была близкой родней человеку. Но сгорев, она всякий раз снова возрождалась из пепла. Мы, люди, похожи на эту птицу. Однако у нас есть преимущество перед ней. Мы знаем, какую глупость совершили. Мы знаем все глупости, сделанные нами за тысячу и более лет. А раз мы это знаем, и все это записано, и мы можем оглянуться назад и увидеть путь, который мы прошли, то есть надежда, что когда-нибудь мы перестанем сооружать эти дурацкие погребальные костры и кидаться в огонь. Каждое новое поколение оставляет нам людей, которые помнят об ошибках человечества».

Но даже в этом погибшем мире где-то подспудно бьется человеческая мысль. Группы бродяг, бежавших из городов, собравшись где-нибудь у костра, на обочине, ведут неторопливые беседы. Однако на самом деле это гибкая и разветвленная организация людей, готовых взяться за перестройку мира, когда придет «час гнева» и рухнет чудовищная механическая цивилизация машин, где нет места человеку. Их лозунг — «Всему свое время». Время молчать и время говорить. Время разрушать и время строить.

Среди них много ученых — профессоров из Кембриджа, Принстона, Стенфорда. Каждый из них вызубрил наизусть какую-нибудь книгу: «Республику» Платона, сочинения Марка Аврелия, книги Свифта, «Происхождение видов» Дарвина, труды Эйнштейна, речи Ганди, Джефферсона и Линкольна, «Уолден» Торо и стихи Байрона... Они ждут того дня, когда возникнет новый мир и все эти, казалось, навеки погибшие, сожженные книги снова можно будет печатать....

Так глубоко оптимистически заканчивает книгу писатель: человека можно уничтожить, но нельзя истребить его бессмертную мысль.

В романе «Надвигается беда» действие происходит в маленьком американском городе, какие так любит Бредбери, чем-то очень напоминающем городок в «Вине из одуванчиков». Ночью туда приходит поезд со всеми принадлежностями карнавала: каруселью с музыкой, египетским зеркальным лабиринтом, балаганами и паноптикумом. Но все это таинственное, особенное.

Карусель эта — волшебная: при каждом ее обороте ты становишься старше на один год, а если пустить ее в обратную сторону, то музыка, тон за тоном, будет пятиться назад, а человек, сидящий на карусели, будет становиться все моложе, пока не превратится в ребенка.

Зеркала тоже обладают чудесной способностью. Человек, глядящий в них, видит не себя, а свое прошлое. Они гипнотизируют людей, их нельзя разбить, но их можно сокрушить радостью и смехом — тогда они лопаются сами собой.

Паноптикум состоит из «тысячи и одного чуда». Здесь есть Мефистофель, Человек, пьющий лаву, Мистер Электрик, спокойно сидящий на электрическом стуле, Чудовище Монгольфье, Висельник, давно умерший, Демон Гильотины, Скелет, Ведьма из праха и Самая Прекрасная Женщина в мире...

Все эти персонажи — не сказочные герои, но аллегории сил, противоборствующих человеку, стремящихся победить добро и заменить его злом. Это не только внешние силы, препятствующие людям создать на земле жизнь, достойную человека, но это и человеческие страсти и стремления, гнездящиеся в подсознании, и их борьба с людьми, поединком человека с самим собой.

Это «люди осени», как называет их Бредбери. Руководит ими некий мистер Дарк («дарк» — по-английски — тьма), он же Человек с картинками, а в одном месте он даже назван Князем Тьмы. Но это не шаблонный библейский дьявол, хотя он и бессмертен. Это — олицетворение всего темного, зовущего назад, сил косности и зла.

Реальные герои книги — два четырнадцатилетних подростка, Вилл и Джим, а также отец Вилла, пожилой и мудрый городской библиотекарь. Мальчики, любители новых приключений, первые заметившие карнавалы поезд,

вступают в битву с «людьми осени». С помощью мистера Халлоуея, отца Вилла, они радостью, смехом и смелостью побеждают тьму, как день побеждает ночь.

Этот сложный аллегорический роман чем-то напоминает «Алису в стране чудес», которую можно воспринимать и просто как веселую детскую сказку и как трактат о «контраверзе» — расколе между высокой и низкой церковью в Англии в середине XIX века.

Основная тема романа — борьба между добром и злом и в обществе и в самом человеке. «Все можно вернуть и исправить», — говорит карусель. «Помни, что будущее вырастает из прошлого», — говорят зеркала. И если ты наполнивину хорош, говорит мистер Халлоуей, и твоя жена наполовину хороша, то сложатся лучшие половины. Нужно только не капитулировать перед злом, а вести наступательную борьбу. Нужно бороться и верить!..

Трудно в небольшой статье рассказать обо всем разнообразии творчества этого замечательного писателя, а тем более показать его на фоне всей научной фантастики Соединенных Штатов. Литература этого рода существует в Америке в разных «этажах» — в дорогих, хорошо изданных книгах, выходящих на равных правах с лучшими книгами других писателей, в дешевых книгах в мягких обложках, рассчитанных на менее притязательных читателей, и в грошовых журнальчиках для вагонного чтения, которые можно купить за медяк. Но книги Бредбери существуют во многих этажах, редко выходят тиражом меньше, чем 150—175 тысяч экземпляров и многократно переиздаются.

Секрет успеха Рея Бредбери не в дешевых сенсационных приключениях, которых нет в его книгах. Литературные снобы высоко ценят его необычный стиль, своеобразно неповторимый, где в одной фразе сталкиваются как будто несовместимые слова, ценят его парадоксальные философские идеи. Но простым людям Америки и всего мира он дорог верой в новое Возрождение, как он называет ясный и светлый будущий мир, и им близка его тревога за судьбу людей, своих современников, — ведь только о них он и пишет — и всего человечества. Люди, еще не поздно одуматься, говорит он. Будьте бдительны, еще есть время, еще не поздно!

Рей Бредбери ищет перемен. «Я ненавижу римлянина по имени Статус Кво», — говорит он. Поэтому с непоколебимым оптимизмом он обращается к тем, кто не боится

этих перемен: к смелой и беспокойной молодости... «В наше время радость существования,— пишет он,— заключается в том, чтобы помогать юношам отыскивать пути к Новым рубежам, в том, чтобы начать у нас свое собственное Возрождение... Если я когда-нибудь утрачу это ощущение, эту потребность, я навсегда откажусь от научной фантастики».

Бредбери сидит за своим письменным столом и работает. Мы не знаем, как он пишет — самопишущей ручкой или печатая на машинке, может быть, он диктует стенографистке, а возможно, размышляет вслух, записывая свои мысли на магнитофон. Но главная работа происходит у него в голове, где возникают замыслы, рождаются отдельные фразы и целые абзацы и страницы его будущих книг. И что бы он ни писал, он всегда говорит о нашей современности. В аллегорических и фантастических картинах он яростно обличает зло мира, олицетворенное в политическом и социальном угнетении человека, в противопоставлении людей разных рас и разных классов.

И в то же время он с такой же страстью утверждает, что человек по природе своей добр, что его лучшая половина всегда побеждает худшую, что мир огромен и великолепен, что он неминуемо будет свободным.

Бредбери всегда на стороне своих любимых героев, простых людей Америки, людей смелой мысли, непобедимых в своем труде и своей борьбе. Таковы простые охотники, рискующие своей жизнью для забавы богатых людей в рассказе «И грянул гром». Таков шофер из рассказа «Ночная встреча». Это Спендер, способный убить своих бывших товарищей, чтобы спасти великую цивилизацию, где наука и искусство, человеческая страсть и мысль объединены воедино. Это простые и смелые космонавты, герои многих рассказов, это ученые, это дядюшка Эйнар, простой и в то же время крылатый фермер, верящий, что настоящий человек создан для полета в чистом и просторном небе, это мужественные люди, способные выстоять в гибельном климате Венеры. И в первую очередь это дети — мальчик из рассказа «Улыбка», сохранивший в обстановке гибели всей цивилизации веру в красоту, это герой повести «Вино из одуванчиков», это четырнадцатилетние подростки Вилл и Джим из романа «Надвигается беда». Иногда его герои гибнут в борьбе с тяжкими препятствиями. Но нигде на страницах книг Бредбери мы не найдем пессимизма: он знает, что человека можно уничтожить, но победить его

нельзя! «Человек с большой буквы должен жить. Я не вижу ничего важнее Человека с большой буквы», — говорит он в рассказе «Земляничное окошко».

Вот он поднимает голову и улыбается, как будто видит сразу всю свою страну, охваченную блистательным и победоносным Возрождением. Ветер струится над его головой, бушуют листья вековых деревьев, и шумят, словно бесконечный прибой, ветви гигантских сосен. Поют ручьи, и, переключаясь с ними, щебечут певчие птицы. Перед ним улыбающиеся лица людей, он слышит всю музыку страны и медленно текущие строфы стихов, видит сразу все свои любимые картины и следит за движениями кисти лучших художников Америки и словно перебирает руками бесконечный поток книг, несущих людям мысль и вдохновение.

Бредберн близок нам тем, что он всегда вместе с лучшими людьми Америки в ее прошлом, настоящем и великом будущем. Он верит в демократию, верит в то, что свет победит тьму, добро сокрушит зло и подлинная наука победит изуверов от науки, готовящих термоядерную смерть всему человечеству. Огнеметам пожарников, уничтожающих книги, Бредберн противопоставляет пламя человеческой мысли, подобное словам, сказанным Латимером Николасу Ридли, когда их, борцов за свободу человеческой мысли, сжигали заживо в Оксфорде в 1555 году: «Мы зажгли сегодня в Англии такой факел, который, я верю, им не погасить никогда!»

КИРИЛЛ АНДРЕЕВ.

И Г Р Я Н У Л . Г Р О М

Объявление на стене расплылось, словно его затянуло пленкой скользящей теплой воды; Экельс почувствовал, как веки, смыкаясь, на долю секунды прикрыли зрачки, но и в мгновенном мраке горели буквы:

А/О САФАРИ ВО ВРЕМЕНИ
ОРГАНИЗУЕМ САФАРИ В ЛЮБОЙ ГОД ПРОШЛОГО
ВЫ ВЫБИРАЕТЕ ДОВЫЧУ
МЫ ДОСТАВЛЯЕМ ВАС НА МЕСТО
ВЫ УБИВАЕТЕ ЕЕ

В глотке Экельса скопилась теплая слизь; он судорожно глотнул. Мускулы вокруг рта растянули губы в улыбку, когда он медленно поднял руку, в которой покачивался чек на десять тысяч долларов, предназначенный для человека за конторкой.

— Вы гарантируете, что я вернусь из сафари * живым?

— Мы ничего не гарантируем,— ответил служащий,— кроме динозавров.— Он повернулся.— Вот мистер Тревис,

---

* Сафари — охотничья экспедиция. (Прим. перев.)

он будет вашим проводником в Прошлое. Он скажет вам, где и когда стрелять. Если скажет «не стрелять», значит — не стрелять. Не выполните его распоряжения, по возвращении заплатите штраф — еще десять тысяч, кроме того, ждите неприятностей от правительства.

В дальнем конце огромного помещения конторы Экельс видел нечто причудливое и неопределенное, извивающееся и гудящее, переплетение проводов и стальных кожухов, переливающийся яркий ореол — то оранжевый, то серебристый, то голубой. Гул был такой, словно само Время горело на могучем костре, словно все годы, все даты летописей, все дни свалили на одну кучу и подожгли.

Одно прикосновение руки — и тотчас это горение послушно даст задний ход. Экельс помнил каждое слово явления. Из пепла и праха, из пыли и золы восстанут, будто золотистые саламандры, старые годы, зеленые годы, розы усладят воздух, седые волосы станут черными, исчезнут морщины и складки, все и вся повернет вспять и станет семенем, от смерти ринется к своему истоку, солнца будут всходить на западе и погружаться в зарево востока, луны будут убывать с другого конца, все и вся уподобится цыпленку, прячущемуся в яйцо, кроликам, ныряющим в шляпу фокусника, все и вся познает новую смерть, смерть семени, зеленую смерть, возвращение в пору, предшествующую зачатию. И это будет сделано одним лишь движением руки...

— Черт возьми, — выдохнул Экельс; на его худом лице мелькали блики света от Машины. — Настоящая Машина времени! — Он покачал головой. — Подумать только. Закончись выборы вчера иначе, и я сегодня, быть может, пришел бы сюда спастись бегством. Слава богу, что победил Кейт. В Соединенных Штатах будет хороший президент.

— Вот именно, — отозвался человек за конторкой. — Нам повезло. Если бы выбрали Дойчера, не миновать нам жесточайшей диктатуры. Этот тип против всего на свете — против мира, против веры, против человечности, против разума. Люди звонили нам и спрашивались — шутя, конечно, а впрочем... Дескать, если Дойчер будет президентом, нельзя ли перебраться в 1492 год. Да только не наше это дело — побеги устраивать. Мы организуем сафари. Так или иначе, Кейт — президент, и у вас теперь одна работа...

— ...убить моего динозавра, — закончил фразу Экельс.

— *Tyrannosaurus rex*. Громогласный Ящер, отвратительнейшее чудовище в истории планеты. Подпишите вот это. Что бы с вами ни произошло, мы не отвечаем. У этих динозавров зверский аппетит.

Эккельс вспыхнул от возмущения.

— Вы пытаетесь испугать меня?

— По чести говоря, да. Мы вовсе не желаем отправлять в прошлое таких, что при первом же выстреле ударяются в панику. В том году погибло шесть руководителей и дюжина охотников. Мы предоставляем вам случай испытать самое чертовское приключение, о каком только может мечтать *настоящий* охотник. Путешествие на шестьдесят миллионов лет назад и величайшая добыча всех времен! Вот ваш чек. Порвите его.

Мистер Эккельс долго смотрел на чек. Пальцы его дрожали.

— Ни пуха, ни пера, — сказал человек за конторкой. — Мистер Тревис, займитесь клиентом.

Неся ружья в руках, они молча прошли через комнату к Машине, к серебристому металлу и рокошующему свету.

Сперва день, затем ночь, опять день, опять ночь; потом день—ночь, день—ночь, день. Неделя, месяц, год, десятилетие! 2055 год. 2019. 1999! 1957! Мимо! Машина ревела.

Они надели кислородные шлемы, проверили наушники.

Эккельс качался на мягком сиденье — бледный, зубы стиснуты. Он ощутил судорожную дрожь в руках, посмотрел вниз и увидел, как его пальцы сжали новое ружье. В Машине было еще четверо. Тревис — руководитель сафари, его помощник — Лесперанс и два охотника — Биллингс и Кремер. Они сидели, глядя друг на друга, а мимо, точно вспышки молний, проносились годы.

— Это ружье может убить динозавра? — вымолвили губы Эккельса.

— Если верно попадешь, — ответил в наушниках Тревис. — У некоторых динозавров два мозга: один в голове, другой ниже по позвоночнику. Таких мы не трогаем. Лучше не злоупотреблять своей счастливой звездой. Первые две пули в глаза, если сумеете, конечно. Слепили, тогда бейте в мозг.

Машина взвыла. Время было словно кинолента, пущенная обратным ходом. Солнца летели вспять, за ними мчались десятки миллионов лун.

— Господи,— произнес Экельс.— Все охотники, когда-либо жившие на свете, позавидовали бы нам сегодня. Тут тебе сама Африка покажется Иллинойсом.

Машина замедлила ход, вой сменился ровным гулом. Машина остановилась.

Солнце остановилось на небе.

Мгла, окружавшая Машину, рассеялась, они были в древности, глубокой-глубокой древности, три охотника и два руководителя, у каждого на коленях ружье — голубой вороненый ствол.

— Христос еще не родился,— сказал Тревис.— Моисей не ходил еще на гору беседовать с богом. Пирамиды лежат в земле, камни для них еще не обтесаны и не сложены. *Помните об этом.* Александр, Цезарь, Наполеон, Гитлер — никого из них нет.

Они кивнули.

— Вот,— мистер Тревис указал пальцем,— вот джунгли за шестьдесят миллионов две тысячи пятьдесят пять лет до президента Кейта.

Он показал на металлическую тропу, которая через распаренное болото уходила в зеленые заросли, извиваясь между огромными папоротниками и пальмами.

— А это,— объяснил он,— Тропа, проложенная здесь для охотников Компанией. Она парит над землей на высоте шести дюймов. Не задевает ни одного дерева, ни одного цветка, ни одной травинки. Сделана из антигравитационного металла. Ее назначение — изолировать вас от этого мира прошлого, чтобы вы ничего не коснулись. Держитесь Тропы. Не сходите с нее. Повторяю: *не сходите с нее. Ни при каких обстоятельствах!* Если свалитесь с нее — штраф. И не стреляйте ничего без нашего разрешения.

— Почему? — спросил Экельс.

Они сидели среди древних зарослей. Ветер нес далекие крики птиц, нес запах смолы и древнего соленого моря, запах влажной травы и кроваво-красных цветов.

— Мы не хотим изменять Будущее. Здесь, в Прошлом, мы незваные гости. Правительство *не одобряет* наши экскурсии. Приходится платить немалые взятки, чтобы нас не лишили концессии. Машина времени — дело щекотливое. Сами того не зная, мы можем убить какое-нибудь важное животное, пичугу, жука, раздавить цветок и уничтожить важное звено в развитии вида.

— Я что-то не понимаю,— сказал Экельс.

— Ну, так слушайте,— продолжал Тревис.— Допустим, мы случайно убили здесь мышь. Это значит, что всех будущих потомков этой мыши уже не будет — верно?

— Да.

— Не будет потомков от потомков от всех ее потомков! Значит, неосторожно ступив ногой, вы уничтожаете не одну, и не десяток, и не тысячу, а миллион — миллиард мышей!

— Хорошо, они сдохли,— согласился Экельс.— Ну и что?

— Что? — Тревис презрительно фыркнул.— А как с лисами, для питания которых нужны были именно эти мыши? Не хватит десяти мышей — умрет одна лиса. Десятью лисами меньше — подойдет от голода лев. Одним львом меньше — погибнут всевозможные насекомые и стервятники, сгинет неисчислимое множество форм жизни. И вот итог: через пятьдесят девять миллионов лет пещерный человек, один из дюжины, населяющей *весь мир*, гонимый голодом выходит на охоту за кабаном или саблезубым тигром. Но вы, друг мой, раздавив *одну* мышь, тем самым раздавили *всех* тигров в этих местах. И пещерный человек умирает от голода. А этот человек, заметьте себе,— не просто один человек, нет! *Это целый будущий народ*. Из его чресел вышло бы десять сыновей. От них произошло бы сто — и так далее, и возникла бы целая цивилизация. Уничтожьте одного человека — и вы уничтожите целое племя, народ, историческую эпоху. Это все равно, что убить одного из внуков Адама. Раздавите ногой мышь — это будет равносильно землетрясению, которое исказит облик всей земли, в корне изменит наши судьбы. Гибель одного пещерного человека — смерть миллиарда его потомков, задушенных во чреве. Может быть, Рим не появится на своих семи холмах. Европа навсегда останется глухим лесом, только в Азии расцветет пышная жизнь. Наступите на мышь — и вы сокрушите пирамиды. Наступите на мышь — и вы оставите на Вечности вмятину величиной с Великий Каньон. Не будет королевы Елизаветы, Вашингтон не перейдет Делавер. Соединенные Штаты вообще не появятся. Так что будьте осторожны. Держитесь Тропы. *Никогда* не сходите с нее!

— Понимаю,— сказал Экельс.— Но тогда, выходит, опасно касаться даже травы?

— Совершенно верно. Нельзя предсказать, к чему приведет гибель того или иного растения. Малейшее отклоне-

ние сейчас неизмеримо возрастет за шестьдесят миллионов лет. Разумеется, не исключено, что наша теория ошибочна. Быть может, мы не в состоянии повлиять на Время. А если и в состоянии — то очень незначительно. Скажем, мертвая мышь ведет к небольшому отклонению в мире насекомых, дальше — к угнетению вида, еще дальше — к неурожаю, депрессии, голоду, наконец, к изменениям социальным. А может быть, итог будет совсем незаметным — легкое дуновение, шепот, волосок, пылинка в воздухе, такое, что сразу не увидишь. Кто знает? Кто возьмется предугадать? Мы не знаем — только гадаем. И покуда нам не известно совершенно точно, что наши вылазки во Времени для истории — гром или легкий шорох, надо быть чертовски осторожным. Эта Машина, эта Тропа, ваша одежда, вы сами, как вам известно, — все обеззаражено. И назначение этих кислородных шлемов — помешать нам внести в древний воздух наши бактерии.

— Но откуда мы знаем, каких зверей убивать?

— Они помечены красной краской, — ответил Тревис. — Сегодня, перед нашей отправкой, мы послали сюда на Машине Лесперанса. Он побывал как раз в этом времени и проследил за некоторыми животными.

— Изучал их?

— Вот именно, — отозвался Лесперанс. — Я прослеживаю всю их жизнь и отмечаю, какие особи живут долго. Таких очень мало. Сколько раз они спариваются. Редко... Жизнь коротка. Найдя зверя, которого подстерегает смерть под упавшим деревом или в асфальтовом озере, я отмечаю час, минуту, секунду, когда он гибнет. Затем стреляю красящей пулей. Она оставляет на коже красную метку. И когда экспедиция отбывает в Прошлое, я рассчитываю все так, чтобы мы явились минуты за две до того, как животное все равно погибнет. Так что мы убиваем только те особи, у которых нет будущего, которым и без того уже не спариться. Видите, насколько мы осторожны?

— Но если вы утром побывали здесь, — взволнованно заговорил Экельс, — то должны были встретить нас, нашу экспедицию! Как она прошла? Успешно? Все остались живы?

Тревис и Лесперанс переглянулись.

— Это был бы парадокс, — сказал Лесперанс. — Такой путаницы, чтобы человек встретил самого себя. Время не допускает. Если возникает такая опасность, Время делает шаг в сторону. Вроде того, как самолет проваливает-

ся в воздушную яму. Вы заметили, как Машину тряхнуло перед самой нашей остановкой? Это мы миновали самих себя по пути обратно в Будущее. Но мы не видели ничего. Поэтому невозможно сказать, удалась ли наша экспедиция, уложили ли мы зверя, вернулись ли мы — вернее, вы мистер Экельс, — обратно живые.

Экельс бледно улыбнулся.

— Ну, все, — отрезал Тревис. — Встали!

Пора было выходить из Машины.

Джунгли были высокие, и джунгли были широкие, и джунгли были навеки всем миром. Воздух наполняли звуки, словно музыка, словно паруса бились в воздухе — это летели, будто исполинские летучие мыши из кошмара, из бреда, махая огромными, как пещерный свод, серыми крыльями, птеродактили. Экельс, стоя на узкой Тропе, шутя прицелился.

— Эй, бросьте! — скомандовал Тревис. — Даже в шутку не целитесь, черт бы вас побрал! Вдруг выстрелит...

Экельс покраснел.

— Где же наш *Tyrannosaurus*?

Лесперанс взглянул на свои часы.

— На подходе. Мы встретимся ровно через шестьдесят секунд. И ради бога — не прозевайте красное пятно. Пока не скажем, не стрелять. И не сходите с Тропы. Не сходите с Тропы!

Они шли навстречу утреннему ветерку.

— Странно, — пробормотал Экельс. — Перед нами — шестьдесят миллионов лет. Выборы прошли. Кейт стал президентом. Все празднуют победу. А мы — здесь, все эти миллионы лет словно ветром сдуло, их нет. Всего того, что заботило нас на протяжении нашей жизни, еще нет и в помине, даже в проекте.

— Приготовиться! — скомандовал Тревис. — Первый выстрел ваш, Экельс. Биллингс — второй номер. За ним — Кремер.

— Я охотился на тигров, кабанов, буйволов, слонов, но видит бог: это совсем другое дело, — произнес Экельс. — Я дрожу, как мальчишка.

— Тихо, — сказал Тревис.

Все остановились.

Тревис поднял руку.

— Впереди,— прошептал он.— В тумане. Он там. Встречайте Его Королевское Величество.

Безбрежные джунгли были полны щелбета, шороха, бормотанья, вздохов.

Вдруг все смолкло, точно кто затворил дверь.

Тишина.

Раскат грома.

Из мглы ярдах в ста впереди появился Туганпозаугус гех.

— Силы небесные,— пролепетал Экельс.

— Тсс!

Оно шло на огромных, лоснящихся, пружинящих, мягко ступающих ногах.

Оно на тридцать футов возвышалось над лесом — великий бог зла, прижавший хрупкие руки часовщика к маслянистой груди рептилии. Ноги — могучие поршни, тысяча фунтов белой кости, оплетенные тугими канатами мышц под блестящей морщинистой кожей, подобной кольчуге грозного воина. Каждое бедро — тонна мяса, слоновой кости и кольчужной стали. А из громадной вздымающейся грудной клетки торчали две тонкие руки, руки с пальцами, которые могли подобрать и исследовать человека, будто игрушку. Извивающаяся змеиная шея легко вздымала к небу тысячекилограммовый каменный монолит головы. Разверстая пасть обнажала частокол зубов-кинжалов. Вращались глаза — страусовые яйца, не выражая ничего, кроме голода. Оно сомкнуло челюсти в зловещем оскале. Оно побежало, и задние ноги смяли кусты и деревья, и когти вспороли сырую землю, оставляя следы шестидюймовой глубины. Оно бежало скользким балетным шагом, неправдоподобно уверенно и легко для десятитонной махины. Оно настороженно вышло на залитую солнцем прогалину и пощупало воздух своими красивыми чешуйчатыми руками.

— Господи! — Губы Экельса дрожали.— Да оно, если вытянется, луну достать может.

— Тсс! — сердито зашипел Тревис.— Он еще не заметил нас.

— Его нельзя убить.— Экельс произнес это спокойно, словно заранее отметал все возражения. Он взвесил показания очевидцев и вынес окончательное решение. Ружье в

его руках было словно пугач.— Идиоты, и что нас сюда принесло... Это же невозможно.

— Молчать! — рявкнул Тревис.

— Кошмар...

— Кру-гом! — скомандовал Тревис.— Спокойно возвращайтесь в Машину. Половина суммы будет вам возвращена.

— Я не ждал, что оно окажется таким огромным,— сказал Экельс.— Одним словом, просчитался. Нет, я участвовать не буду.

— Оно заметило нас!

— Вон красное пятно на груди!

Громогласный Ящер выпрямился. Его бронированная плоть сверкала, словно тысяча зеленых монет. Монеты покрывала жаркая слизь. В слизи копошились мелкие козявки, и все тело переливалось, будто по нему пробегали волны, даже когда чудовище стояло неподвижно. Оно глухо дохнуло. Над поляной повис запах сырого мяса.

— Помогите мне уйти,— сказал Экельс.— Раньше все было иначе. Я всегда знал, что останусь жив. Были надежные проводники, удачные сафари, никакой опасности. На сей раз я просчитался. Это мне не по силам. Признаюсь. Орешек мне не по зубам.

— Не бегите,— сказал Лесперанс.— Повернитесь кругом. Спрячьтесь в Машине.

— Да.— Казалось, Экельс окаменел. Он поглядел на свои ноги, словно пытался заставить их двигаться. Он застонал от бессилия.

— Экельс!

Он сделал шаг-другой, зажмурившись, волоча ноги.

— Не в ту сторону!

Едва он двинулся с места, как чудовище с ужасающим воем ринулось вперед. Сто ярдов оно покрыло за четыре секунды. Ружья взметнулись вверх и дали залп. Из пасти зверя вырвался ураган, обдав людей запахом слизи и крови. Чудовище взревело, его зубы сверкали на солнце.

Не оглядываясь, Экельс слепо шагнул к краю Тропы, сошел с нее и, сам того не сознавая, направился в джунгли; ружье бесполезно болталось в руках. Ступни тонули в зеленом мху, ноги влекли его прочь, он чувствовал себя одиноким и далеким от того, что происходило за его спиной.

Снова затрещали ружья. Выстрелы потонули в громовом реве ящера. Могучий хвост рептилии дернулся, точно кончик бича, и деревья взорвались облаками листьев и веток.

Чудовище протянуло вниз свои руки ювелира — погладить людей, разорвать их пополам, раздавить, как ягоды, и сунуть в пасть, в ревушую глотку! Глыбы глаз очутились возле людей. Они увидели свое отражение. Они открыли огонь по металлическим векам и пылающим черным зрачкам.

Словно каменный идол, словно горный обвал, рухнул *Tyrannosaurus*. Рыча, он цеплялся за деревья и валил их. Зацепил и смял металлическую Тропу. Люди бросились назад, отступая. Десять тонн холодного мяса, как утес, грохнулись оземь. Ружья дали еще залп. Чудовище ударило бронированным хвостом, щелкнуло змееными челюстями и затихло. Из горла фонтаном била кровь. Где-то внутри лопнул бурдюк с жидкостью, и зловонный поток захлестнул охотников. Они стояли неподвижно, облитые чем-то блестящим, красным.

Гром смолк.

В джунглях воцарилась тишина. После обвала — зеленый покой. После кошмара — утро.

Биллингс и Кремер сидели на Тропе; им было плохо. Тревис и Лесперанс стояли рядом, держа дымящиеся ружья и чертыхаясь.

Экельс, весь дрожа, лежал ничком в Машине времени. Каким-то образом он выбрался обратно на Тропу и добрал до Машины.

Подошел Тревис, глянул на Экельса, достал из ящика марлю и вернулся к тем, что сидели на Тропе.

— Оботритесь.

Они стерли со шлемов кровь. И тоже принялись чертыхаться. Чудовище лежало неподвижно. Гора мяса, из недр которой доносилось бульканье, вздохи — это умирали клетки, органы переставали действовать, и соки последний раз текли по своим ходам, все отключалось, навсегда выходя из строя. Точно вы стояли возле разбитого паровоза или закончившего рабочий день парового катка — все клапаны открыты или плотно зажаты. Затрещали кости: вес мышц, ничем не управляемый, — мертвый вес — раздавил тонкие руки, притиснутые к земле. Колыхаясь, мясо приняло покойное положение.

Вдруг снова грохот. Высоко над ними сломался исполинский сук. С гулом он обрушился на безжизненное чудовище, как бы окончательно утверждая его гибель.

— Так. — Лесперанс поглядел на часы. — Минута в минуту. Это тот самый сук, который должен был его убить. —

Он обратился к двум охотникам.— Фотография трофея вам нужна?

— Что?

— Мы не можем увозить добычу в Будущее. Туша должна лежать здесь, на своем месте, чтобы ею могли питаться насекомые, птицы, бактерии. Равновесие нарушать нельзя. Поэтому добычу оставляют. Но мы можем сфотографировать вас возле нее.

Охотники сделали над собой усилие, пытаюсь думать, но сдались, тряся головой.

Они послушно дали отвести себя в Машину. Устало опустились на сиденья. Тупо оглянулись на поверженное чудовище — немой курган. На остывающей броне уже копошились золотистые насекомые, сидели причудливые птицевящеры.

Внезапный шум заставил охотников оцепенеть: на полу Машины, дрожа, сидел Экельс.

— Простите меня,— сказал он.

— Встаньте! — рявкнул Тревис.

Экельс встал.

— Ступайте на Тропу,— скомандовал Тревис. Он поднял ружье.— Вы не вернетесь с Машинной. Вы останетесь здесь!

Лесперанс перехватил руку Тревиса.

— Постой...

— А ты не суйся! — Тревис стряхнул его руку.— Из-за этого подонка мы все чуть не погибли. Но главное даже не это. Нет, черт возьми, ты погляди на его башмаки! Гляди! Он соскочил с Тропы. Понимаешь, чем это нам грозит? Один бог знает, какой штраф нам прилепят! Десятки тысяч долларов! Мы гарантируем, что никто не сойдет с Тропы. Он сошел. Идиот чертов! Я обязан доложить правительству. И нас могут лишить концессии на эти сафари. А какие последствия будут для Времени, для Истории?!

— Успокойся, он набрал на подошвы немного грязи — только и всего.

— Откуда мы можем *знать*? — крикнул Тревис.— Мы ничего не знаем! Это же все сплошная загадка! Шагом марш, Экельс!

Экельс полез в карман.

— Я заплачу сколько угодно. Сто тысяч долларов!

Тревис покосился на чековую книжку и плюнул.

— Ступайте! Чудовище лежит возле Тропы. Суньте ему

руки по локоть в пасть. Потом можете вернуться к нам.

— Это несправедливо!

— Зверь мертв, ублюдок несчастный. Пули! Пули не должны оставаться здесь, в Прошлом. Они могут повлиять на развитие. Вот вам нож. Вырежьте их!

Джунгли опять пробудились к жизни и наполнились древними шорохами, птичьими голосами. Экельс медленно повернулся и остановил взгляд на доисторической падали, горе кошмаров и ужасов. Наконец, словно лунатик, побрел по Тропе.

Пять минут спустя он, дрожа всем телом, вернулся к Машине; его руки были по локоть красны от крови. Он протянул вперед обе ладони. На них блестили стальные пули. Потом он упал. Он лежал там, где упал, недвижимый.

— Напрасно ты его заставил это делать,— сказал Лесперанс.

— Напрасно! Об этом рано судить.— Тревис толкнул неподвижное тело.— Не помрет. Больше его не потянет за такой добычей. А теперь,— он сделал вялый жест рукой,— включай. Двигаемся домой.

1492. 1776. 1812.

Они умыли лицо и руки. Они сняли заскорузлые от крови рубахи, брюки и надели все чистое. Экельс пришел в себя, но сидел молча. Тревис добрых десять минут в упор смотрел на него.

— Не глядите на меня,— вырвалось у Экельса.— Я ничего не сделал.

— Кто знает...

— Я только соскочил с Тропы и вымазал башмаки глиной. Чего вы от меня хотите? Чтобы я вас на коленях умолял?

— Это не исключено. Предупреждаю вас, Экельс, может еще случиться, что я вас убью. Ружье заряжено.

— Я не виноват. Я ничего не сделал!

1999. 2000. 2055.

Машина остановилась.

— Выходите,— скомандовал Тревис.

Комната была такая же, как прежде. Хотя нет, не совсем такая же... Тот же человек сидел за той же конторкой. Нет, не совсем тот же человек, и конторка не та же.

Тревис быстро обвел помещение взглядом.

— Все в порядке? — буркнул он.

— Конечно. С благополучным возвращением!

Но настороженность не покидала Тревиса. Казалось, он проверяет каждый атом воздуха, придиричиво исследует свет солнца, падающий из высокого окна.

— О кей, Экельс, выходите. И больше никогда не попадайтесь мне на глаза.

Экельс будто окаменел.

— Ну? — поторопил его Тревис. — Что вы там такое увидели?

Экельс медленно вдыхал воздух — с воздухом что-то произошло, какое-то химическое изменение, настолько незначительное, неуловимое, что лишь слабый голос подсознания говорил Экельсу о перемене. И краски — белая, серая, синяя, оранжевая, на стенах, мебели, в небе за окном — они... они... да: что с ними случилось? А тут еще это ощущение. По коже бежали мурашки. Руки дергались. Всеми порами тела он улавливал нечто странное, чужеродное. Будто где-то кто-то свистнул в свисток, который слышат только собаки. И его тело беззвучно откликнулось. За окном, за стенами этого помещения, за спиной человека (который был не тем человеком) у перегородки (которая была не той перегородкой) — целый мир улиц и людей. Но как отсюда определить, что это за мир теперь, что за люди? Он буквально чувствовал, как они движутся там, за стенами, — словно шахматные фигурки, влекомые сухим ветром...

Зато сразу бросалось в глаза объявление на стене, объявление, которое он уже читал сегодня, когда впервые вошел сюда.

Что-то в нем было не так.

А/О СОФАРИ ВОВРЕМЕНИ
АРГАНИЗУЕМ СОФАРИ ВЛЮБОЙ ГОД ПРОШЛОГО
ВЫ ВЫБЕРАЕТЕ ДАВЫЧУ
МЫ ДАСТАВЛЯЕМ ВАС НАМЕСТО
ВЫ УБЕВАЕТЕ ЕЕ

Экельс почувствовал, что опускается на стул. Он стал лихорадочно скрести грязь на башмаках. Его дрожащая рука подняла липкий ком.

— Нет, не может быть! Из-за такой малости... Нет!

На комке было отливающее зеленою, золотом и чернью пятно — бабочка, очень красивая... мертвая.

— Из-за такой малости! Из-за бабочки! — закричал Экельс.

Она упала на пол — изящное маленькое создание, способное нарушить равновесие, повалить маленькие костяшки домино... большие костяшки... огромные костяшки, соединенные цепью неисчислимых лет, составляющих Время. Мысли Экельса смешались. *Не может быть*, чтобы она что-то изменила. Мертвая бабочка — и такие последствия? Невозможно!

Его лицо похолодело. Непослушными губами он вымолвил:

— Кто... кто вчера победил на выборах?

Человек за конторкой хихикнул.

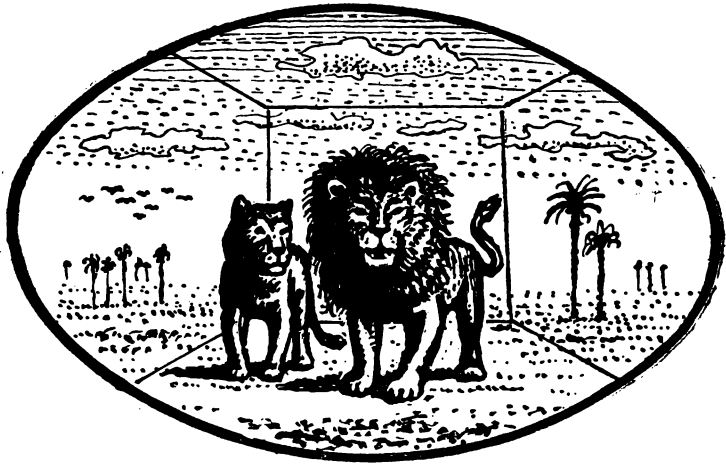
— Шутите? Будто не знает! Дойчер, разумеется! Кто же еще? Уж не этот ли хлюпик, Кейт? Теперь у власти железный человек! — Служащий опешил. — Что это с вами?

Экельс застонал. Он упал на колени. Дрожащие пальцы протянулись к золотистой бабочке.

— Неужели нельзя, — молил он весь мир, себя, служащего, Машину, — вернуть ее *туда*, оживить ее? Неужели нельзя начать все сначала? Может быть...

Он лежал неподвижно. Лежал, закрыв глаза, дрожа, и ждал. Он отчетливо слышал тяжелое дыхание Тревиса, слышал, как Тревис поднимает ружье и нажимает курок.

И грянул гром.

В Е Л Ъ Д *

— Джорджи, пожалуйста, посмотри детскую комнату.

— А что с ней?

— Не знаю.

— Так в чем же дело?

— Ни в чем, просто мне хочется, чтобы ты ее посмотрел, или пригласи психиатра, пусть он посмотрит.

— При чем здесь психиатр?

— Ты отлично знаешь, при чем. — Стоя посреди кухни, она глядела на плиту, которая, деловито жужжа, сама готовила ужин на четверых. — Понимаешь, детская изменилась, она совсем не такая, как прежде.

— Ладно, давай посмотрим.

Они пошли по коридору своего звуконепроницаемого дома типа «Все для счастья», который стал им в тридцать тысяч долларов (с полной обстановкой), — дома, который их одевал, кормил, холил, укачивал, пел и играл им. Когда до детской оставалось пять шагов, что-то щелкнуло, и в

---

* Вельд — название диких степей Южной Африки.

ней зажегся свет. И в коридоре, пока они шли, один за другим плавно, автоматически загорались и гасли светильники.

— Ну,— сказал Джордж Хедли.

Они стояли на крытом камышовой циновкой полу детской комнаты. Сто сорок четыре квадратных метра, высота — десять метров; она одна стоила пятнадцать тысяч. «Дети должны получать все самое лучшее»,— заявил тогда Джордж.

Тишина. Пусто, как на лесной прогалине в знойный полдень. Гладкие двухмерные стены. Но на глазах у Джорджа и Лидии Хедли они, мягко жужжа, стали таять, словно уходя в прозрачную даль, и появился африканский вельд— трехмерный, в красках, как настоящий, вплоть до мельчайшего камешка и травинки. Потолок над ними превратился в далекое небо с жарким желтым солнцем.

Джордж Хедли ощутил, как на лбу у него проступает пот.

— Лучше уйдем от солнца,— предложил он,— уж больно естественное. И вообще, я ничего такого не вижу, все как будто в порядке.

— Подожди минуточку, сейчас увидишь,— сказала жена.

В этот миг скрытые одорофоны, вступив в действие, направили волну запахов на двоих людей, стоящих среди опаленного солнцем вельда. Густой, сушащий ноздри запах жухлой травы, запах близкого водоема, едкий, резкий запах животных, запах пыли, которая клубилась в раскаленном воздухе облачком красного перца. А вот и звуки: далекий топот антилопных копыт по упругому дерну, шуршащая поступь крадущихся хищников.

В небе проплыл силуэт, по обращенному вверх потному лицу Джорджа Хедли скользнула тень.

— Мерзкие твари,— услышал он голос жены.

— Стервятники...

— Смотри-ка, львы, вон там, вдали, вон, вон! Пошли на водопой. Видишь, они там что-то ели.

— Какое-нибудь животное.— Джордж Хедли защитил воспаленные глаза ладонью от слепящего солнца.— Зебру... или жирафенка...

— Ты уверен? — Ее голос звучал как-то странно.

— Теперь-то уверенным быть нельзя, поздно,— шутиливо ответил он.— Я вижу только обглоданные кости да стервятников, которые подбирают ошметки.

— Ты не слышал крика? — спросила она.

— Нет.

— Так с минуту назад?

— Ничего не слышал.

Львы медленно приближались. И Джордж Хедли — в который раз — восхитился гением конструктора, создавшего эту комнату. Чудо совершенства — за абсурдно низкую цену. Всем бы домовладельцам такие! Конечно, иногда они отталкивают своей клинической продуманностью, даже пугают, вызывают неприятное чувство, но чаще всего львят источником забавы не только для вашего сына или дочери, но и для вас самих, когда вы захотите развлечься короткой прогулкой в другую страну, сменить обстановку. Как сейчас, например!

Вот они, львы, в пятнадцати футах, такие правдоподобные — да-да, такие до ужаса, до безумия правдоподобные, что ты чувствуешь, как твою кожу щекочет жесткий синтетический мех, а от запаха разгоряченных шкур у тебя во рту вкус пыльной обивки, их желтизна отсвечивает в твоих глазах желтизной французского гобелена... Желтый цвет львиной шкуры и жухлой травы, шумное львиное дыхание в тихий полуденный час, запах мяса из открытых, влажных от слюны пастей.

Львы остановились, глядя жуткими желто-зелеными глазами на Джорджа и Лидию Хедли.

— Берегись! — вскричала Лидия.

Львы ринулись на них.

Лидия стремглав бросилась к двери, Джордж непроизвольно побежал следом. И вот они в коридоре, дверь захлопнута, он смеется, она плачет, и каждый озадачен реакцией другого.

— Джордж!

— Лидия! Моя бедная, дорогая, милая Лидия!

— Они чуть не схватили нас!

— Стены, Лидия, светящиеся стены, только и всего, не забывай. Конечно, я не спорю, они выглядят очень правдоподобно — Африка в вашей гостиной! — но все это лишь повышенного воздействия цветной объемный фильм и психозапись, проектируемые на стеклянный экран, одорофоны и стереозвук. Вот, возьми мой платок.

— Мне страшно. — Она подошла и всем телом прильнула к нему, тихо плача. — Ты видел? Ты почувствовал? Это чересчур правдоподобно.

— Послушай, Лидия...

— Скажи Венди и Питеру, чтобы они больше не читали про Африку.

— Конечно... конечно.— Он погладил ее волосы.

— Обещаешь?

— Разумеется.

— И запири детскую комнату на несколько дней, пока я не справлюсь с нервами.

— Ты ведь знаешь, как трудно с Питером. Месяц назад я наказал его, запер детскую комнату на несколько часов— что было! Да и Венди тоже... Детская для них — все.

— Ее нужно запереть, и никаких поблажек.

— Ладно.— Он неохотно запер тяжелую дверь.— Ты переутомилась, тебе нужно отдохнуть.

— Не знаю... Не знаю.— Она высморкалась и села в кресло, которое тотчас тихо закачалось.— Возможно, у меня слишком мало дела. Возможно, остается слишком много времени для размышлений. Почему бы нам на несколько дней не запереть весь дом, не уехать куда-нибудь?

— Ты хочешь сказать, что готова сама жарить мне яичницу?

— Да.— Она кивнула.

— И штопать мои носки?

— Да.— Порывистый кивок; глаза полны слез.

— И заниматься уборкой?

— Да, да... Конечно!

— А я-то думал, мы для того и купили этот дом, чтобы ничего не делать самим?

— Вот именно. Я здесь вроде ни к чему. Дом — и жена, и мама, и горничная. Разве я могу состязаться с африканским вельдом? Разве могу искупать и отмыть детей так быстро и чисто, как это делает автоматическая ванна? Не могу. И не во мне одной дело, а и в тебе тоже. В последнее время ты стал ужасно нервным.

— Наверно, слишком много курю.

— У тебя такой вид, словно и ты не знаешь, куда себя деть в этом доме. Куришь немного больше обычного каждое утро, выпиваешь немного больше обычного по вечерам и принимаешь на ночь снотворное чуть больше обычного. Ты тоже начинаешь чувствовать себя ненужным.

— Я?..— Он помолчал, пытаясь заглянуть в собственную душу и понять, что там происходит.

— О, Джорджи! — Она поглядела мимо него на дверь

детской комнаты.— Эти львы... Они ведь не могут выйти оттуда?

Он тоже посмотрел на дверь — она вздрогнула, словно от удара изнутри.

— Разумеется, нет,— ответил он.

Они ужинали одни. Венди и Питер отправились на специальный стереокарнавал в другом конце города и сообщали домой по видеофону, что вернутся поздно, не надо их ждать. Озабоченный Джордж Хэдли смотрел, как стол-автомат исторгает из своих механических недр горячие блюда.

— Мы забыли кетчуп,— сказал он.

— Простите,— произнес тонкий голосок внутри стола, и появился кетчуп.

«Детская...— подумал Джордж Хэдли.— Что ж, детям и впрямь не вредно некоторое время пожить без нее. Во всем нужна мера. А они, это совершенно ясно, слишком уж увлекаются Африкой». Это солнце... Он до сих пор чувствовал на шее его лучи — словно прикосновение горячей лапы. А эти львы. И запах крови. Удивительно, как точно детская улавливает телепатическую эманацию психики детей и воплощает любое их пожелание. Стоит им подумать о львах — пожалуйста, вот они. Представят себе зебр — вот зебры. И солнце. И жирафы. И смерть.

Вот именно. Он механически жевал пищу, которую ему приготовил стол. Мысли о смерти. Венди и Питер слишком молоды для таких мыслей. А впрочем, разве дело в возрасте? Задолго до того, как ты понял, что такое смерть, ты уже желаешь смерти кому-нибудь. В два года ты стреляешь в людей из пугача...

Но это... Жаркий безбрежный африканский вельд... Ужасная смерть в когтях льва... Снова и снова смерть.

— Ты куда?

Он не ответил ей. Поглощенный своими мыслями, он шел, провожаемый волной света, к детской. Он приложил ухо к двери. Откуда-то донесся львиный рык.

Он отпер дверь и распахнул ее. В тот же миг его слуха коснулся далекий крик. Снова рычание львов... Тишина.

Он вошел в Африку. Сколько раз за последний год он, открыв дверь, встречал Алису в стране чудес, или фальшивую черепаху, или Аладдина с его волшебной лампой,

или Джека Тыквенную Голову из страны Оз, или доктора Дулитла, или корову, которая прыгала через луну, очень похожую на настоящую,— всех этих чудесных обитателей воображаемого мира. Сколько раз видел он летящего в небе Пегаса, или розовые фонтаны фейерверка, или слышал ангельское пение. А теперь перед ним желтая раскаленная Африка, огромная печь, которая пышет убийством. Может быть, Лидия права. Может, и впрямь надо на время расстаться с фантазией, которая стала чересчур реальной для десятилетних детей. Разумеется, очень полезно упражнять воображение человека, но если пылкая детская фантазия чрезмерно увлекается каким-то одним мотивом?.. Кажется, весь последний месяц он слышал львиный рык, чувствовал даже у себя в кабинете резкий запах хищников, да по занятости не обращал внимания...

Джордж Хедли стоял один в степях Африки. Львы, оторвавшись от своей трапезы, смотрели на него. Полная иллюзия настоящих зверей — если бы не открытая дверь, через которую он видел в дальнем конце темного коридора, будто портрет в рамке, рассеянно ужинающую жену.

— Уходите,— сказал он львам.

Они не послушались.

Он отлично знал устройство комнаты. Достаточно послать мысленный приказ, и он будет исполнен.

— Пусть появится Аладдин с его лампой,— рявкнул он.

По-прежнему вельд, и все те же львы...

— Ну, комната, действуй! Мне нужен Аладдин.

Никакого впечатления. Львы что-то грызли, трясая косматыми гривами.

— Аладдин!

Он вернулся в столовую.

— Проклятая комната,— сказал он,— поломалась. Не слушается.

— Или...

— Или что?

— Или не может послушаться,— ответила Лидия.— Потому что дети уже столько дней думают про Африку, львов и убийства, что комната застряла на одной комбинации.

— Возможно.

— Или же Питер заставил ее застрять.

— Заставил?

— Открыл механизм и что-нибудь подстроил.

— Питер не разбирается в механизме.

— Для десятилетнего парня он совсем не глуп. Коэффициент его интеллекта...

— И все-таки...

— Хелло, мам! Хелло, пап!

Супруги Хедли обернулись. Венди и Питер вошли в прихожую: щеки — мятный леденец, глаза — ярко-голубые шарики, от джемперов так и веет озоном, в котором они купались, летя на вертолете.

— Вы как раз успели к ужину, — сказали родители вместе.

— Мы наелись земляничного мороженого и сосисок, — ответили дети, отмахиваясь руками. — Но мы посидим с вами за столом.

— Вот-вот, подойдите-ка сюда, расскажите про детскую, — позвал их Джордж Хедли.

Брат и сестра удивленно посмотрели на него, потом друг на друга.

— Детскую?

— Про Африку и все прочее, — продолжал отец с наигранным добродушием.

— Не понимаю, — сказал Питер.

— Ваша мать и я только что совершили путешествие по Африке: Том Свифт и его Электрический Лев, — усмеялся Джордж Хедли.

— Никакой Африки в детской нет, — невинным голосом возразил Питер.

— Брось, Питер, мы-то знаем.

— Я не помню никакой Африки. — Питер повернулся к Венди. — А ты?

— Нет.

— А ну, сбегай, проверь и скажи нам.

Она повиновалась брату.

— Венди, вернись! — позвал Джордж Хедли, но она уже ушла. Свет провожал ее, словно рой светлячков. Он слишком поздно сообразил, что забыл запереть детскую.

— Венди посмотрит и расскажет нам, — сказал Питер.

— Что мне рассказывать, когда я сам видел.

— Я уверен, отец, ты ошибся.

— Я не ошибся, пойдем-ка.

Но Венди уже вернулась.

— Никакой Африки нет, — доложила она, запыхавшись.

— Сейчас проверим, — ответил Джордж Хедли.

Они все вместе пошли по коридору и отворили дверь в детскую.

Чудесный зеленый лес, чудесная река, пурпурная гора, ласкающее слух пение, а в листве — очаровательная таинственная Рима, на длинных распушенных волосах которой, словно ожившие цветы, трепетали многоцветные бабочки. Ни африканского вельда, ни львов. Только Рима, поющая так восхитительно, что невольно на глазах выступают слезы.

Джордж Хедли внимательно осмотрел новую картину.

— Ступайте спать, — велел он детям.

Они открыли рты.

— Вы слышали?

Они отправились в пневматический отсек и взлетели, словно сухие листья, вверх по шахте в свои спальни.

Джордж Хедли пересек звенящую птичьими голосами полянку и что-то подобрал в углу, поблизости от того места, где стояли львы. Потом медленно возвратился к жене.

— Что это у тебя в руке?

— Мой старый бумажник, — ответил он и протянул его ей.

От бумажника пахло жухлой травой и львами. На нем были капли слюны, и следы зубов, и с обеих сторон пятна крови.

Он затворил дверь детской и надежно ее запер.

В полночь Джордж все еще не спал, и он знал, что жена тоже не спит.

— Так ты думаешь, Венди ее переключила? — спросила она наконец в темноте.

— Конечно.

— Превратила вельд в лес и на место львов вызвала Риму?

— Да.

— Но зачем?

— Не знаю. Но пока я не выясню, комната будет заперта.

— Как туда попал твой бумажник?

— Не знаю, — ответил он, — ничего не знаю, только одно: я уже жалею, что мы купили детям эту комнату. И без того они нервные, а тут еще такая комната...

— Ее назначение в том и состоит, чтобы помочь им избавиться от своих неврозов.

— Ой, так ли это... — Он посмотрел на потолок.

— Мы давали детям все, что они просили. А в награду что получаем — непослушание, секреты от родителей...

— Кто это сказал: «Дети — ковер, иногда на них надо наступать»... Мы ни разу не поднимали на них руку. Скажем честно — они стали несносны. Уходят и приходят, когда им вздумается, с нами обращаются так, словно мы — их отпрыски. Мы их портим, они нас.

— Они переменялись с тех самых пор — помнишь, месяца два-три назад? — когда ты запретил им лететь на ракете в Нью-Йорк.

— Я им объяснил, что они еще малы для такого путешествия.

— Объяснил, а я вижу, как они с того дня стали хуже к нам относиться.

— Я вот что сделаю: завтра приглашу Дэвида Маккллина и попрошу его взглянуть на эту Африку.

— Но ведь Африки нет, теперь там сказочная страна и Рима.

— Сдается мне, к тому времени снова будет Африка.

Мгновением позже он услышал крики.

Один... другой... Двое кричали вниз. Затем — рычание львов.

— Венди и Питер не спят, — сказала ему жена.

Он слушал с колотящимся сердцем.

— Да, — отозвался он. — Они проникли в детскую комнату.

— Эти крики... они мне что-то напоминают.

— В самом деле?

— Да, мне страшно.

И как ни трудились кровати, они еще целый час не могли укачать супругов Хедли. В ночном воздухе пахло кошками.

— Отец, — сказал Питер.

— Да?

Питер разглядывал носки своих ботинок. Он давно избегал смотреть на отца, да и на мать тоже.

— Ты что же, навсегда запер детскую?

— Это зависит...

— От чего? — резко спросил Питер.

— От тебя и твоей сестры. Если вы не будете чересчур

увлекаться этой Африкой, станете ее чередовать... скажем, со Швецией, или Данией, или Китаем...

— Я думал, мы можем играть по что хотим.

— Безусловно, в пределах разумного.

— А чем плоха Африка, отец?

— Так ты все-таки признаешь, что вызывал Африку!

— Я не хочу, чтобы запирали детскую,— холодно произнес Питер.— Никогда.

— Так позволь сообщить тебе, что мы вообще собираемся на месяц оставить этот дом. Попробуем жить по золотому принципу: «Каждый делает все сам».

— Ужасно! Значит, я должен сам шнуровать ботинки, без автоматического шнуровальщика? Сам чистить зубы, причесываться, мыться?

— Тебе не кажется, что это будет даже приятно для разнообразия?

— Это будет отвратительно. Мне было совсем не приятно, когда ты убрал автоматического художника.

— Мне хотелось, чтобы ты научился рисовать, сынок.

— Зачем? Достаточно смотреть, слушать и обонять! Других стоящих занятий нет.

— Хорошо, ступай, играй в Африке.

— Так вы решили скоро выключить наш дом?

— Мы об этом подумывали.

— Советую тебе подумать еще раз, отец.

— Но-но, сынок, без угроз!

— Отлично.— И Питер отправился в детскую.

— Я не опоздал? — спросил Девид Макклин.

— Завтрак? — предложил Джордж Хедли.

— Спасибо, я уже. Ну, так в чем дело?

— Девид, ты разбираешься в психике?

— Как будто.

— Так вот, проверь, пожалуйста, нашу детскую. Год назад ты в нее заходил — тогда ты заметил что-нибудь особенное?

— Вроде нет. Обычные проявления агрессии, тут и там налет паранойи, присущей детям, которые считают, что родители их постоянно преследуют. Но ничего, абсолютно ничего серьезного.

Они вышли в коридор.

— Я запер детскую,— объяснил отец семейства,—

а ночью дети все равно проникли в нее. Я не стал вмешиваться, чтобы ты мог посмотреть на их затеи.

Из детской доносились ужасные крики.

— Вот-вот,— сказал Джордж Хедли.— Интересно, что ты скажешь?

Они вошли без стука.

Крики смолкли, львы что-то пожирали.

— Ну-ка, дети, ступайте в сад,— распорядился Джордж Хедли.— Нет-нет, не меняйте ничего, оставьте стены, как есть. Марш!

Оставшись вдвоем, мужчины внимательно посмотрели на львов, которые сгрудились поодаль, жадно уничтожая свою добычу.

— Хотел бы я знать, что это,— сказал Джордж Хедли.— Иногда мне кажется, что я вижу... Как думаешь, если принести сильный бинокль...

Девид Макклин сухо усмехнулся.

— Вряд ли...

Он повернулся, разглядывая одну за другой все четыре стены.

— Давно это продолжается?

— Чуть больше месяца.

— Да, ощущение неприятное...

— Мне нужны факты, а не чувства.

— Дружище Джордж, найди мне психиатра, который наблюдал бы хоть один факт. Он слышит то, что ему сообщают об ощущениях, то есть нечто весьма неопределенное. Итак, я повторяю: это производит гнетущее впечатление. Положись на мой инстинкт и мое предчувствие. Я всегда чувствую, когда назревает беда. Тут кроется что-то очень скверное. Советую вам совсем выключить эту проклятую комнату и минимум год ежедневно приводить ко мне ваших детей на процедуры.

— Неужели до этого дошло?

— Боюсь, да. Первоначально эти детские были задуманы, в частности, для того, чтобы мы, врачи, без обследования могли по картинам на стенах изучать психологию ребенка и исправлять ее. Но в данном случае детская, вместо того чтобы избавлять от разрушительных наклонностей, поощряет их!

— Ты это и раньше чувствовал?

— Я чувствовал только, что вы больше других балуете своих детей. А теперь закрутили гайку. Что произошло?

— Я не пустил их в Нью-Йорк.

— Еще?

— Убрал из дома несколько автоматов, а месяц назад пригрозил запереть детскую, если они не будут делать уроков. И действительно запер на несколько дней, чтобы знали, что я не шушу.

— Ага!

— Тебе это что-нибудь говорит?

— Все. На место рождественского деда пришел бука. Дети предпочитают рождественского деда. Ребенок не может жить без привязанностей. Вы с женой позволили этой комнате, этому дому занять ваше место в их сердцах. Детская комната стала для них матерью и отцом, оказалась в их жизни куда важнее подлинных родителей. Теперь вы хотите ее запереть. Не удивительно, что здесь появилась ненависть. Вот—даже небо излучает ее. И солнце. Джордж, вам надо переменить образ жизни. Как и для многих других—слишком многих—для вас главным стал комфорт. Да если завтра на кухне что-нибудь поломается, вы же с голоду помрете. Не сумеете сами яйца разбить! И все-таки советую выключить все. Начните новую жизнь. На это понадобится время. Ничего, за год мы из дурных детей сделаем хороших, вот увидишь.

— А не будет ли это слишком резким шоком для ребят—вдруг запереть навсегда детскую?

— Я не хочу, чтобы зашло еще дальше, понимаешь?

Львы кончили свой кровавый пир.

Львы стояли на опушке, глядя на обоих мужчин.

— Теперь я чувствую себя преследуемым,— произнес Макклин.— Уйдем. Никогда не любил эти проклятые комнаты. Они мне действуют на нервы.

— А львы—совсем как настоящие, верно?—сказал Джордж Хедли.— Ты не допускаешь возможности...

— Что?!

— ...что они могут стать настоящими?

— По-моему, нет.

— Какой-нибудь порок в конструкции, переключение в схеме или еще что-нибудь?..

— Нет.

Они пошли к двери.

— Мне кажется, комнате не захочется, чтобы ее выключили,—сказал Джордж Хедли.

— Никому не хочется умирать, даже комнате.

— Интересно: она ненавидит меня за мое решение?

— Здесь все пропитано паранойей,— ответил Девид Макклин.— До осязаемости. Эй! — Он нагнулся и поднял окровавленный шарф.— Твой?

— Нет.— Лидо Джорджа окаменело.— Это Лидии.

Они вместе пошли к распределительному щитку и повернули выключатель, убивающий детскую комнату.

Дети были в истерике. Они кричали, прыгали, швыряли вещи. Они вопили, рыдали, бранились, металась по комнатам.

— Вы не смеете так поступать с детской комнатой, не смеете!

— Угмонитесь, дети.

Они в слезах бросились на диван.

— Джордж,— сказала Лидия Хедли,— включи детскую на несколько минут. Нельзя так вдруг.

— Нет.

— Это слишком жестоко.

— Лидия, комната выключена и останется выключенной. И вообще, пора кончать с этим проклятым домом. Чем больше я смотрю на все это безобразие, тем мне противнее. И так мы чересчур долго созерцали свой механический электронный пуп. Видит бог, нам необходимо сменить обстановку!

И он стал ходить из комнаты в комнату, выключая говорящие часы, плиты, отопление, чистильщиков обуви, механические губки, мочалки, полотенца, массажистов и все прочие автоматы, которые попадались под руку.

Казалось, дом полон мертвецов. Будто они очутились на кладбище механизмов. Тишина. Смолкло жужжание скрытой энергии машин, готовых вступить в действие при первом же нажатии кнопки.

— Не позволяй им это делать! — завопил Питер, подняв лицо к потолку, словно обращаясь к дому, к детской комнате.— Не позволяй отцу убивать все.— Он повернулся к отцу.— До чего же я тебя ненавижу!

— Оскорблениями ты ничего не достигнешь.

— Хоть бы ты умер!

— Мы долго были мертвыми. Теперь начнем жить по-настоящему. Мы привыкли быть предметом забот всевозможных автоматов — отныне мы будем жить.

Венди по-прежнему плакала. Питер опять присоединился к ней.

— Ну, еще немножечко, на минуточку, только на минуточку! — кричали они.

— Джордж, — сказала ему жена, — это им не повредит.

— Ладно, ладно, пусть только замолчат. На одну минуту, учтите, потом выключу совсем.

— Папочка, папочка, папочка! — запели дети, улыбаясь сквозь слезы.

— А потом — каникулы. Через полчаса вернется Девид Макклин, он поможет нам собраться и проведит на аэродром. Я пошел одеваться. Включи детскую на одну минуту, Лидия, слышишь — не больше одной минуты.

Дети вместе с матерью, весело болтая, поспешили в детскую, а Джордж, взлетев наверх по воздушной шахте, стал одеваться. Через минуту появилась Лидия.

— Я буду рада, когда мы покинем этот дом, — вздохнула она.

— Ты оставила их в детской?

— Мне тоже надо одеться. О, эта ужасная Африка. И что они в ней видят?

— Ничего, через пять минут мы будем на пути в Айову. Господи, какая сила загнала нас в этот дом?.. Что нас побудило купить этот кошмар!

— Гордыня, деньги, глупость.

— Пожалуй, лучше спуститься, пока ребята опять не увлеклись своим чертовым зверинцем.

В этот самый миг они услышали голоса обоих детей.

— Папа, мама, скорей, сюда, скорей!

Они спустились по шахте вниз и ринулись бегом по коридору. Детей нигде не было видно.

— Венди! Питер!

Они ворвались в детскую. В пустынном вельде — никого, ни души, если не считать львов, глядящих на них.

— Питер! Венди!

Дверь захлопнулась.

Джордж и Лидия Хедли метнулись к выходу.

— Откройте дверь! — закричал Джордж Хедли, дергая ручку. — Зачем вы ее заперли? Питер! — Он заколотил в дверь кулаками. — Открой!

За дверью послышался голос Питера:

— Не позволяй им выключать детскую комнату и весь дом.

Мистер и миссис Джордж Хедли стучали в дверь.

— Что за глупые шутки, дети! Нам пора ехать. Сейчас придет мистер Макклин и...

И тут они услышали...

Львы с трех сторон в желтой траве вельда, шуршание сухих стеблей под их лапами, рокот в их глотках.

Львы.

Мистер Хедли посмотрел на жену, потом они вместе повернулись лицом к хищникам, которые медленно, припадая к земле, подбирались к ним.

Мистер и миссис Хедли закричали.

И вдруг они поняли, почему крики, которые они слышали раньше, казались им такими знакомыми.

— Вот и я,— сказал Девид Макклин, стоя на пороге детской комнаты.— О, привет!

Он удивленно воззрился на двоих детей, которые сидели на поляне, уписывая ленч. Позади них был водоем и желтый вельд; над головами — жаркое солнце. У него выступил пот на лбу.

— А где отец и мать?

Дети обернулись к нему с улыбкой.

— Они сейчас придут.

— Хорошо, уже пора ехать.

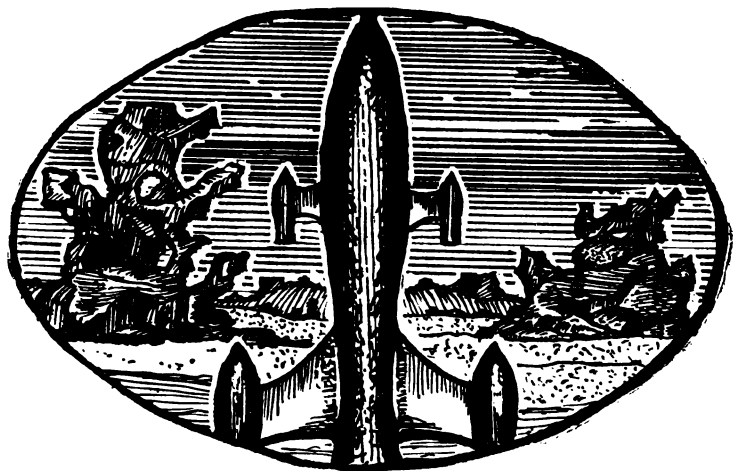
Мистер Макклин заметил вдали львов — они из-за чего-то дрались между собой, потом успокоились и легли с добычей в тени деревьев.

Заслонив глаза от солнца ладонью, он присмотрелся внимательнее.

Львы кончили есть и один за другим пошли на водопой.

Какая-то тень скользнула по разгоряченному лицу мистера Макклина. Много теней. С ослепительного неба спустились стервятники.

— Чашечку чаю? — прозвучал в тишине голос Венди.

З Е М Л Я Н Е

Кто-то упорно стучал и стучал в дверь.

Миссис Ттт рывком отворила.

— Ну, в чем дело?

— Вы говорите *по-английски*? — Человек, стоящий за дверью, опешил.

— Я говорю, как умею, — сказала она.

— Чистейший *английский* язык!

Человек был в мундире. Рядом с ним стояли еще трое; все четверо горели нетерпением — испачканные, сияющие.

— Что вам угодно? — спросила миссис Ттт.

— Вы — *марсианка*! — Человек улыбался. — Это слово вам наверное незнакомо. Так говорят у нас, на Земле. — Он кивнул на своих спутников. — Мы с Земли. Я — капитан Уильямс. Мы всего час назад сели на Марсе. И вот мы здесь, *Вторая* экспедиция! До нас была *Первая* экспедиция, но ее судьба нам неизвестна. Так или иначе, мы долетели. И вы — первый житель Марса, которого мы встретили!

— Марсианка? — Брови ее поднялись вверх.

— Я хочу этим сказать, что вы живете на четвертой от Солнца планете. Точно?

— Элементарная истина, — фыркнула она, меряя их взглядом.

— А мы, — он прижал к груди свою розовую пухлую руку, — мы — с Земли. Верно, ребята?

— Так точно, капитан! — откликнулись они хором.

— Это планета Тирр, — сказала она, — если вам угодно знать ее настоящее имя.

— Тирр, Тирр. — Капитан улыбался, точно заведенный. — Чудесное название! Но скажите же, добрая женщина, как объяснить, что вы так великолепно говорите по-английски?

— Я не говорю, — ответила она, — я думаю. Телепатия. Всего хорошего!

И она хлопнула дверью.

Мгновение спустя этот ужасный человек уже снова стучал.

Она распахнула дверь.

— Ну, что еще? — спросила она.

Он стоял на том же месте и силился улыбнуться, но уже без прежней уверенности. Он протянул к ней обе руки.

— Мне кажется, вы не совсем поняли...

— Чего? — отрезала она.

Он посмотрел на нее в замешательстве.

— Мы прилетели с Земли!

— Мне некогда, — сказала она. — У меня сегодня куча дел — обед, уборка, шитье, всякая всячина... Вам, вероятно, нужен мистер Ттт, так он наверху, в своем кабинете.

— Да, да, — озадаченно произнес человек с Земли, моргая. — Ради бога, позовите мистера Ттт.

— Он занят. — И она снова захлопнула дверь.

На этот раз стук был безобразно громким.

— Знаете, что! — вскричал человек, едва дверь распахнулась. Он ворвался в прихожую, словно решил взять неожиданностью. — Так не принимают гостей!

— Мой чистый пол! — возмутилась она. — Грязь! Убирайтесь прочь! Если вы хотите войти в мой дом, сперва почистите обувь.

Человек озадаченно посмотрел на свои башмаки.

— Сейчас не время придирааться к пустякам, — решительно заявил он. — По-моему, следует отпраздновать такое событие!

Он упорно глядел на нее, словно надеясь, что она в конце концов поймет.

— Если мои хрустальные булочки перестояли в печи,— закричала она,— то я вас поленом!..

И она поспешила к маленькой, пышащей жаром печке. Потом вернулась — раскрасневшаяся, потная. Ярко-желтые глаза, смуглая кожа, стройная фигурка и юркие движения насаемого... Резкий, металлический голос.

— Обождите здесь. Я проверю, можно ли вам на минутку увидеть мистера Ттт. Так что вы хотели?

Человек выругался так, словно она ударила его молотком по руке.

— Скажите ему, что мы прилетели с Земли, что это впервые!

— Что впервые? — Она подняла вверх смуглую руку.— Ладно, это неважно. Я сейчас.

Звук ее шагов порхнул по переходам каменного дома.

Снаружи простерлось огромное марсианское небо—жаркое и недвижимое, словно глубокое теплое море. Марсианская почва, окутавшись трепетным маревом, пыхла, подобно доисторическому грязевому вулкану. На вершине пригорка неподалеку стоял небольшой космический корабль. От ракеты к двери каменного дома протянулась цепочка крупных следов.

Сверху, со второго этажа, донеслись возбужденные голоса. Люди у двери смотрели друг на друга, переступая с ноги на ногу, постукивая пальцами рук, лежащих на бедрах. Наверху что-то прорычал мужской голос. Женский голос ответил. Прошло четверть часа, земляне стали бродить взад-вперед у дверей кухни, не зная, что предпринять.

— Закурим? — сказал один из них.

Другой достал сигареты, они закурили. Они выдыхали неторопливые бледные струйки дыма. Они разгладили складки мундиров, поправили воротнички. Голоса наверху продолжали гудеть. Командир глянул на свои часы.

— Двадцать пять минут,— заметил он.— Что у них там происходит?

Он подошел к кухонному окну и выглянул наружу.

— Жаркий день,— сказал один из космонавтов.

— Да уж,— вздохнул другой в душном тяжелом полуденном зное.

Гул наверху сменился глухим бормотанием, потом и

вовсе стих. Во всем доме — ни звука. Единственное, что они слышали, было их собственное дыхание.

Целый час прошел в безмолвии.

— Уж не случилось ли из-за нас какой беды? — произнес командир, подходя к двери гостиной и заглядывая туда.

Мисс Ттт стояла посреди комнаты, поливая цветы.

— Забыла, совсем забыла, — сказала она, заметив его. Она вышла на кухню. — Очень прошу вас извинить меня. — Она протянула ему клочок бумаги. — К сожалению, мистер Ттт слишком занят. — Она повернулась к своим кастрюлям. — Да он вам и не нужен, обратитесь к мистеру Ааа. Пойдите с этой запиской в следующий дом, возле голубого канала, мистер Ааа сообщит вам все, что вы захотите узнать.

— Нам ничего не надо узнавать, — возразил командир, надув свои пухлые губы. — Мы и так уже знаем.

— Вы получили записку, что еще вам надо? — решительно спросила она. Больше они ничего не могли от нее добиться.

— Ладно, — сказал командир. Ему все еще не хотелось уходить. Он стоял с таким видом, будто чего-то ждал. Точно ребенок, глядящий на голую рождественскую елку. — Ладно, — повторил он. — Пошли, ребята.

И все четверо вышли в жаркий безветренный день.

Полчаса спустя мистер Ааа, который сидел в своей библиотеке, прилебывая электрическое пламя из металлической чаши, услышал голоса снаружи, на мощеной дорожке. Он высунулся из окна и узрел четверку одетых в мундиры людей, которые, шурясь, глядели на него.

— Вы мистер Ааа? — крикнули они.

— Я.

— Нас послал к вам мистер Ттт! — крикнул командир.

— Это почему же? — спросил мистер Ааа.

— Он был занят!

— Ах, какая досада, — язвительно произнес мистер Ааа. — Уж не думает ли он, что мне больше нечего делать, кроме как развлекать людей, которыми ему некогда заниматься?

— Сейчас не это главное, сэр! — крикнул командир.

— Для меня — именно это. У меня накопилась куча книг, их нужно прочесть. Мистер Ттт ничуть не считается

с другими. Он не первый раз так бесцеремонно поступает со мной. Прошу вас, не размахивайте руками, дайте мне кончить. Будьте повежливее. Я привык к тому, что люди слушают, когда я говорю. Либо вы будете слушать, как надлежит, либо я вообще не стану с вами разговаривать.

Четверо людей внизу растерянно переступали с ноги на ногу, открывали и закрывали рты. У командира вздулись на лбу жилы и даже выступили слезы на глазах.

— Вот и скажите,— продолжал вещать мистер Ааа,— как по-вашему, это достойно со стороны мистера Ттт так вести себя?

Четверка смотрела на него сквозь марево. Командир не стерпел:

— Мы прилетели с Земли!

— По-моему, он ведет себя, мягко выражаясь, не как джентльмен,— ворчал мистер Ааа.

— Космический корабль. Мы прилетели на ракете. Вон она!

— Знайте, он не первый раз поступает подобным образом.

— Понимаете — с Земли!

— Он дождется того, что я позвоню и отчитаю его, да-да.

— Нас всего четверо — я и вот эти трое, мои подчиненные.

— А вот ей-богу, позвоню сейчас же!

— Земля. Ракета. Люди. Путешествие. Космос.

— Позвоню и всыплю ему как следует! — крикнул мистер Ааа и скрылся, точно кукла в театре.

Некоторое время было слышно, как в каком-то неведомом аппарате переговариваются возбужденные голоса. Командир и его команда стояли во дворе, тоскливо поглядывая на свой изящный космический корабль, который лежал на пригорке — такой красивый, близкий, родной.

Мистер Ааа вынырнул в окошке, торжествуя:

— Я его на дуэль вызвал, разрази меня гром! Слышите — дуэль!

— Мистер Ааа,— терпеливо начал командир.

— Пристрелю его на месте, так и знайте!

— Мистер Ааа, прошу вас, послушайте меня. Мы пролетели шестьдесят миллионов миль.

Мистер Ааа впервые обратил внимание на командира.

— Как вы сказали — откуда вы?

Лицо командира осветилось белозубой улыбкой. Он шепнул своим:

— Наконец-то, теперь все в порядке! — и сказал громко мистеру Ааа: — Шестьдесят миллионов миль — с планеты Земля!

Мистер Ааа зевнул.

— В это время года — от силы пятьдесят миллионов. — Он достал какое-то грозное оружие. — Ну, мне пора. Заберите свою дурацкую записку, хотя я не понимаю, какой вам от нее толк, и ступайте через вон тот бугор в город, он называется Йопр, там обратитесь к мистеру Иии. Он тот человек, который вам нужен. А не мистер Ттт, этот кретин, уж я позабочусь о том, чтобы его прикончить. И не я — это не по моей линии.

— К черту линии! — простонал командир. — Причем тут линия, когда надо приветствовать людей с Земли?

— Не говорите глупостей, такие вещи вы обязаны знать! — Мистер Ааа побежал вниз по лестнице. — Всего хорошего.

И он помчался по дороге, точно рысак.

Четверо космонавтов были совершенно ошарашены. Наконец командир сказал:

— Нет, мы все-таки найдем кого-нибудь, кто нас выслушает.

— А что если взлететь и приземлиться снова, — уныло отозвался один из его товарищей. — Покружим и сядем. Чтобы дать им время очухаться и подготовить встречу.

— Может быть, так и сделаем, — буркнул измученный командир.

Городок кишел марсианами, они сновали в дверях, они приветствовали друг друга; они носили маски — золотые, голубые, розовые, ради приятного разнообразия, маски с серебряными губами и бронзовыми бровями, маски улыбающиеся и маски хмурящиеся, соответственно нраву владельца.

Четверо людей, уставшие после долгого перехода, остановились и спросили маленькую девочку, где находится мистер Иии.

— Вон там, — кивком указала девочка.

Командир поспешно, осторожно опустился на одно колено и посмотрел прямо в ее милое детское личико.

— Послушай, девочка, мне нужно тебе кое-что сказать.

Он посадил ее себе на колено и ласково сжал между

широкими ладонями ее смуглые ручонки, словно приготовился рассказать ей сказку на ночь, сказку, которую складывают в уме тщательно, не торопясь, оснащая множеством обстоятельных и счастливых подробностей.

— Понимаешь, малютка, этак с полгода тому назад на Марс прилетала другая ракета. В ней был человек по имени Йорк, со своим помощником. Мы не знаем, что с ними было. Быть может, они разбились. Они прилетели на ракете. В точности, как мы. Вот бы ты на нее посмотрела! Большая-пребольшая ракета! Так что мы — Вторая экспедиция с Земли, а перед нами была Первая. Такое долгое путешествие проделали, такой путь...

Девочка бездумно высвободила одну руку и надела золотую маску, выражающую безразличие. Потом достала игрушечного золотого паука и посадила его на землю, а командир все твердил свое. Игрушечный паук послушно вскарабкался ей на колени, она же холодно следила за ним сквозь щелочки равнодушной маски, и командир, качая ее на колене, продолжал навязывать ей свою сказку.

— Мы — земляне, — говорил он. — Ты мне веришь?

— Да. — Девчушка внимательно следила за тем, что чертят в пыли пальчики ее ног.

— Ну вот и умница. — Командир ущипнул ее руку, наполовину добродушно, наполовину злобно, чтобы заставить ее глядеть на него. — Мы построили ракету, сами. Ты веришь?

Девочка сунула в нос палец.

— Ага.

— И... нет-нет, дружок, вынь пальчик из носа... и я командир космического корабля, и...

— Еще никогда в истории вселенной никто не выходил в космос на такой большой ракете, — продекламировала крошка, зажмурив глазки.

— Восхитительно! Как ты угадала?

— Пустяк: телепатия. — Она небрежно вытерла пальчик о колено.

— Ну? Неужели это тебе *ничуть* не интересно? — вскричал командир. — Разве ты не рада?

— Вы бы лучше пошли поскорее к мистеру Иии. — Она опустила на землю игрушку. — Он охотно поговорит с вами.

И она убежала, сопровождаемая по пятам игрушечным пауком.

Командир сидел на корточках, вытянув руку и глядя

вслед девочке. Он почувствовал, как на глаза навертываются слезы. Безнадежно посмотрел на свои пустые руки. Рот его был открыт. Товарищи стояли рядом, глядя на собственные тени. Они плюнули на камни мостовой.

Мистер Иии отворил дверь сам. Он торопился на лекцию, но готов был уделить им минуту, если они побыстрее войдут и скажут, что им надо...

— Немного внимания, — ответил капитан, усталый, с опухшими веками. — Мы — с Земли, у нас тут ракета, нас четверо — три космонавта и командир, мы совершенно вымотались, хотим есть, нам бы найти где поспать. И пусть кто-нибудь торжественно вручит нам ключи от города или что-нибудь в этом роде, пусть нам пожмут руки, крикнут «ура», скажут: «Добро пожаловать, поздравляем, друзья!» Вот, пожалуй, и все.

Мистер Иии был высокий, тощий, прозрачный, желтоватые глаза прятались за толстыми синими кристаллами очков. Наклонившись над письменным столом, он задумчиво перелистывал какие-то бумаги, то и дело пристально поглядывая на своих гостей.

— Боюсь, у меня нет здесь формуляров. — Он перерыл все ящики стола. — Куда я их задевал? — Он нахмурился. — Где-то... где-то они должны... А, вот! Прошу вас! — Он деловито протянул им бумаги. — Вам придется все это подписать.

— Читать весь этот вздор?

Мистер Иии обратил на него увеличенные линзами глаза.

— Но ведь вы сами сказали, что вы с Земли? В таком случае, будьте любезны расписаться.

Капитан поставил свою подпись.

— И команда тоже должна расписываться?

Мистер Иии поглядел на него, поглядел на его товарищей и взорвался ироническим смехом.

— Они — расписываться? Ха-ха-ха! Это великолепно! Они... они... — у него катились слезы по щекам. Он хлопнул себя руками по коленям и наклонился, выпуская хохот из широко раскрытого рта. Он уцепился за стол, чтобы не упасть. — Они — подписаться?..

Космонавты помрачнели.

— Что тут смешного?

— Они — подписаться! — выдохнул мистер Иии, осла-

бев от хохота.— Это действительно остроумно. Я должен рассказать об этом мистери Ыы! — Он поглядел на подписанные формуляры, продолжая смеяться.— Как будто все в порядке.— Он кивнул.— И ваше согласие на эвтанию, если в конечном счете это окажется необходимым.— Смех мешал ему говорить.

— Согласие на что?

— Ладно, все. У меня для вас есть кое-что. Вот. Возьмите этот ключ.

Капитан смущенно покраснел.

— О, это великая честь.

— Это не от города, болван! — рявкнул мистер Иии.— Ключ от Дома. Идите по коридору, отпните большую дверь, войдите и как следует закройте за собой. Можете там переночевать. А утром я пришлю к вам мистера Ыы.

Капитан нерешительно взял ключ. Он стоял понурившись. Его товарищи не двигались с места. Казалось, из них выкачали всю их кровь и ракетную лихорадку. Они совершенно выдохлись.

— Ну, что еще? В чем дело? — спросил мистер Иии.— Чего вы ждете? Чего хотите? — Он подошел вплотную к капитану и уставился ему в лицо, сутулясь.— Выкладывайте!

— Боюсь, что вы даже не в состоянии... — начал капитан.— То есть, хотя бы попытаться, подумать о том... — Он замялся.— Мы немало потрудились, такой путь проделали, так не могли бы вы хоть пожать нам руку и сказать «Молодцы!»... хотя бы? — Его голос сорвался.

Мистер Иии небрежно протянул ему руку.

— Поздравляю! — Его губы растянулись в холодной улыбке.— Поздравляю! — Он повернулся.— А теперь мне пора. Не забудьте про ключ.

И не обращая на них больше никакого внимания, словно они растаяли, мистер Иии стал ходить по комнате, собирая какие-то бумаги, складывая их в маленький портфель. Это длилось не меньше пяти минут, и за это время он ни разу не обратился к угрюмой четверке, которая стояла, не чувствуя ног, понуриив головы, с потухшими глазами. Выходя, мистер Иии придирчиво разглядывал свои ногти...

Они побрели по коридору в тусклом, глухом предвечернем свете. Они оказались перед большой полированной се-

ребриной дверью и отперли ее серебряным ключом. Они вошли, закрыли дверь и осмотрелись кругом.

Они были в просторном, залитом солнцем зале. Мужчины и женщины сидели за столами, стояли кучками, разговаривали. Звук двери заставил их обернуться, и все воззрились на вошедших.

Один марсианин подошел к ним и поклонился.

— Я мистер Ууу,— представился он.

— А я — капитан Джонатан Уильямс из Нью-Йорка, с Земли,— ответил капитан без всякого энтузиазма.

Мгновенно зал точно взорвался!

Потолочные балки задрожали от криков и возгласов. Марсиане, размахивая руками, восторженно крича, опрокидывая столы, толкая друг друга, со всех концов зала кинулись к землянам, стиснули их в объятиях, подняли всю четверку на руках. Шесть раз они пронесли их на плечах вокруг всего зала, шесть раз совершили ликующий круг почета, прыгая, приплясывая, громко распевая.

Земляне до того опешили, что целую минуту молча ехали верхом на качающихся плечах, прежде чем начали смеяться и кричать друг другу:

— Вот это да! Совсем другое дело!

— Здорово! Сразу бы так! Эгей! Ух ты! Э-э-э-эх!

Они торжествующе подмигивали друг другу, они вскинули руки, хлопая в ладоши.

— Эгей!!

— Ура! — вопила толпа.

Марсиане поставили людей Земли на стол. Крики смолкли. Капитан чуть не прослезился.

— Спасибо вам, большое спасибо. Мы не заслужили...

— Расскажите о себе,— предложил мистер Ууу.

Капитан прокашлялся.

Слушатели восторженно охали и ахали. Командир представил своих товарищей, каждый из них произнес коротенькую речь, смущенно принимая громовые овации.

Мистер Ууу похлопал капитана по плечу.

— Приятно встретить здесь земляка! Я ведь тоже с Земли.

— Как так?

— Нас тут много с Земли.

— Вы? С Земли? — Капитан вытаращил глаза. — Не может быть! Вы тоже прилетели на ракете? Разве путешествия в космос известны уже несколько столетий? — В его

голосе было разочарование.— Откуда вы, из какой страны?

— Туиэреол. Я перенесся сюда силой духа, много лет назад.

— Туиэреол...— Капитан пожевал это слово.— Не знаю такой страны. И что это за сила духа...

— Вот мисс Ррр, она тоже с Земли. Верно мисс Ррр?

Мисс Ррр кивнула и изобразила нечто вроде улыбки.

— И мистер Ююю, и мистер Цццц, и мистер Ввв!

— А я с Юпитера,— представился один мужчина, присанившись.

— Я с Сатурна,— вступил другой, с хитрым огоньком в глазах.

— Юпитер, Сатурн...— бормотал капитан, моргая.

Стало очень тихо. Толпа окружила четверку, кое-кто сидел за столами, но столы были пустые, никакого намека на праздничную сервировку. Желтые глаза марсиан горели, ниже скул залегли глубокие тени. Впервые капитан заметил, что в зале нет окон, словно свет проникал через стены. И только одна дверь. Капитан вздрогнул.

— Чепуха какая-то. Где находится Туиэреол? Далеко от Америки?

— Что такое — Америка?

— Вы не слышали про Америку?! Говорите, что сами с Земли — и не знаете Америки!

Мистер Ууу насупился.

— Земля — сплошные моря, одни моря, больше ничего. Там нет суши. Я сам оттуда, уж я-то знаю.

— Постойте.— Капитан отступил на шаг.— У вас внешность самого настоящего марсианина. Желтые глаза. Смуглая кожа.

— Земля сплошь покрыта джунглями,— гордо произнесла мисс Ррр.— Я из Орри, страны серебряной культуры!

Капитан переводил взгляд с одного лица на другое, с мистера Ууу на мистера Ююю, с мистера Ююю на мистера Ччч, с мистера Ччч на мистера Ннн, мистера Ххх, мистера Ббб. Он видел, как расширяются и сужаются зрачки их желтых глаз, как их взгляд становится то пристальным, то туманным. Его охватила дрожь. Наконец он повернулся к своим товарищам и угрюмо поглядел на них.

— Поняли, что это такое?

— Что, капитан?

— Это вовсе не торжественная встреча,— устало произ-

нес командир.— И не прием. И эти марсиане — не представители здешних властей. Посмотрите, какие у них глаза. Прислушайтесь к их речам!

Все затаили дыхание. Только беззвучно мелькали белки глаз в зале с глухими стенами.

— Теперь я понимаю,— голос капитана доносился словно издалека.— Понимаю, почему все давали нам новые адреса, посылали один к другому, пока мы не встретили мистера Иии, который послал нас по коридору, снабдив ключом, чтобы мы отперли дверь и заперли ее...

— Где мы, командир?

Плечи капитана поникли.

— В сумасшедшем доме.

Наступила ночь. Тишина царил в просторном зале, озаренном слабым сиянием светильников, скрытых в прозрачных стенах. Четверо землян сидели вокруг деревянного стола, купая в шепоте уныло поникшие головы. На полу вперемешку лежали мужчины и женщины. В темных углах что-то копошилось, одинокие фигуры странно взмахивали руками. Каждые полчаса кто-нибудь из космонавтов подходил к серебряной двери и возвращался к столу.

— Бесполезно, капитан. Мы заперты надежно.

— Капитан, неужели они приняли нас за сумасшедших?

— Конечно. Вот почему не было приветственных возгласов. Они терпели нас, относились к нам, как к больным, жертвам рецидивных психопатических состояний.— Он сделал жест в сторону темных спящих фигур вокруг.— Параноики, все до одного! А как они нас приняли! Мне даже показалось,— в его глазах вспыхнул огонек и тут же потух,— что наконец-то настала минута торжественной встречи. Эти возгласы, пение, речи... Ведь здорово было, а?..

— Сколько нас продержат здесь, командир?

— Пока мы не докажем, что мы не психи.

— Ну, это просто.

— Надеюсь, что так...

— Вы, кажется, не очень в этом уверены, капитан?

— Точно. Поглядите вон в тот угол.

Там сидел на корточках во мраке одинокий мужчина. Из его рта вырвалось голубое пламя, которое обратилось в маленькую нагую женщину. Она плавно извивалась в воздухе, в ореоле кобальтового цвета, что-то шепча, вздыхая.

Капитан кивнул в другую сторону. Там стояла женщина, с которой происходили удивительные превращения. Сперва она оказалась внутри хрустальной колонны, потом стала золотой статуэткой, потом — полированной кедровой тростью, и наконец обрела свой первоначальный вид.

Повсюду в полуночном зале мужчины и женщины манипулировали тонкими языками фиолетового пламени, превращаясь, изменяясь, ибо ночь была порой печали и превращений.

— Колдовство, черная магия, — прошептал один из землян.

— Нет, галлюцинации. Они передают нам свое безумие, так что мы видим их галлюцинации. Телепатия. Самовнушение и телепатия.

— И это вас тревожит, капитан?

— Да. Если галлюцинации кажутся нам — и не только нам, всем — такими реальными, если галлюцинации так содержательны и правдоподобны, не удивительно, что нас приняли за психопатов. Если тот мужчина может делать женщин из голубого пламени, или та женщина превращаться в статуэтку, то естественно, когда нормальный марсианин думает, что ракетный корабль — плод нашей фантазии.

— О, — сказали его товарищи во тьме.

Кругом, то вспыхивая, то исчезая, плясали в сумраке голубые огоньки. Между зубами спящих мужчин струились чертики из красного песка. Женщины превращались в лоснящихся змей. Пахло зверьми и рептилиями.

...Когда настало утро, то все выглядели нормальными, веселыми и здоровыми. Никаких бесов, никакого пламени. Капитан и его товарищи стояли у серебряной двери, надеясь, что она откроется.

Они прождали около четырех часов, когда наконец пришел мистер Ыы. Они подозревали, что он не меньше трех часов простоял за дверью, изучая их, прежде чем войти, подозвать их к себе и провести в свой маленький кабинет.

Это был полный улыбающийся мужчина, если верить его маске, на которой было изображено сразу три улыбки. Голос, доносившийся из-за маски, был голосом далеко не такого уж улыбчивого психиатра.

— Ну, что вас беспокоит?

— Вы думаете, что мы все сумасшедшие, но это не так, — сказал капитан.

— Напротив, я вовсе не считаю всех вас сумасшедшими.

ми.— Психиатр направил на капитана маленькую указку.— Только вас, уважаемый. Все остальные — сопутствующие галлюцинации.

Капитан хлопнул себя по колену.

— Так вот в чем дело! Вот почему мистер Иии расхотался, когда я спросил, должны ли мои товарищи тоже подписать формуляры!

— Да, мистер Иии рассказал мне об этом.— Психиатр усмехнулся в извилины вырезанного в маске рта.— Отличная острота. Так о чем я говорил? Да, сопутствующие галлюцинации. Ко мне приходят женщины, у которых из ушей лезут змеи. После моего лечения змеи исчезают.

— Мы с радостью подвергнемся лечению. Приступайте.

Мистер Ыыы был озадачен.

— Поразительно. Мало кто соглашается на лечение. Дело в том, что оно весьма радикально.

— Ничего, валяйте, лечите! Я уверен, вы убедитесь, что мы все здоровы.

— Разрешите сперва посмотреть ваши бумаги, убедиться, что все в порядке.— Он полистал папку.— Так... Видите ли, случаи, подобные вашему, требуют особого подхода. С теми, которых вы видели в Доме, дело обстоит проще. Но раз уж мы заговорили об этом, я обязан вас предупредить, что когда налицо комбинация первичных, сопутствующих, слуховых, обонятельных и вкусовых галлюцинаций, в сочетании с тактильными и оптическими фантазиями, то положение скверное. Придется прибегнуть к эвтаназии.

Капитан вскочил на ноги, рыча.

— Ну, вот что, хватит голову нам морочить! Начинайте — обследуйте нас, стучите молотком по колену, выслушайте сердце, заставьте присесть, задавайте вопросы!

— Говорите на здоровье.

Капитан говорил без устали целый час, ни на секунду не умолкая. Психиатр слушал.

— Невероятно,— задумчиво пробормотал он.— В жизни не слышал такого детализированного фантастического бреда.

— Черт возьми, мы покажем вам наш космический корабль! — взревел капитан.

— С удовольствием посмотрю. Вы можете вызвать его образ здесь, в этой комнате?

— Конечно. Он — в вашей картотеке, на букву «К».

Мистер Ыы внимательно просмотрел картотеку. Наконец разочарованно щелкнул языком и укоризненно произнес:

— Зачем вы это сделали? Тут нет никакого космического корабля.

— Разумеется, нет, кретин! Я пошутил. А теперь скажите: сумасшедшие острят?

— Иногда встречаются довольно гротескные проявления юмора. Ладно, ведите меня к своей ракете. Я не прочь ее увидеть.

Был жаркий полдень, когда они подошли к ракете.

— Та-ак.— Психиатр подошел к кораблю и постучал по корпусу. Звон был мягкий, густой.— Можно войти внутрь? — спросил он с хитрецей.

— Входите.

Мистер Ыы вошел в корабль. Он пропал надолго.

— Всякое бывало в моей грешной жизни, но такого...— Капитан жевал сигару, ожидая.— Больше всего на свете мне хочется лететь домой и предупредить там, чтобы не связывались с этим Марсом. Более подозрительных пентюхов....

— Сдается мне, командир, что здесь вообще каждый второй — псих. Немудрено, что они такие недоверчивые.

— А мне это на нервы действует!

Полчаса психиатр копался, щупал, выстукивал, слушал, нюхал, пробовал на вкус; наконец он вышел из корабля.

— Ну, теперь-то вы убедились! — крикнул капитан, будто глухому.

Психиатр закрыл глаза и почесал нос.

— Это самый поразительный пример сенсорной галлюцинации и гипнотического внушения, с каким я когда-либо сталкивался. Я осмотрел вашу так называемую «ракету». — Он постучал пальцем по корпусу.— Я ее слышу — слуховая иллюзия.— Он втянул носом воздух.— Я ее обоняю. Обонятельная галлюцинация, наведенная сенсорной телепатией.— Он поцеловал обшивку ракеты.— Я ощущаю ее вкус: вкусовая иллюзия!

Он пожал руку капитана.

— Разрешите поздравить вас! Вы психопатический гений! Это — это просто верх совершенства! Ваша способность телепатическим путем проецировать свои психопати-

ческие фантазии на сознание других субъектов, причем без малейшего сенсорного ослабления галлюцинаций,— поразительна, невероятна. Остальные наши пациенты обычно концентрируются на зрительных галлюцинациях, в лучшем случае в сочетании со слуховыми. Вы же справляетесь со всем комплексом! Ваше безумие совершенно до изумления!

— Мое безумие...— Капитан побледнел.

— Да, да, великолепное безумие! Металл, резина, приборы, пища, одежда, горючее, оружие, трапы, гайки, болты, ложки — десятки тысяч всевозможных предметов, а ведь я далеко не все успел проверить! В жизни не видел такого всестороннего комплекса! Даже тени под койками — подо всем! Такая концентрация воли! И все — все, сколько я ни проверял, можно пощупать, обонять, послушать, попробовать на вкус! Позвольте мне вас обнять!

Наконец он оторвался от них.

— Я напишу, это будет мой лучший ученый труд! В следующем месяце прочту доклад в Марсианской Академии Наук! Взять хоть вас самих! Вы даже изменили цвет глаз — вместо желтого синий, и кожа не смуглая, а розовая! А одежда, а руки с пятью пальцами вместо шести! Биологическая метаморфоза вследствие отклонения в психике! А ваши три спутника...

Он достал маленький пистолет.

— Вы, конечно, неизлечимы. Несчастный, замечательный человек! Смерть принесет вам счастье. Ваши последние слова?

— Стойте, бога ради! Не стреляйте!

— Бедняга! Я избавлю вас от страданий, которые заставили вас вообразить эту ракету и этих троих людей. Заранее предвкушаю это зрелище — как с вашей смертью тотчас исчезнут и ваши спутники, и ракета. Ах, какую статью я напишу на основании своих сегодняшних наблюдений: «Распад невротических представлений».

— Я с Земли! Меня зовут Джонатан Уильямс, а эти...

— Знаю, знаю,— сказал мистер Ыы, спуская курок.

Капитан упал, сраженный пулей в сердце. Его товарищи закричали.

Мистер Ыы вытаращил глаза.

— Вы продолжаете существовать? Это бесподобно! Галлюцинации с пресистенцией во времени и пространстве! — Он направил на них пистолет.— Ничего, я вас заставлю исчезнуть.

— Нет! — вскричали они хором.

— Слуховая иллюзия, даже после смерти пациента, — отметил мистер Ыы, убивая одного за другим всех троих.

Они неподвижно лежали на песке.

Он толкнул их ногой. Потом постучал по корпусу ракеты.

— Она не пропала! Они не исчезли! — Он снова и снова стрелял в безжизненные тела. Потом отступил назад. Улыбающаяся маска спала с его лица.

Лицо психиатра медленно изменилось. Нижняя челюсть отвисла. Пистолет выпал из ослабевшей руки. Взгляд его стал пустым, отсутствующим. Он поднял руки вверх и повернулся, точно слепой. Он щупал мертвые тела, глотая и глотая слюну.

— Галлюцинации, — лихорадочно бормотал он. — Вкус. Зрительные образы. Запах. Звук. Ощущение.

Он махал руками. Казалось, его глаза сейчас выскочат из орбит. На губах появилась пена.

— Сгиньте! — завопил он, обращаясь к убитым. — Сгинь! — крикнул он ракете.

Мистер Ыы посмотрел на свои дрожащие руки.

— Заразился, — прошептал он в отчаянии. — Перешло ко мне. Телепатия. Гипноз. Теперь я безумен. Галлюцинации во всех их сенсорных формах. — На секунду он замер, потом стал непослушными пальцами искать пистолет. — Только одно средство. Единственный способ заставить их сгинуть, исчезнуть.

Раздался выстрел. Мистер Ыы упал.

Четыре тела лежали в лучах солнца. Мистер Ыы лежал тут же, рядом.

Ракета стояла на солнечном пригорке и не исчезала.

Когда на закате местные жители нашли ракету, они долго ломали себе голову над тем, что бы это могло быть. Никто не отгадал. Ракету продали старьевщику, который увез ее и разобрал на утиль.

В ту ночь до самого утра шел дождь. На следующий день было тепло и солнечно.

НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИК

Он хотел улететь с ракетой на Марс. Рано утром он пришел к космодрому и стал кричать через проволочное ограждение людям в мундирах, что хочет на Марс. Дескать, он исправно платит налоги, его фамилия Причард, и у него есть полное право лететь на Марс. Может, он родился не здесь, не в Огайо? Может, он плохой гражданин? Так в чем же дело, почему ему нельзя лететь на Марс? Потрясая кулаками, он крикнул им, что не хочет оставаться на Земле: любой рассудительный человек мечтает унести ноги с Земли. Не позже чем через два года на Земле разразится атомная мировая война, и он вовсе не намерен быть здесь, когда это произойдет. Он и тысячи других, у кого есть голова на плечах, хотят на Марс. Спросите их сами! Подальше от войн и цензуры, от бюрократии и воинской повинности, от такого государства, которое не дает шагу шагнуть без разрешения, подмяло под себя и науку и искусство! Живите сами на Земле! Он готов отдать свою правую руку, сердце, голову, только бы улететь на Марс!

Что надо сделать, где расписаться, с кем быть знакомым, чтобы попасть на ракету?

Они лишь смеялись в ответ из-за проволочной сетки. И вовсе он не хочет на Марс, говорили они. Разве он не знает, что Первая и Вторая экспедиции пропали, канули в небытие, что их участники скорее всего погибли?

Но это еще надо доказать, никто не знает этого точно, кричал он, дергая проволоку. А может быть, там молочные реки и кисельные берега, может быть, капитан Йорк и капитан Уильямс вовсе и не помышляют о том, чтобы возвратиться. Ну так как — откроют ему ворота, чтобы он мог подняться в ракету Третьей экспедиции, или придется их взламывать?

Они посоветовали ему заткнуться.

Он увидел, как космонавты идут к ракете.

— Подождите меня! — закричал он. — Не оставляйте меня в этом ужасном мире, я хочу прочь отсюда, скоро будет атомная война! Не оставляйте меня на Земле!

Они силой оттащили его от ограды. Они захлопнули дверцу полицейской машины и увезли его в этот утренний час, и он прильнул к заднему окошку и за мгновение перед тем, как окутанная сиренным воем машина перемахнула через бугор, увидел багровое пламя, и услышал могучий гул, и ощутил мощное сотрясение — это серебристая ракета взмыла ввысь, оставив его на ничем не примечательной планете Земле, в это ничем не примечательное утро заурядного понедельника.

ТРЕТЬЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Корабль пришел из космоса. Позади остались звезды, умопомрачительные скорости, ослепительный полет и немые космические бездны. Корабль был новый; в его жилах струилось пламя, в его металлических клетках сидели люди, и он летел в строгом величавом безмолвии, пылкий, горячий. Семнадцать человек было в отсеках, включая командира. Толпа на космодроме в Огайо кричала, махала руками, подняв их к солнцу, и ракета выпустила огромные цветки пламени и жара и ушла в космос, в третью экспедицию на Марс!

Теперь корабль, подчиняясь железной воле приборов, тормозил в верхних слоях марсианской атмосферы. Он был по-прежнему олицетворением красоты и мощи. Сквозь черную пучину космоса он скользил подобно призрачному морскому левиафану, сперва промчался мимо старушки Луны и пошел рассекать одну пустоту за другой. Людей в его чреве бросало, швыряло, колотило, они заболели, но потом каждый в свой срок выздоровел. Один скончался, зато теперь оставшиеся шестнадцать, прильнув к толстым стеклам

иллюминаторов, расширенными глазами глядели, как внизу под ними стремительно вырастает Марс.

— Марс! — воскликнул штурман Люстиг.

— Старина Марс! — сказал Семюэл Хинкстон, археолог.

— Добро, — произнес капитан Джон Блек.

Ракета села на зеленой полянке. Чуть поодаль на той же полянке стоял олень, отлитый из железа. Еще дальше дремал на солнце высокий коричневый дом в викторианском стиле, с множеством всевозможных завитушек, с голубыми, розовыми, желтыми, зелеными стеклами в окнах. На террасе росла косматая герань и висели на крючках, покачиваясь взад-вперед, взад-вперед от легкого ветерка, старые качели. Купол с ромбическими стеклами и острым шпилем венчал дом. Через широкое окно в первом этаже было видно на пюпитре ноты и заглавие: «Незабвенный Огайо».

Вокруг ракеты с четырех сторон раскинулся городок, зеленый и недвижимый в объятиях марсианской весны. Стояли белые дома и красные кирпичные дома, стояли, струясь по ветру, высокие клены, и могучие вязы, и каштаны. Стояли церковные башни с безмолвными бронзовыми колоколами.

Все это космонавты увидели в иллюминаторы. Потом они посмотрели друг на друга. И снова выглянули в иллюминаторы. И каждый ухватился за локоть соседа с таким видом, точно им вдруг стало трудно дышать. Лица их побледнели.

— Черт меня побери, — прошептал Люстиг, потирая лицо онемевшими пальцами. — Чтоб мне провалиться!

— Это просто невозможно, — сказал Семюэл Хинкстон.

— Господи, — произнес командир Джон Блек.

Химик доложил из своего отсека:

— Капитан, атмосфера довольно редкая. Но кислорода достаточно. Опасности никакой.

— Значит, выходим? — сказал Люстиг.

— Постойте, — возразил капитан Джон Блек. — Почему можем знать, что это такое?

— Это? Маленький городок, капитан, воздух редкий, но для дыхания пригодный.

— Маленький городок, похожий на земные города, — добавил археолог Хинкстон. — Невероятно. Этого не может быть, и однако же это так.

Капитан Джон Блек отупело взглянул на него.

— Скажите, Хинкстон, как, по-вашему, может цивилизация на двух различных планетах развиваться одинаковыми темпами и по одному образцу?

— По-моему, это мало вероятно, капитан.

Капитан Блек стоял возле иллюминатора.

— Посмотрите вон на те герани. Совершенно новый вид. Он выведен на Земле всего лет пятьдесят тому назад. А теперь вспомните, сколько тысяч лет требует эволюция того или иного растения. И заодно скажите мне, логично ли это, чтобы у марсиан были: во-первых, именно такие оконные рамы, во-вторых, куполы, в-третьих, качели на террасе, в-четвертых, инструмент, который похож на пианино и скорее всего есть не что иное, как пианино, в-пятых,— поглядите-ка внимательно сюда, в телелинзу, вот так,— логично ли это, чтобы марсианский композитор назвал свое произведение не как-нибудь иначе, а именно «Незабвенный Огайо»? Ведь это может означать только одно: на Марсе есть река Огайо!

— Капитан Уильямс, ну конечно же! — вскричал Хинкстон.

— Что?

— Капитан Уильямс и его люди, его тройка! Или Нетиель Йорк со своим напарником. Это все объясняет!

— Это не объясняет ничего. Насколько нам удалось установить, ракета Йорка взорвалась, едва они сели на Марсе, и оба погибли. Что до Уильямса и его тройки, то их корабль взорвался на второй день после прибытия. Во всяком случае, именно в это время прекратили работу передатчики. Будь они живы, они попытались бы связаться с нами. Не говоря уже о том, что со времени экспедиции Йорка прошел всего один год, а экипаж капитана Уильямса прилетел сюда в августе. Допустим даже, что они живы,— возможно ли, хотя бы с помощью самых искусных марсиан, за такое короткое время выстроить целый город и придать ему такой старый вид? Вы посмотрите как следует, ведь этому городу самое малое семьдесят лет. Взгляните на балки крыльца, взгляните на деревья — вековые клены! Нет, ни Йорк, ни Уильямс тут не при чем. Тут что-то другое. Не по душе мне это. И пока я не узнаю, в чем дело, не выйду из корабля.

— Да к тому же,— добавил Люстиг, кивая,— Уильямс и его люди, и Йорк тоже, садились на той стороне Марса. Мы сознательно выбрали эту сторону.

— Вот именно. На тот случай, если Йорка и Уильямса убило враждебно настроенное марсианское племя, нам приказали сесть в другой области. Чтобы катастрофа не повторилась. Так что мы находимся в краю, которого, насколько нам известно, ни Уильямс, ни Йорк никогда не видели.

— Черт с ним,— сказал Хинкстон.— С вашего разрешения, капитан, я все-таки выйду в этот город. Ведь может оказаться, что на всех планетах нашей солнечной системы мышление и цивилизация развивались сходными путями. Кто знает, возможно, мы стоим на пороге величайшего открытия нашей эпохи в области психологии и метафизики!

— Я бы предпочел обождать немного,— сказал капитан Джон Блек.

— Командир, может быть, перед нами явление, которое раз и навсегда докажет существование бога!

— Достаточно верующих и без таких доказательств, мистер Хинкстон...

— Я отношусь к ним, капитан. Но такой город не мог появиться без вмешательства всевышнего. Все эти детали... У меня такое чувство, не знаю, то ли смеяться, то ли плакать.

— Тогда воздержитесь и от того, и от другого, пока мы не выяснили, с чем столкнулись.

— С чем столкнулись? — вступил Люстиг.— Да ни с чем. Обыкновенный тихий, зеленый городок, сильно смахивает на тот, в котором я родился. Мне он нравится.

— Когда вы родились, Люстиг?

— В тысяча девятьсот пятьдесят пятом, капитан. Гриннелл, штат Айова. Мне сейчас кажется, что я на родину вернулся.

— Хинкстон, Люстиг, я мог бы быть вашим отцом, мне ровно восемьдесят. Родился в тысяча девятьсот двадцатом, в Иллинойсе, и благодаря божьей милости и науке, которая за последние пятьдесят лет научилась делать некоторых стариков молодыми, я вот сейчас на Марсе, утомленный не более любого из вас, зато куда более подозрительный. У этого городка такой мирный, такой приветливый вид — и он так похож на Грин Блафф в Иллинойсе, что мне даже страшно. Он слишком похож на Грин Блафф.— Командир повернулся к радисту.— Свяжитесь с Землей. Передайте, что мы сели. Больше ничего. Скажите, что полный доклад будет передан завтра.

— Есть, капитан.

Капитан Блек выглянул в иллюминатор, и, глядя на его лицо, никто не дал бы ему восьмидесяти лет, от силы сорок.

— Теперь слушайте, Люстиг. Вы, я и Хинкстон пойдем в город, на вылазку. Остальные ждут в ракете. Если что, пусть уносят ноги. Лучше потерять троих, чем весь корабль погубить. В случае несчастья они смогут предупредить следующую ракету. Ее поведет капитан Уилдер в конце декабря, если не ошибаюсь. Если на Марсе нас подстерегает враг, необходимо, чтобы новая экспедиция была хорошо вооружена.

— Но ведь и мы вооружены. Целый арсенал с собой.

— Ладно, передайте всем, чтобы держали оружие наготове. Пошли, Люстиг, пошли, Хинкстон.

И три космонавта спустились через отсеки корабля вниз.

Был чудесный весенний день. На цветущей яблоне щебетала неумолимая малиновка. Облака белых лепестков сыпались вниз, когда ветер касался зеленых ветвей, далеко вокруг разнося нежное благоухание. Где-то в городке кто-то играл на пианино, и музыка плыла в воздухе — громче, тише, громче, тише, нежная, баюкающая. Игнали «Прекрасного мечтателя». А в другой стороне патефон сипло, невнятно гнусавил «Странствие в сумерках» в исполнении Гарри Лодера.

Трое стояли подле ракеты. Они жадно хватали ртом редкий, очень редкий воздух, потом медленно пошли, сбегая силы.

Теперь звучала другая пластинка.

Мне бы июньскую ночь,
Лунную ночь — и тебя.

У Люстига задрожали колени, у Семюэла Хинкстона тоже.

Небо было прозрачное и спокойное, где-то на дне оврага, под навесом листвы, прохладно журчал ручей. Цокали конские копыта, громыхала, подпрыгивая, телега.

— Капитан, — сказал Семюэл Хинкстон, — как хотите, но похоже, нет, иначе просто быть не может: полеты на Марс начались еще до первой мировой войны!

— Нет.

— Но как еще объясните вы эти дома, этого железного оленя, пианино, музыку? — Хинкстон настойчиво стиснул

локоть капитана, посмотрел ему в лицо.—Представьте себе, что были, ну, скажем, в тысяча девятьсот пятом году люди, которые ненавидели войну, и они тайно сговорились с учеными, построили ракету и перебрались сюда, на Марс...

— Невозможно, Хинкстон.

— Почему? Мир был совсем иной в девятьсот пятом году, тогда было гораздо легче сохранить это в секрете.

— Только не такую сложную штуку, как ракета! Нет, нет...

— Они прилетели сюда насовсем и, естественно, построили такие же дома, как на Земле, ведь культура-то земная.

— И все эти годы жили здесь? — спросил командир.

— Вот именно, жили тихо-мирно. Возможно, несколько раз слетали на Землю, забрали необходимое количество людей, как раз для такого городка, потом прекратили полеты, чтобы их не обнаружили. Вот почему город такой старомодный. Лично я пока не видел ни одного предмета, сделанного позже тысяча девятьсот двадцать седьмого года. А вы, капитан? А может, космические путешествия вообще начались гораздо раньше, чем мы думаем? Еще сотни лет назад, в каком-нибудь уголке света? Кучка людей прилетела на Марс и хранила свое открытие в строжайшей тайне, лишь иногда наведываясь на Землю.

— Вы так убедительно говорите, что это звучит почти правдоподобно.

— Не почти, а точно! Вот оно, доказательство, перед нами. Остается только найти людей и убедиться.

Густая зеленая трава совершенно поглощала звуки их шагов. Пахло недавно скошенным сеном. И капитан Джон Блек поневоле ощутил, как им овладевает чувство блаженного покоя. Не менее тридцати лет прошло с тех пор, как он последний раз был вот в таком маленьком городке, и жужжание весенних пчел действовало на него так приятно успокаивающе, а зрелище новорожденной природы было бальзамом для души.

Они ступили на террасу, направляясь к затянутой сеткой двери, и глухое эхо отзывалось из-под половиц на каждый шаг. Сквозь сетку они видели перегородившую коридор бисерную портьеру, хрустальную люстру и висящую на стене над удобным моррисовым креслом картину кисти Максфилда Перриша. Пахло стариной, таинственным чердаком, уютом. Тихо звякал лед в кувшине с морсом. На

кухне в другом конце дома по случаю жаркого дня готовился холодный ленч. Кто-то тихо напевал себе под нос что-то ласковое, приятное.

Капитан Джон Блек позвонил в колокольчик.

Вдоль коридора прошелестели изящные шаги, и за сеткой появилась женщина лет пятидесяти, с приветливым лицом, одетая так, как, наверно, одевались году этак в 1909.

— Чем я могу быть вам полезной? — спросила она.

— Вы извините нас, — нерешительно начал капитан Блек, — но мы ищем... то есть, может, вы...

Он запнулся. Она глядела на него темными недоумевающими глазами.

— Если вы что-нибудь продаете... — заговорила женщина.

— Нет, нет, стойте! — вскричал он. — Какой это город?

Она посмотрела на него внимательнее.

— Что вы хотите этим сказать: какой город? Как это можно быть в городе и не знать его названия?

У капитана было такое лицо, словно ему больше всего хотелось пойти и сесть под тенистой яблоней.

— Мы не здешние. Нам надо знать, как здесь очутился этот город и как вы сюда попали.

— Вы из бюро переписи населения?

— Нет.

— Каждому известно, — продолжала она, — что город построен в тысяча восемьсот шестьдесят восьмом году. Стойте, может быть, вы меня разыгрываете?

— Что вы, ничего подобного! — поспешно воскликнул капитан. — Мы с Земли.

— Вы хотите сказать: из-под земли? — удивилась она.

— Да нет же, мы вылетели с третьей планеты, Земли, на космическом корабле. И прилетели сюда, на четвертую планету, на Марс...

— Вы находитесь, — объяснила женщина, точно обращаясь к ребенку, — в Грин Блафф, штат Иллинойс, на материке, который называется Америка и омывается двумя океанами, Атлантическим и Тихим, в мире, именуемом также Землей. Теперь ступайте. До свидания.

И она засемила по коридору, раздвинула пальцами бирюзовую портьеру и исчезла за ней.

Три товарища переглянулись.

— Высадим дверь, — предложил Люстиг.

— Нельзя. Частная собственность. О, господи!

Они спустились с крыльца и сели на нижней ступеньке.

— А вам, Хинкстон, не приходило в голову, что мы каким-то образом сбились с пути и просто-напросто прилетели обратно, вернулись на Землю?

— Это как же так?

— Не знаю, не знаю. Господи, дайте собраться с мыслями.

— Ведь мы каждый километр пути контролировали, — продолжал Хинкстон. — Приборы точно показывали, сколько пройдено. Миновали Луну, вышли в космос и прилетели сюда. Я уверен, что мы на Марсе.

Вмешался Люстиг.

— А не может быть, что все дело в пространстве, времени? Представьте себе, что мы заблудились в измерениях и сели на Землю лет тридцать или сорок тому назад?

— Что вы такое несете!

Люстиг поднялся к двери, позвонил в колокольчик и крикнул в сумрачную прохладу комнат:

— Какой сейчас год?

— Тысяча девятьсот двадцать шестой, какой же еще, — ответила женщина, сидя в качалке и попивая свой морс.

— Ну, слышали? — Люстиг круто обернулся. — Тысяча девятьсот двадцать шестой! Мы летели в Прошлое! Это Земля!

Люстиг сел. Ужасная, ошеломляющая мысль щемящей болью пронизала всех троих. Лежащие на коленях руки беспокойно шевелились.

— Разве я за этим летел? — заговорил командир. — Ведь втак хоть кого можно с ума свести. Неужели такое возможно в действительности? Эйнштейна сюда бы сейчас...

— Кто в этом городе поверит нам? — отозвался Хинкстон. — Ох, опасную игру мы затеяли!.. Это же время. Пожалуй, лучше всего вернуться на ракету и лететь домой, а?

— Нет. Во всяком случае, мы должны сделать еще одну попытку.

Они миновали три дома и остановились перед маленьким белым коттеджем, который приютился под могучим дубом.

— Я привык во всем добираться до смысла, — сказал командир. — А пока что, сдастся мне, мы еще не раскусили

орешек. Допустим, Хинкстон, верно, ваше предположение, что космические путешествия начались давным-давно. И по истечении многих лет прилетевшие сюда земляне стали тосковать по Земле. Сперва эта тоска не выходила за рамки легкого невроза, потом развился настоящий психоз, который грозил перейти в безумие. Что вы, как психиатр, предположили бы в таком случае?

Хинкстон подумал.

— Что ж, наверно, я бы стал понемногу перестраивать марсианскую цивилизацию так, чтобы она с каждым днем все больше напоминала земную. Если бы существовал способ воссоздать земные растения, дороги, озера, даже океан, я бы это сделал. Затем с помощью какого-нибудь массового гипноза внушил бы всему населению вот такого городка, будто здесь в самом деле Земля, а никакой не Марс.

— Отлично, Хинкстон. Мне кажется, мы попали на верный след. Женщина, которую мы видели в том доме, думает, что живет на Земле, вот и все. Это сохраняет ей рассудок. Она и все прочие жители этого города — объекты величайшего эксперимента в области переселений и гипноза, какой вам когда-либо придется наблюдать.

— В самую точку, капитан! — воскликнул Люстиг.

— Без промаха! — добавил Хинкстон.

— Добро. — Капитан вздохнул. — Дело будто прояснилось, и на душе легче. Хоть какой-то смысл появился. А то от всех этих рассуждений о путешествиях взад и вперед во времени меня только мутит. Если же мое предположение правильно... — Он улыбнулся. — Что ж, тогда нас, похоже, ожидает немалая популярность среди местных жителей!

— Вы уверены? — сказал Люстиг. — Как-никак, эти люди своего рода пилигримы, они намеренно покинули Землю. Может, они вовсе не будут нам рады. Может, попытаются изгнать нас, а то и убить.

— А наше оружие? У них такого нет. Ну, пошли. Зайдем в этот дом.

Но не успели они пересечь газон, как Люстиг вдруг замер на месте, устремив взгляд в дальний конец тихой дремлющей улицы.

— Капитан, — произнес он.

— В чем дело, Люстиг?

— Капитан... Нет, вы только... Что я вижу!

По щекам Люстига катились слезы. Растопыренные

пальцы поднятых рук дрожали, лицо выражало удивление, радость, сомнение. Казалось, еще немного, и он потеряет разум от счастья. Продолжая глядеть в ту же точку, он вдруг сорвался с места и побежал, споткнулся, упал со всего роста, поднялся на ноги и опять побежал, крича:

— Эй, послушайте!

— Остановите его! — Капитан пустился вдогонку.

Люстиг бежал изо всех сил, крича на бегу. Достигнув середины тенистой улицы, он свернул во двор и одним прыжком очутился на террасе большого зеленого дома, крышу которого венчал железный петух.

Когда Хинкстон и капитан догнали Люстига, он барабанил в дверь, продолжая громко кричать. Все трое дышали тяжело, со свистом, обессиленные бешеной гонкой в редкой марсианской атмосфере.

— Бабушка, дедушка! — звал Люстиг.

Двое стариков появились на пороге.

— Девид! — ахнули старческие голоса. И они бросились к нему и засуетились вокруг него, обнимая, хлопая по спине. — Девид, о, Девид, сколько лет!.. Как же ты вырос, мальчуган, какой большой стал! Девид, мальчик, как ты поживаешь?

— Бабушка, дедушка! — всхлипывал Девид Люстиг. — Вы чудесно, чудесно выглядите!

Он разглядывал их, отодвинув от себя, поворачивал, целовал, обнимал, смахивая слезы с глаз, снова разглядывал, моргая, своих стариков. Солнце светило в небе, дул ветер, зеленела трава, дверь была отворена настежь.

— Входи же, входи, мальчик. Тебя ждет чай со льда, свежий, пей вволю!

— Я с друзьями. — Люстиг обернулся и, смеясь, нетерпеливым жестом позвал капитана и Хинкстона. — Капитан, идите же.

— Здравствуйте, — приветствовали их старики. — Пожалуйста, входите. Друзья Девиды — наши друзья. Не стойте здесь!

В гостиной старого дома было прохладно, в одном углу размеренно тикали, поблескивая бронзой, высокие, длинные дедовы часы. Мягкие подушки на широких кушетках, книги вдоль стен, толстый ковер с пышным цветочным узором, а в руках — запотевшие стаканы ледяного чая, от которого такой приятный холодок на пересохшем языке.

— Пейте на здоровье.— Бабушкин стакан звякнул о ее фарфоровые зубы.

— И давно вы здесь живете, бабушка? — спросил Люстиг.

— С тех пор, как умерли,— сухо ответила она.

— С тех пор, как... что? — Капитан Блек поставил свой стакан.

— Ну да,— кивнул Люстиг.— Они уже тридцать лет как умерли.

— А вы сидите как ни в чем не бывало! — воскликнул капитан.

— Полно, сударь! — Старушка лукаво подмигнула.— Кто вы такой, чтобы судить о таких делах? Мы здесь, и все тут. Что такое жизнь, коли на то пошло? Почему мы поступаем так, а не иначе? Мы здесь, и мы живы, вот и все, что нам известно, и хватит об этом. Это вторая попытка, если хотите.— Она подошла, ковыляя, к командиру, и протянула ему свою тонкую, сухую руку.— Потрогайте.

Командир потрогал.

— Ну как, настоящая? — спросила она.

Он кивнул.

— Так в чем же дело? — торжествующе произнесла старушка.— К чему вопросы?

— Понимаете,— ответил капитан,— мы просто не представляли себе, что обнаружим на Марсе такое.

— А теперь обнаружили. Смеем думать, вас на каждой планете ожидает немало такого, что говорит о неисповедимости путей господних.

— Так что же, здесь — царство небесное? — спросил Хинкстон.

— Вздор, ничего подобного. Здесь такой же мир, и нам предоставлена вторая попытка. Почему? Об этом нам никто не сказал. Но ведь и на Земле никто не объяснял нам, почему мы там очутились. На той Земле. С которой прилетели вы. Откуда нам знать, что до нее не было еще одной?

— Недурно спрошено,— сказал капитан.

С лица Люстига не сходила радостная улыбка.

— Черт возьми, до чего же приятно вас видеть, я так рад!

Капитан поднялся со стула и небрежно хлопнул себя ладонью по ноге.

— Ну, нам пора идти. Спасибо за чай.

— Но вы ведь еще придете? — всполошились старики.— Мы ждем вас к ужину.

— Большое спасибо, постараемся прийти. У нас столько дел. Мои люди ждут меня в ракете и...

Он смолк, ошеломленно повернувшись лицом к открытой двери.

Откуда-то издали, из пронизанного солнцем простора, доносились голоса, громкие крики, горячие приветствия.

— Что это? — спросил Хинкстон.

— Сейчас узнаем.— И капитан Джон Блек мигом выскочил за дверь и выбежал через зеленый газон на улицу марсианского городка.

Он стоял, глядя на ракету. Все иллюминаторы были открыты, и экипаж торопливо спускался из люков на землю, приветственно махая руками. Кругом собралась огромная толпа, и экипаж ракеты влился в нее, смешался и слился с ней, разговаривая, смеясь, суетясь, пожимая руки. Люди приплясывали от радости. Люди возбужденно проталкивались вперед. Ракета стояла покинутая, пустая.

В солнечных лучах взорвался блеском духовой оркестр, из высоко поднятых туб и труб брызнули ликующие звуки. Бумкали барабаны, свистели флейты. Золотоволосые девочки прыгали от восторга. Мальчуганы кричали: «Ура!» Толстые мужчины угощали знакомых и незнакомых десятицентовыми сигарами. Мэр города произнес речь. А затем всех членов экипажа одного за другим похитили и под руки — мать с одной стороны, отец или сестра с другой — увлекли вдоль по улице в маленькие коттеджи и в большие особняки.

— Стой! — закричал капитан Блек.

Двери захлопнулись.

Жаркое марево струилось вверх к прозрачному весеннему небу, стояла полная тишина. Трубы и барабаны исчезли за углом, оставив ракету в одиночестве сверкать и переливаться солнечными бликами.

— Бросили! — воскликнул командир.— Они бросили корабль! Клянусь, им это так не пройдет! Им было приказано!..

— Капитан,— сказал Люстиг,— не будьте излишне строги. Когда вас встречают родные и близкие...

— Это не оправдание!

— Но вы представьте себе их чувства, когда они увидели возле корабля знакомые лица!

— Им был дан приказ, черт возьми!

— А как бы вы поступили, капитан?

— Я бы выполнил прика... — Он так и замер с открытым ртом.

По тротуару, в лучах марсианского солнца, высокий, улыбающийся, шел молодой человек лет двадцати шести, с удивительно яркими голубыми глазами.

— Джон! — крикнул он и бросился к ним.

— Что? — Капитан Блек попятился.

— Джон, старый плут!

Мужчина стиснул руку капитана и хлопнул его по спине.

— Ты?.. — вымолвил командир.

— Конечно я, кто же еще!

— Эдвард! — Капитан повернулся к Люстигу и Хинкстону, не выпуская руки незнакомца. — Это мой брат Эдвард. Эд, познакомься с моими товарищами: Люстиг, Хинкстон! Мой брат!

Они дергали, теребили друг друга за руки, потом обнялись.

— Эд!

— Джон, бездельник!

— Ты великолепно выглядишь, Эд! Но постой, как же так? Ты ничуть не изменился за все эти годы. Ведь тебе... тебе было двадцать шесть, когда ты умер, а мне девятнадцать. Бог ты мой, столько лет, столько лет — и вдруг ты здесь. Да что ж это такое?

— Мама ждет, — сказал Эдвард Блек, улыбаясь.

— Мама?

— И отец тоже.

— Отец? — Капитан пошатнулся, точно от сильного удара, и сделал шаг-другой негнушными, непослушными ногами. — Мать и отец живы? Где они?

— В нашем старом доме, на Дубовой улице.

— Старом доме... — Глаза капитана расширились, светясь восторгом и удивлением. — Вы слышали, Люстиг, Хинкстон?

Но Хинкстона не было рядом с ними. Он заметил в дальнем конце улицы свой собственный дом и поспешил туда. Люстиг рассмеялся.

— Теперь вы поняли, капитан, что было с нашими людьми? Их никак нельзя винить.

— Да... Да. — Капитан зажмурился. — Сейчас я открою глаза, и тебя не будет. — Он моргнул. — Ты здесь! Господи, Эд, ты великолепно выглядишь!

— Идем, ленч ждет. Я предупредил маму.

— Капитан,— сказал Люстиг,— я у бабушки и дедушки, если что.

— Как? А, ну конечно, Люстиг. Увидимся, пока.

Эдвард потянул брата за руку, увлекая его за собой.

— Вот и наш дом. Вспоминаешь?

— Еще бы! Спорим, я первый добегу до двери!

Они побежали взапуски. Шумели и пели деревья над головой капитана Блека, гудела земля под его ногами. В удивительном сне наяву он видел, как его обгоняет Эдвард. Видел, как мчится навстречу дом и широко распаивается дверь.

— Я — первый! — крикнул Эдвард.

— Еще бы,— еле выдохнул капитан,— я старик, а ты вон какой молодец. И ведь ты меня всегда обгонял! Думаешь, я забыл?

В дзерж была мама — полная, розовая, сияющая. За ней, с заметной проседью в волосах, стоял папа, держа в руке свою трубку.

— Мама, отец!

Он ринулся к ним вверх по ступенькам, точно ребенок.

День был чудесный и долгий. После ленча они перешли в гостиную, и он во всех подробностях описал им свою ракету, путешествие, и они кивали, улыбались, и мама ничуть не изменилась, и отец откусил кончик сигары и задумчиво закурил ее — совсем, как в былые времена. Вечером был обед, умопомрачительная индейка, и время летело незаметно. И когда косточки были гладко обсосаны и хрупко легли на тарелки, капитан откинулся на стуле и вложил все свое удовольствие в глубокий вздох. Вечер упокоил листву деревьев и окрасил небо, и лампы в старом уютном доме окутались в облачка розового света. Изюм всех домов вдоль всей улицы доносилась музыка, звучали пианино, хлопали двери.

Мама положила пластинку на виктролу и закружилась в танце с капитаном Джоном Блеком. От нее пахло теми самыми духами, что в роковое лето, когда она и папа погибли в крушении на железной дороге. Его руки обнимали настоящую маму, и танцевалось удивительно легко.

— Не каждый день предоставляется человеку вторая попытка,— сказала мама.

— Завтра утром проснусь,— ответил капитан,— и ока-

жется, что я в своей ракете, лечу в космосе, и ничего этого нет.

— К чему такие мысли! — тихо воскликнула она. — Не допытывайся. Бог миловал нас. Будем же счастливы.

— Прости, мама.

Пластинка кончилась вращающимся шипением.

— Ты утомился, сынок. — Отец указал мундштуком трубки: — Твоя спальня ждет тебя, и старая кровать с латунными шарами — все как было.

— Но мне надо собрать моих людей.

— Зачем?

— Зачем? Гм... не знаю. Пожалуй, и впрямь незачем. Конечно, незачем. Они ужинают, либо уже спят. Пусть выспятся, отдых им не повредит.

— Доброй ночи, сынок. — Мама поцеловала его в щеку. — Как славно, что ты дома опять.

— Да, дома хорошо...

Покинув мир сигарного дыма, духов, книг, мягкого света, он пошел вверх по лестнице, ни на секунду не переставая разговаривать с Эдвардом. Эдвард толкнул дверь, и Джон Блек увидел свою желтую латунную кровать, знакомые флаги колледжа и сильно полысевшую енотовую шубу, которую погладил с затаенной нежностью.

— Слишком много впечатлений, — промолвил капитан. — Я себя не чувствую от усталости. Столько происшествий в один день! Точно я двое суток ходил под ливнем без зонта и без плаща. Я весь, насквозь, пропитан впечатлениями.

Широкими взмахами рук Эдвард расстелил большие снежно-белые простыни и взбил подушки. Потом растворил окно, впуская в комнату ночное благоухание жасмина. Светила луна, издали летели звуки танца и тихих голосов.

— Так вот он какой, Марс, — сказал капитан, раздеваясь.

— Да, вот такой. — Эдвард раздевался медленно, не торопясь стянул через голову рубашку, обнажая золотистый загар плеч и крепкой, мускулистой шеи.

Свет погас, и вот они рядом в кровати, как бывало — сколько десятилетий тому назад? Капитан приподнялся на локте, вдыхая аромат жасмина, в струях которого купались, порхая в темноте, легкие тюлевые занавески. Кто-то завел патефон у себя на газоне среди деревьев, он тихо играл «Всегда».

Мысль о Мерилин родилась в сознании капитана Блека.

— Мерилин тоже здесь?

Лежа на спине в лунном свете из окна, брат медленно произнес:

— Да.

Он помешкал и добавил:

— Ее сейчас нет в городе, она будет завтра утром.

Капитан закрыл глаза.

— Мне очень хотелось бы увидеть Мерилин.

В просторной комнате было совсем тихо, если не считать их дыхания.

— Спокойной ночи, Эд.

Пауза.

— Спокойной ночи, Джон.

Капитан весь отдался чувству блаженного покоя, и голова работала очень ясно. Только теперь его вполне оставило напряжение этого дня, он наконец-то мог думать логично. До сих пор были одни сплошные эмоции. Громогласный оркестр, знакомые лица... Зато теперь...

Каким образом? — спрашивал он себя. — Как все это сделано? И зачем? Для чего? Что это — некое доброжелательное вмешательство высших сил? Неужели бог и впрямь столь печется о своих детях? Как, почему, для чего?

Он взвесил теории, которые днем, под влиянием первых впечатлений, предложили Хинкстон и Люстиг. Потом стал лениво ронять в свое сознание камушки новых предположений, вертел их и так, и сяк, ловя тусклое мерцание граней. Мама. Отец. Эдвард. Марс. Земля. Марс. Марсиане.

Кто жил на Марсе тысячу лет тому назад? Марсиане? Или всегда было так, как сегодня?

Марсиане. Он медленно повторял про себя это слово.

Джон Блек едва не рассмеялся вслух. Внезапно ему пришла в голову совершенно нелепая теория. По спине пробежал холодок. Да нет, вздор, конечно. Слишком невероятно. Ерунда. Выкинуть из головы. Смешно.

И все-таки... Если предположить. Только предположить, да, что на Марсе живут марсиане, которые заметили, как приближается космический корабль, заметили нас. И что они нас ненавидят. И допустим — просто так, ради курьеза, — что они задумали нас уничтожить, что мы для них оккупанты, незваные гости, и они решили расправиться с нами каким-нибудь изощренным способом, застать нас

врасплох. Так вот, каким оружием может марсианин одолеть землян, оснащенных атомной техникой?

Ответ получался очень интересный. Телепатией, гипнозом, воспоминаниями, иллюзиями.

Предположим, что эти дома вовсе не настоящие, кровать не настоящая, что все это продукты моего же собственного воображения, материализованные с помощью марсианской телепатии и гипноза, думал капитан Джон Блек. На деле дома совсем иные, построенные на марсианский лад, но марсиане, подлаживаясь под мои мечты и желания, ухитрились сделать так, что я вижу свой родной город, свой дом. Если хочешь усыпить подозрения человека и заманить его в ловушку, можно ли придумать лучшую приманку, чем его родные отец и мать?

Этот город, он же очень старинный, здесь все, как в 1926 году, когда никто из моего экипажа еще не родился! Мне тогда было шесть лет, в то время действительно были пластинки с Гарри Лодером, картины Максфилда Перриша, бисерные портьеры, и песенка «Незабвенный Огайо», и архитектура конца девятнадцатого века. Что если марсиане все представления о городе извлекли из моего сознания? Ведь говорят же, что воспоминания детства самые яркие. И создав город по моим воспоминаниям, они населили его родными и близкими всех членов экипажа ракеты!

И допустим, что двое спящих в соседней комнате вовсе и не мои отец и мать. А два марсианина с необычайно высоко развитым интеллектом, которым ничего не стоит все время держать меня под гипнозом.

А этот духовой оркестр? Потрясающий, изумительный план, если, конечно... Сперва заморочить Люстига, за ним Хинкстона, потом согнать толпу, и все космонавты, как увидели матерей, отцов, теток, невест, умерших десять, двенадцать лет назад, — разве удивительно, что они забыли обо всем на свете, забыли про приказ, выскочили и бросили корабль? Что может быть естественнее? Это же проще простого, и никаких подозрений: кто станет допытываться, задавать вопросы, если вдруг воскресла твоя мать — да тут от счастья вообще онемеешь. И вот вам результат: все разошлись по разным домам, лежим в кроватях, и никакого оружия, защищаться нечем, и ракета стоит в лунном свете, покинутая. Разве не ужасно, не страшно, если окажется, что все это было частью обширного хитроумного плана, который марсиане задумали, чтобы разроз-

нить нас, разделить и одолеть, всех до одного перебить? Вдруг среди ночи мой брат, что лежит тут рядом со мной, преобразится, изменит свой облик, свое существо и станет чем-то другим, чем-то враждебным — станет марсианином. Для него проще простого повернуться в постели и вонзить мне нож в сердце. И во всех остальных домах еще полтора десятка братьев или отцов вдруг исчезнут, преобразятся, схватят ножи и проделают то же самое с ничего не подозревающими спящими землянами...

Как ни тепло было под одеялом, руки Джона Блека дрожали. Он весь похолодел. Внезапно это перестало быть теорией. Внезапно им овладел неодолимый страх.

Капитан сел и прислушался. Полное ночное безмолвие. Музыка смолкла. Ветер стих. Его брат лежал рядом с ним, погруженный в сон.

Он осторожно откинул одеяло. Соскользнул на пол и уже тихонько шел к двери, когда раздался голос брата:

— Ты куда?

— Что?

Голос брата стал ледяным.

— Я спрашиваю, далеко ли ты собрался?

— За водой.

— Ты не хочешь пить.

— Хочу, честное слово, хочу.

— Нет, не хочешь.

Капитан Джон Блек рванулся и побежал. Он крикнул. Он крикнул дважды.

Он не добежал до двери.

На следующее утро духовой оркестр играл заунывный траурный марш. Вдоль всей улицы из каждого дома выходили, неся длинные ящики, маленькие процессии, и по заливной солнцем мостовой выступали, утирая слезы, бабушки, мамы, сестры, братья, дядья, отцы. Они шли на кладбище, где ждали свежерытые могилы и новенькие надгробные плиты. Шестнадцать могил, шестнадцать надгробных плит.

Мэр произнес короткую траурную речь, и лицо его непрерывно менялось, не понять — то ли мэр, то ли кто-то другой.

Оба старших Блека, мать и отец, пришли на кладбище, и брат Эдвард пришел. Они плакали, убивались, а лица их постепенно преображались, теряя знакомые черты.

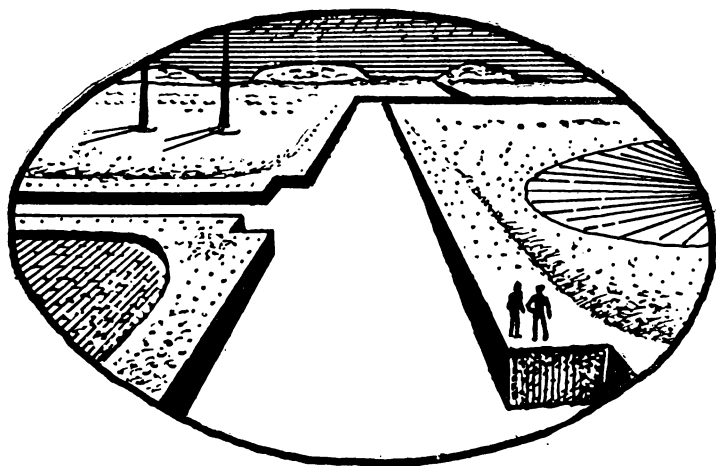
Дедушка и бабушка Люстиг тоже были тут и рыдали,

и лица их расплывались и таяли, точно воск, как все расплывается в жаркий день.

Гробы опустили в могилы. Кто-то пробурчал что-то насчет «внезапной и безвременной кончины шестнадцати отдельных людей, которых смерть унесла в одну ночь...»

Комья земли застучали по гробовым крышкам.

Духовой оркестр, играя «Колумбия, жемчужина океана», прошагал в такт громыхающей меди в город, и в этот день никто уже не работал.

В СЕРЕБРИСТОЙ ЛУННОЙ МГЛЕ

Когда они вышли из ракеты в ночной мрак, то в первый миг так озябли, что Спендер сразу принялся собирать марсианский хворост для костра. О том, чтобы отпраздновать событие, он даже и не заикнулся, просто набрал хворосту, подпалил его и стал смотреть в огонь.

Потом в зареве, окрасившем редкий воздух над высохшим марсианским морем, поглядел через плечо на ракету, которая пронесла их всех — капитана Уилдера, Черока, Хезевея, Сема Паркхилла, его самого — через немые черные звездные просторы и доставила в безжизненный, грезящий мир.

Джефф Спендер ждал, когда начнется содом. Глядя на своих товарищей, ждал: сейчас запрыгают, закричат... Вот только пройдет оцепенение от потрясающей мысли, что они «первые» люди на Марсе. Хотя никто об этом вслух не говорил, но в глубине души многие надеялись, что их предшественники не долетели и пальма первенства будет принадлежать этой, Четвертой экспедиции. Нет, они никому не желали зла и, однако же, мыслили именно так, мечтали о славе и почете, меж тем как их легкие привыкали к ред-

кой атмосфере, из-за которой голова была словно хмельная, если двигаться слишком быстро.

Гиббс подошел к только что разведенному костру и спросил:

— Зачем хворост, ведь в ракете есть химическое горючее?

— Неважно, — ответил Спендер, не поднимая головы.

Нельзя, просто нельзя в первую же ночь на Марсе устраивать шум и гам и тащить из ракеты такую нелепую, неуместную здесь штуковину, как печь. Привозное кощунство, вот как это называется. Еще успеется, еще будет время швырять пустые консервные банки в гордые марсианские каналы, еще поползут, лениво кувыряясь по седому пустынному дну марсианских морей, шуршащие «Нью-Йорк таймс», придет время банановым шкуркам и замасленной бумаге валяться среди изящных зубчатых развалин марсианских поселений. Все впереди, все будет. Его даже передернуло от этой мысли.

Спендер кормил огонь из рук с таким чувством, словно приносил жертву мертвому исполниту. Ведь они сели на огромной могиле. Здесь погибла целая цивилизация. И элементарная вежливость требовала от них, чтобы первую ночь они вели себя пристойно.

— Нет уж, отмечать так отмечать! — Гиббс повернулся к капитану Уилдеру. — Начальник, я предлагаю раздать всем причитающуюся порцию джина и мяса и устроить небольшой шумок.

Капитан Уилдер смотрел на мертвый город, который раскинулся в миле от них.

— Мы все устали, — произнес он отсутствующе, точно целиком ушел в созерцание города и успел позабыть про своих людей. — Лучше завтра вечером. А сегодня хватит с нас того, что мы благополучно прошли через космос, ни разу не столкнулись с метеоритом и не потеряли ни одного человека из экипажа.

Космонавты бродили возле ракеты, не зная, куда себя деть. Их было двадцать, кто положил руку на плечо товарища, кто поправлял пояс. Спендер пристально поглядел на них. Они были недовольны. Рискуя жизнью, они совершили великое дело. Теперь им хотелось напиться до чертиков, горланить песни, поднять такую пальбу, чтобы сразу было видно, какие они лихие парни: пробуровили дыру в космосе и пригнали ракету на Марс. На Марс!

Но никто не кричал и не пел.

Капитан негромко отдал приказ. Один из космонавтов сбегал в ракету и принес консервы, которые открыли и раздали без особого шума. Мало-помалу разговорились. Капитан сел и сделал краткий обзор всего путешествия. Они все знали сами, но было приятно утвердиться в ощущении, что дело сделано, главное позади. Про обратный путь говорить не хотелось. В двойном лунном свете быстро мелькали ложки; еда казалась очень вкусной, вино — и того вкуснее.

В небе чиркнуло пламя, и мгновение спустя возле лагеря села вспомогательная ракета. Спендер смотрел, как открывается маленький люк и выходит Хезевей, врач и геолог — у каждого участника экспедиции были две специальности, приходилось экономить место. Хезевей не топясь подошел к капитану.

— Ну, что там? — спросил капитан Уилдер.

Хезевей поглядел на города вдаль, мерцающие в звездном свете. Потом глотнул и перевел глаза на Уилдера:

— Вон тот город мертв, капитан, мертв уж много тысяч лет. Как и три города в горах. Но пятый город, в двухстах милях отсюда...

— Ну?

— Еще на прошлой неделе там жили.

Спендер встал.

— Марсиане, — добавил Хезевей.

— А где они теперь?

— Умерли, — сказал Хезевей — Я зашел в один дом. Думал, что он, как и другие дома, в остальных городах, заброшен много веков назад. Силы небесные, там были покойники! Словно я забрел в груды осенних листьев! Будто сухие стебли и клочки горелой бумаги — все, что от них осталось. Причем умерли совсем недавно, самое большее дней десять тому назад.

— А в других городах? Вы проверили? Есть там кто-нибудь живой?

— Никого. Я потом еще не один проверил. Из пяти четырех заброшены много тысяч лет. Совершенно не представляю себе, куда подевались их обитатели. Зато в каждом пятом городе — одно и то же. Тела. Тысячи тел.

— Отчего они умерли? — Спендер подошел ближе.

— Вы не поверите.

— Что их убило?

— Ветрянка, — коротко ответил Хезевей.

— Не может быть!

— Точно. Я сделал анализы. Ветряная оспа. Ее действие на марсиан совсем не такое, как на землян. Видимо, все дело в обмене веществ. Они почернели, как головешки, и высохли, превратились в ломкие хлопья. Но это ветрянка, никакого сомнения. Выходит, что и Йорк, и капитан Уильямс, и капитан Блек — все три экспедиции добрались до Марса. Что с ними было потом, одному богу известно. Но мы совершенно точно знаем, что они, сами того не ведая, сделали с марсианами.

— И никаких признаков жизни?

— Возможно, конечно, что несколько марсиан посмекалистей вовремя спохватились и ушли в горы. Даже если так, бьюсь об заклад, что их слишком мало, чтобы с ними считаться. Этой планете пришел конец.

Спендер повернулся и снова сел у костра, уставившись в огонь. Ветрянка, господи, подумать только: ветрянка! Народ миллионы лет развивается, совершенствует свою культуру, строит вот такие города, всячески старается утвердить свои идеалы и представления о красоте, но вот приходит пора ему умереть. Часть умерла еще до нашей эры — пришел их срок, и скончались тихо, с достоинством встретили смерть. Но остальные! Может быть, остальные марсиане погибли от болезни с изысканным, или грозным, или возвышенным названием? Ничего подобного, черт возьми, их доконала ветрянка, детская болезнь, болезнь, которая на Земле не убивает даже *детей!* Это неправильно, несправедливо. Это все равно что сказать про древних греков, что они погибли от свинки, а гордых римлян на их красивых холмах скосил грибок! Что бы нам дать марсианам время приготовить свой погребальный убор, принять надлежащую позу и измыслить какой-нибудь иной предлог для смерти. Так нет же — какая-то паршивая, дурацкая ветрянка! Нет, не может быть, это не согласуется с здешней архитектурой, со всем здешним миром!

— Ладно, Хезевей, теперь перекусите.

— Спасибо, капитан.

И все! Уже забыто. Уже говорят о другом.

Спендер, не отрываясь, следил за своими спутниками. Он не прикоснулся к своей порции, лежащей в тарелке у него на коленях. Он почувствовал, как воздух становится холоднее. Яркие-яркие звезды точно придвинулись ближе.

Если кто-нибудь начинал говорить чересчур громко, капитан отвечал вполголоса, и они невольно понижали голос, подражая ему.

Какой запах у воздуха — чистый, полный новизны! Некоторое время Спендер сидел и только дышал, наслаждаясь его необычностью. В нем было множество такого, что он не мог опознать: цветы, химикалии, пыль, ветер.

— Или взять хоть тот раз в Нью-Йорке, когда мне попалась эта блондиночка — черт, опять имя забыл... А, вот — Гинни! — басил Биггс. — Конечно, Гинни!

Спендер весь сжался. У него задрожали руки. Глаза беспокойно дергались под тонкими, прозрачными веками.

— А Гинни и говорит мне... — не унимался Биггс.

Раздался дружный хохот.

— И вмазал же я ей! — орал Биггс, не выпуская из рук бутылки.

Спендер отставил свою тарелку в сторону. Прислушался к ветерку, который шептал ему на ухо что-то прохладное. Полюбовался белыми марсианскими зданиями — точно холодные льдины на дне высохшего моря...

— Какая девчонка, блеск! — Биггс опростал бутылку в свою широкую пасть. — Такую только один раз в жизни встретишь!

Запах потного тела Биггса отравил воздух. Спендер дал костру потухнуть.

— Эй, Спендер, уснул, что ли, огня давай! — крикнул Биггс и снова присосался к бутылке. — Ну, так вот, однажды ночью мы с Гинни...

Один из экипажа, по фамилии Шенке, принес свой аккордеон и стал отбивать чечетку, так что пыль столбом поднялась.

— Ух ты! — вопил он. — Живем!

— Йэх! — горланили остальные, отбросив пустые тарелки.

Трое стали в ряд и задргали ногами наподобие девочек из кордебалета, выкрикивая остроты. Другие хлопали в ладоши, подбадривая их. Черок сбросил рубаху и закружился, сверкая потным торсом. Лунное сияние серебрило его ежик и гладко выбритые молодые щеки.

Ветер гнал легкий туман над дном пересохшего моря, огромные каменные личины гор глядели сверху на серебристую ракету и крохотный костер.

Шум и гомон становился сильнее, число плясунов росло,

кто-то сосал губную гармонику, кто-то дул в гребешок, обернутый папиросной бумагой. Еще два десятка бутылок откупорено и выпито. Биггс ковылял на непослушных ногах и дирижировал пляской, размахивая руками.

— Эй, командир, давай с нами! — крикнул Черок капитану и затянул песню.

Пришлось и капитану плясать. Он делал это безо всякой охоты. Лицо его было сумрачно. Глядя на него, Спендер подумал: «Бедняга! Что за ночь! Они сами не ведают, что творят. Им бы перед полетом семинар пройти о том, как вести себя на Марсе, хотя бы несколько дней держаться в рамках приличия».

— Довольно.— Капитан вышел из круга и сел, сославшись на усталость.

Спендер взглянул на грудь капитана. Не сказать, чтобы она вздымалась чаще обычного. И лицо ничуть не потное.

Аккордеон, гармоника, вино, крики, пляска, вопли, возня, лязг посуды, хохот.

Биггс, шатаясь, побрел на берег марсианского канала. Он захватил с собой шесть пустых бутылок и одну за другой стал бросать их в глубокую голубую воду. Погружаясь, они издавали глухой, задыхающийся звук.

— Я нарекаю тебя, нарекаю тебя, нарекаю тебя... — заплетающимся языком бормотал Биггс.— Нарекаю тебя именем Биггс, Биггс, канал Биггса...

Прежде чем кто-нибудь успел шевельнуться, Спендер вскочил на ноги, прыгнул через костер и подбежал к Биггсу. Он ударил Биггса сперва по зубам, потом в ухо. Биггс качнулся и свалился прямо в воду. После всплеска Спендер молча ждал, когда Биггс выкарабкается обратно. Но остальные уже схватили Спендера за руки.

— Эй, Спендер, что это на тебя нашло? Ты что? — допытывались они.

Биггс выбрался на берег и встал на ноги, вода струилась с него на камни. Он сразу заметил, что Спендера держат.

— Так,— сказал он и шагнул вперед.

— Хватит! — рявкнул капитан Уилдер.

Спендера выпустили. Биггс замер, глядя на капитана.

— Ладно, Биггс, переоденьтесь. А вы можете продолжать свое веселье! Спендер, пойдемте со мной!

Веселье возобновилось. Уилдер отошел в сторону и обернулся к Спендеру.

— Может быть, вы объясните, в чем дело? — сказал он.

Спендер смотрел на канал.

— Не знаю. Мне стало стыдно. За Биггса, за всех нас, за этот содом. Господи, какое безобразие!

— Путешествие было долгое. Надо же им отвести душу.

— Но где их уважение, командир? Где чувство того, что и когда уместно?

— Вы устали, Спендер, и смотрите на вещи иначе, чем они. Уплатите штраф пятьдесят долларов.

— Слушаюсь, командир. Но уж очень неприятно, когда подумаешь, что Они видят, как мы из себя дураков корчим.

— Они?

— Марсиане, будь то живые или мертвые.

— Скорее всего мертвые, — ответил капитан. — Вы думаете, Они знают, что мы здесь?

— Разве старое не знает всегда о появлении нового?

— Пожалуй. Можно подумать, что вы в духов верите.

— Я верю в то, что сделано, а на Марсе множество следов чьего-то труда. Я видел улицы, дома, и книги, наверно, есть, видел широкие каналы, часы, стойла — если не для лошадей, то, во всяком случае, для каких-то домашних животных, пусть даже с двенадцатью ногами, почему мы можем знать? Куда ни взгляну, всюду предметы и сооружения, которыми пользовались. Ими пользовались, их употребляли много столетий. Вот если вы меня спросите, верю ли я в душу вещей, отвечающую их употреблению, я скажу — да. И они есть здесь всюду. Предметы, у которых было свое предназначение. Горы, у которых были свои имена. Пользуясь этими предметами, мы всегда неизбежно будем ощущать неловкость. И названия гор будут звучать для нас не так — мы их окрестим, а старые-то названия никуда не делись, существуют где-то во времени, для кого-то здешние горы, представление о них, были связаны именно с теми названиями. Имена, которыми мы наречем каналы, города, вершины, скатятся с них, как вода с гуся. Мы можем сколько угодно соприкоснуться с Марсом, настоящего общения никогда не будет. В конце концов это доведет нас до бешенства, и знаете, что мы сделаем с Марсом? Мы его распотрошим, снимем с него шкуру и перекроим ее по своему вкусу.

— Мы не разрушим Марс, — сказал капитан. — Он слишком велик и великолепен.

— Вы уверены? У нас, землян, есть дар разрушать великое и прекрасное. Если мы не открыли сосисочную в

Египте среди развалин Карнакского храма, то лишь потому, что они лежат на отшибе и там не развернешь коммерции. Но Египет — малая часть Земли. А здесь — здесь кругом древность, сплошные диковины, и где-то нам придется обосноваться и начать осквернение. Канал мы назовем в честь Рокфеллера, горе присвоим имя короля Георга, будет озеро Дюпона, города Рузвельт, Линкольн и Кулидж, но это всё не то, потому что у каждого места уже есть свое, собственное имя.

— Это уже ваше дело, археологов, раскопать старые названия, а мы что ж, мы согласны ими пользоваться.

— Несколько человечков вроде нас — против всех дельцов и трестов? — Спендер поглядел на отливающие металлом горы. — Они знают, что мы сегодня здесь, явились гадить им, и я не сомневаюсь, что они нас ненавидят.

Капитан покачал головой.

— Ненависти здесь нет. — Он прислушался к ветру. — Судя по их городам, это были чудесные, красивые и философски настроенные люди. Они все принимали, как должное. Очевидно, они были обречены на вымирание, однако не устроили по этому поводу никакой опустошительной войны напоследок, не стали уничтожать своих городов. Все города, которые мы до сих пор видели, сохранились в полной неприкосновенности. Сдается мне, мы им мешаем не больше, чем помешали бы дети, играющие на газоне, — что спросишь с ребенка? И кто знает, быть может, в конечном счете все это изменит нас к лучшему. Вы обратили внимание, Спендер, на необычно тихое поведение наших людей, пока Биггс не навязал им это веселье? Как смирно, даже робко они держались! Еще бы, лицом к лицу со всем этим сразу смекаешь, что ты не такая уж большая шишка. Мы дети в песочниках, шумные и непоседливые дети, которые носятся со своими игрушечными атомами и ракетами. Но ведь когда-нибудь Земля будет такой, каков Марс теперь. Так что Марс нас отрезвит. Наглядное пособие по истории цивилизации. Полезный урок. А теперь — выше голову! Пойдем играть в веселье. Да, штраф остается в силе.

Но веселье не ладилось. С мертвого моря упорно дул ветер. Дул на экипаж ракеты, дул на капитана и Джеффа Спендера, когда те шли обратно к остальным. Ветер теребил пыль и сверкающую ракету, теребил аккордеон, и пыль засорила исцелованную гармонику. Она засоряла им глаза,

а ветер продолжал звонко петь. Вдруг он стих, так же неожиданно, как начался.

Но и веселье тоже стихло.

Они стояли прямо под холодным черным небом.

— Ну, ребята, давай! — Биггс в чистой сухой одежде выскочил из ракеты, стараясь не глядеть на Спендера. Его голос звучал, будто в пустой аудитории, совсем одиноко. — Что же вы!

Никто не тронулся с места.

— Эй, Уайти, где твоя гармоника?

Уайти выдул какую-то трель. Она прозвучала фальшиво и нелепо. Уайти вытряхнул из гармоника влагу и спрятал инструмент.

— Вы что, на поминках, что ли? — не унимался Биггс.

Кто-то сжал в объятиях аккордеон. Послышался будто стон умирающего животного. И все.

— Ладно, мы с подружкой повеселимся вдвоем. — Прислонившись к ракете, Биггс поднес ко рту бутылку.

Спендер следил за ним. Спендер долго стоял неподвижно. Потом его пальцы тихонько, медленно поползли вверх по дрожащему бедру, нащупали пистолет и стали поглаживать кожаную кобуру.

— Кто хочет пойти в город, может отправиться со мной, — объявил капитан. — Поставим охрану у ракеты и захватим с собой оружие — на всякий случай.

Экипаж выстроился в шеренгу. Желающих пойти в город было четырнадцать, включая Биггса, который стал в строй, гогоча и размахивая бутылкой. Шесть человек остались остаться.

— Ну, потопали! — заорал Биггс.

Отряд удалился в безмолвном лунном сиянии. Они пришли на окраину грезящего мертвого города, озаренного светом двух догоняющих друг друга лун. Тени, протянувшиеся от ног людей, были двойными. Несколько минут космонавты стояли, затаив дыхание. Они ждали: не мелькнет ли в мертвом городе какое-нибудь движение, не появится ли какая-нибудь неясная фигура, не промчится ли галопом через пустое морское дно этакий призрак из седой старины верхом на закованном в латы древнем коне невозможных кровей, с небывалой родословной.

Глаза Спендера, его фантазия оживили городские улицы. Голубыми химическими огнями по булыжной мостовой двигались люди, слышался прерывистый неразборчивый гул,

странные животные стремительно бежали по серовато-красному песку. В каждом окне кто-то стоял и, перегнувшись через подоконник, медленно, точно погруженный в вечные воды, махал каким-то движущимся образом в глубокой тени у подножия посеребренных луной башен. Некое внутреннее ухо слышало музыку, и Спендер попытался представить себе инструменты, исполняющие ее. Заколдованное место...

— Эгей! — крикнул Биггс, выпрямившись и сложив ладони рупором. — Эй, горожане, отзовись!

— Биггс! — сказал капитан.

Биггс угомонился.

Они вступили на улицу, выложенную кирпичом. И все перешли на шепот, потому что это было все равно, что войти в огромный читальный зал или в мавзолей, и только ветер кругом да яркие звезды над головой. Капитан заговорил вполголоса. Ему хотелось знать, куда подевались жители, что за люди они были, какие короли ими правили, отчего они умерли. Он тихо вопрошал: как удалось им построить такой долговечный город? Побывали ли они на Земле? Не они ли десятки тысяч лет назад положили начало роду землян? Была ли их любовь, и ненависть, и совершаемые глупости (когда до этого доходило) такими же, как у жителей Земли?

Они остановились. Точно луны околдовали и заморозили их, а кругом тихо шелестел ветер.

— Лорд Байрон, — сказал Джефф Спендер.

— Какой лорд? — Капитан повернулся к нему.

— Лорд Байрон, поэт, жил в девятнадцатом веке. Давным-давно он написал стихотворение, которое удивительно подходит к этому городу и выражает чувства марсиан, если, конечно, здесь осталось кому чувствовать. Эти стихи могли быть написаны последним марсианским поэтом.

Люди стояли неподвижно, и тени их замерли.

— Что же это за стихотворение? — спросил капитан.

Спендер переступил с ноги на ногу, поднял руку, вспоминая, на мгновение зажмурился, затем его тихий голос медленно стал произносить слова стихотворения, и все внимательно слушали его.

Не бродить уж нам ночами,
Хоть и манит нас луна
Серебристыми лучами,
А душа любви полна.

Город был пепельно-серый, высокий, безмолвный. Лица людей обратились к свету.

Меч сотрет железо ножен,
И душа источит грудь,
Вечный пламень невозможен,
Сердцу нужно отдохнуть.

Пусть влюбленными лучами
Месяц тянется к земле,
Не бродить уж нам ночами
В серебристой лунной мгле. *

Земляне молча стояли в центре города. Ночь была ясная. Кроме ветра, ни звука. Прямо у их ног начиналась мозаика с изображениями древних животных и людей. Они разглядывали ее.

Биггс икнул, давясь. Глаза его стали мутными и незрячими. Руки метнулись ко рту, он судорожно глотнул, зажмурился, сложился пополам, густая струя наполнила рот и вырвалась, хлынула с плеском прямо на кирпичные изображения. Это повторилось дважды. Сразу запахло кислым винным перегаром. Никто не двинулся помочь Биггсу. Его продолжало тошнить.

Мгновение Спендер смотрел на него, затем повернулся и пошел прочь. В полном одиночестве он шел по озаренным луной улицам города и ни разу не остановился, чтобы оглянуться на своих товарищей.

Они легли спать около четырех утра. Вытянувшись на одеялах, закрыли глаза и вдыхали неподвижный воздух. Капитан Уилдер сидел возле костра, подбрасывая в него сучки.

Два часа спустя Мак-Клюр открыл глаза.

— Вы не спите, командир?

— Жду Спендера.— Капитан чуть улыбнулся.

Мак-Клюр подумал.

— Знаете, командир, а мне кажется, он не придет. Сам не знаю, почему, но у меня такое чувство. Не придет он.

Мак-Клюр повернулся на другой бок. Огонь рассыпался трескучими искрами и потух.

Спендер не появлялся всю следующую неделю. Капитан разослал на поиски несколько отрядов, но они вернулись

* Перевод Ю. Вронского.

и доложили, что не могут понять, куда подевался Спендер. Ничего, надоест шляться — сам придет. И вообще он порядочная дрянь. Ушел и черт с ним!

Капитан промолчал, но записал все в корабельный журнал...

Однажды утром — это мог быть понедельник, или вторник, или любой иной марсианский день — Биггс сидел на краю канала, подставив лицо солнечным лучам и болтая ногами в прохладной воде.

Вдоль канала шел человек. Его тень упала на Биггса. Биггс открыл глаза.

— Будь я проклят! — воскликнул Биггс.

— Я последний марсианин, — сказал человек, доставая пистолет.

— Что ты сказал? — спросил Биггс.

— Я убью тебя.

— Брось. Что за глупые шутки, Спендер?

— Встань, умри, как мужчина.

— Бога ради, убери пистолет.

Спендер нажал курок только один раз. Мгновение Биггс еще сидел на краю канала, потом наклонился вперед и упал в воду. Выстрел был очень тихим — как шелест, как слабое жужжание. Тело медленно, отрешенно погрузилось в неторопливые струи канала, издавая глухой булькающий звук, который тут же прекратился.

Спендер убрал пистолет в кобуру и неслышными шагами пошел дальше. Солнце светило сверху на Марс, его лучи обжигали кожу рук, скользили по непроницаемому лицу Спендера. Он не стал бежать, шел так, будто с прошлого раза ничего не изменилось, если не считать, что теперь был день. Он подошел к ракете; несколько человек уписывали только что приготовленный завтрак под навесом, который поставил кок.

— А вот и наш Одинокий Волк идет, — сказал кто-то.

— Привет, Спендер! Давненько не виделись!

Четверо за столом пристально смотрели на человека, который молча глядел на них.

— Далась тебе эти проклятые развалины, — усмехнулся кок, помешивая какое-то черное варево в миске. — Ну чисто голодный пес, который до костей дорвался.

— Возможно, — ответил Спендер. — Мне надо было кое-что выяснить. Что вы скажете, если я вам сообщу, что видел здесь по соседству марсианина?

Четверо космонавтов отложили свои вилки.

— Марсианина? Где?

— Это не важно. Позвольте мне задать вам один вопрос. Как бы вы себя чувствовали на месте марсиан, если бы в вашу страну явились люди и стали бы все громить?

— Я-то знаю, что бы я чувствовал,— сказал Черок.— В моих жилах есть индейская кровь. Мой дед немало мне порассказал из истории Оклахомы. Так что если тут остались марсиане, я их понимаю.

— А вы? — осторожно спросил Спендер остальных.

Никто не ответил, молчание было достаточно красноречиво. Дескать, грабастай, сколько захватишь, что нашел — все твое, если ближний подставил щеку — вдарь покрепче, и так далее в том же духе.

— Ну так вот,— сказал Спендер.— Я встретил марсианина.

Они смотрели на него, не моргая.

— Там, в одном из мертвых поселений. Я и не подозревал, что встречу его. Даже и не собирался искать. Не знаю, что его туда привело. Эту неделю я прожил в маленьком городке, пытался разобрать древние письмена, изучал их старинное искусство. И однажды увидел марсианина. Он только на миг появился и тут же пропал. До следующего дня больше не показывался. Я сидел над письменами, когда он снова появился. И так несколько раз, с каждым разом все ближе и ближе. В тот день, когда я наконец освоил марсианский язык — это удивительно просто, очень помогают пиктограммы,— марсианин стал передо мной и сказал: «Дайте мне ваши башмаки». Я отдал ему башмаки, а он говорит: «Дайте мне ваш мундир, все снаряжение». Я все отдал, он опять: «Дайте пистолет». Подаю пистолет. Тогда он говорит: «А теперь пойдёмте со мной и смотрите, что будет». И марсианин отправился в лагерь, и вот он здесь.

— Не вижу никакого марсианина,— возразил Черок.

— Очень жаль.

Спендер выхватил из кобуры пистолет. Послышалось мягкое жужжание. Первая пуля поразила крайнего слева, вторая и третья — крайнего справа и того, что сидел посредине. Кок испуганно обернулся от костра и был сражен четвертой пулей. Он упал плашмя в огонь и остался лежать, хотя его одежда загорелась.

Освещенная солнцем ракета. Трое сидят за столом, и

руки их неподвижно лежат возле тарелок, на которых остывает завтрак. Один Черок, цел и невредим, с тупым недоумением глядит на Спендера.

— Можешь пойти со мной,— сказал Спендер.

Черок не ответил.

— Слышишь, я принимаю тебя в свою компанию.— Спендер ждал.

Наконец к Чероку вернулся дар речи.

— Вы их убили,— произнес он и заставил себя взглянуть на сидящих напротив.

— Они этого заслужили.

— Вы сошли с ума!

— Возможно. Но ты можешь пойти со мной.

— Пойти с вами — зачем? — вскричал Черок, мертвенно бледный, со слезами на глазах.— Уходите, убирайтесь прочь!

Лицо Спендера окаменело.

— А я-то думал, хоть ты меня поймешь.

— Убирайтесь! — Рука Черока потянулась за пистолетом.

Спендер выстрелил в последний раз. Больше Черок не двигался.

Зато покачнулся Спендер. Он провел ладонью по потному лицу. Он поглядел на ракету, и вдруг его начала бить дрожь. Он едва не упал, настолько сильна была реакция. Его лицо было лицом человека, который приходит в себя после гипноза, после сновидения. Ноги подкосились, и он сел, чтобы справиться с дрожью.

— Перестать! Сейчас же! — приказал он своему телу. Каждая клеточка судорожно дрожала.— Перестань!

Он сжал тело в тисках воли, пока не выдавил из него всю дрожь, до последнего остатка. Теперь руки лежали спокойно на усмирненных коленях.

Он встал и с неторопливой тщательностью закрепил на спине портативный холодильник. На какую-то крохотную долю секунды его руки опять задрожали, но Спендер очень решительно скомандовал: «Нет!» — и дрожь прошла. И он побрел прочь на негнувшихся ногах и затерялся среди жарких красных гор. Один.

Солнце прожигало себе путь в небесах. Час спустя капитан вылез из ракеты за ветчиной и яйцами. Он уже открыл

рот, чтобы сказать своим товарищам: «Привет!» — но вдруг замер на месте, уловив в воздухе легкий запах пистолетного дыма. Он увидел, что кок лежит на земле, накрыв своим телом костер. Четыре космонавта сидели перед остывшим завтраком.

Следом за капитаном по трапу спустились Паркхилл и еще двое. Командир стоял у них на пути, замороженный молчанием и позами сидящих за столом.

— Соберите людей, всех! — распорядился капитан.

Паркхилл побежал вдоль канала.

Капитан тронул рукой Черока. Черок медленно повернулся и упал со стула. Солнечные лучи осветили его черный ежик и высокие скулы.

Экипаж собрался.

— Кого не достает?

— Все того же Спендера. Биггса мы нашли в канале.

— Спендер!

Капитан смотрел, как горы тянутся вверх навстречу новому дню. Солнце высветило оскал его зубов.

— Черт бы его побрал, — устало произнес капитан. — Почему он не пришел ко мне потолковать?

— Лучше бы ко мне пришел! — крикнул Паркхилл, яростно сверкая глазами. — Я бы поглядел, какого цвета у него мозги, ей-богу, раскроил бы ему череп!

Капитан Уилдер кивком подозвал двоих.

— Возьмите лопаты, — сказал он.

Было жарко копать. Теплый ветер, летя над высохшим морем, швырял им пыль в лицо, пока капитан переворачивал страницы библии. Но вот он закрыл книгу, и с лопат на завернутые в саван тела потекли медленные струи песка.

Они вернулись к ракете, щелкнули затворами своих винтовок, подвесили к поясу сзади связки гранат, проверили, чтобы пистолеты легко вынимались из кобурды. Каждому был отведен определенный участок гор. Объясняя маршруты, капитан ни разу не повысил голоса и не шевельнул руками — они вяло лежали по швам.

— Пошли, — сказал он.

Спендер увидел, как в разных концах долины поднимаются облачка пыли, и понял, что преследование началось по всем правилам. Он опустил плоскую серебряную книгу, которую читал, удобно примостившись на большом камне. Страницы книги были из чистейшего, тонкого, как папи-

росная бумага, листового серебра, разрисованные от руки чернью и золотом. Это был философский трактат десятилетиями давности, найденный им в дачном доме, в одном из марсианских поселков. Спендеру совсем не хотелось откладывать книгу в сторону.

Он даже подумал сперва: «А стоит ли? Буду сидеть и читать, пока не придут и не убьют меня».

Утром, после того, как он застрелил шесть человек, Спендер ощутил тупую опустошенность, потом его тошнило, и наконец им овладел странный покой. Но и это чувство было преходящим, потому что при виде пыли, которая обозначала путь преследователей, он снова ощутил ожесточение.

Он глотнул холодной воды из походной фляги. Потом встал, потянулся, зевнул, прислушиваясь к упительной тишине окружающей его долины. Вот если бы он и несколько дорогих ему людей могли вместе поселиться здесь и дожить свою жизнь без суеты, без шума...

Спендер взял в одну руку книгу, а в другую — пистолет. Рядом была быстрая речка с белой галькой, он разделся на камнях и вошел в воду, чтобы помыться. Потом не спеша вышел из воды и стал одеваться, наконец снова взял пистолет.

Первые выстрелы раздались около трех часов дня. К этому времени Спендер ушел высоко в горы. Позади остались три горных поселка, выше которых были разбросаны дачи древних марсиан. Облюбовав себе зеленый лужок и быстрый ручеек, они выложили из плиток бассейны, построили библиотеки, разбили сады с журчащими фонтанами. Спендер около получаса плавал в наполненном дождевой водой бассейне, ожидая, когда приблизится погоня.

Покидая дачу, он услышал выстрел. Позади него, в каких-нибудь пяти метрах, взорвался осколками кирпич. Спендер побежал, укрываясь за скальными выступами, обернулся, и первый же его выстрел уложил наповал одного из преследователей.

Спендер знал, что его возьмут в кольцо и он окажется в ловушке. Окружат со всех сторон и станут сходитьсь и прикончат его. Странно даже, что они еще не пустили в ход гранаты. Капитану Уилдеру достаточно слово сказать...

«Я слишком тонкое изделие, чтобы превращать меня

в крошево,— подумал Спендер.— Вот что сдерживает капитана. Ему хочется, чтобы дело ограничилось одной аккуратной дырочкой. Чудно... Хочется, чтобы я умер благопристойно. Никаких луж крови. Почему? Да потому, что он меня понимает. Вот почему он готов рисковать своими людьми, лишь бы уложить меня точным выстрелом в голову. Разве не так?»

Девять-десять выстрелов отгремели один за другим, подбрасывая камни вокруг Спендера. Он не спеша отстреливался, иногда заглядывал в серебряную книгу, которую не выпускал из рук.

Капитан выскочил из укрытия под жаркие лучи солнца, неся винтовку наперевес. Спендер проводил его мушкой пистолета, но стрелять не стал. Вместо этого он переменял прицел и сбил пулей верхушку скалы, за которой лежал Уайти. Оттуда донесся злобный крик.

Вдруг капитан выпрямился во весь рост, держа белый платок в поднятой руке. Он что-то сказал своим людям и, отложив винтовку в сторону, пошел вверх по склону. Спендер немного выждал, потом и он поднялся на ноги, с пистолетом наготове.

Капитан подошел и сел на горячий камень, избегая смотреть на Спендера.

Рука капитана потянулась к нагрудному карману. Спендер крепче сжал пистолет.

— Сигарету? — предложил капитан.

— Спасибо.— Спендер взял одну.

— Огоньку?

— Свой есть.

Они затянулись раз-другой в полной тишине.

— Жарко,— сказал капитан.

— Очень.

— Как вы тут, хорошо устроились?

— Отлично.

— И сколько думаете продержаться?

— Столько, сколько нужно, чтобы уложить дюжину человек.

— Почему вы не убили всех нас утром, когда была возможность? Вы вполне могли это сделать.

— Знаю. Духу не хватило. Когда тебе что-нибудь втемяшится в голову, ты лжешь себе. Говоришь, что все остальные неправы. Но едва я начал убивать людей, как сообразил, что они просто глупцы и зря я на них поднял

руку. Поздно сообразил. Тогда я не мог заставить себя продолжать, вот и ушел сюда, чтобы еще солгать себе и разозлиться, восстановить нужное настроение.

— Восстановили?

— Не совсем. Но вполне достаточно.

Капитан разглядывал свою сигарету.

— Почему вы так поступили?

Спендер спокойно отложил в сторону пистолет.

— Потому что убедился, что нам бы надо поучиться у марсиан. Они остановились там, где нам следовало остановиться сто лет назад. Я походил по их городам, узнал этот народ и был бы счастлив назвать их своими предками.

— Да, там есть чудесный город.— Капитан кивком указал на одно из поселений.

— Не только в этом дело. Конечно, их города хороши. Марсиане сумели сделать искусство частью повседневной жизни. У американцев искусство всегда особая статья, его место — в комнате придурковатого сына наверху, а остальные принимают его воскресными дозами, кое-кто в смеси с религией. У марсиан все было вместе.

— Думаете, они доискались смысла жизни?

— Уверен.

— И по этой причине вы стали убивать людей.

— Когда я был маленьким, родители взяли меня с собой в Мехико Сити. Никогда не забуду, как отец там держался: громогласный, бесцеремонный. Что до матери, то ей тамошние люди не понравились тем, что они-де редко умываются и кожа темная. Сестра — та вообще избегала с ними разговаривать. Одному мне они пришлись по душе. И я слишком хорошо представляю себе, что отец и мать, попади они на Марс, повели себя точно так же. Средний американец от всего необычного нос воротит. Если санузел не такой, как в Чикаго, — значит, никуда не годится. Как подумаю!.. Да одной только этой мысли достаточно! А если вспомнить войну? Вы ведь слышали, какие речи произносились в конгрессе перед нашим вылетом? Мол, если экспедиция удастся, на Марсе разместят три атомные лаборатории и склады атомных бомб. Выходит, Марсу конец; все эти чудеса погибнут. Какое чувство было бы у вас, если бы марсианин облевал пьяной кислотой полы Белого Дома?

Капитан ничего не ответил.

Спендер продолжал:

— А все прочие воротилы? Владельцы рудников, бюро путешествий... Помните, что было с Мексикой, когда туда из Испании явился Кортес со своей милой компанией? Какая культура погибла, разрушенная алчными праведниками-изуверами! История не простит Кортеса.

— Нельзя сказать, чтобы вы сами сегодня вели себя этично, — заметил капитан.

— А что мне оставалось делать? Спорить с вами? Ведь я один — один против всей этой подлой ненасытной шайки с Земли. Они же сразу примутся сбрасывать здесь свои мерзкие атомные бомбы, драться из-за баз для новых войн. Мало того, что одну планету разорили, надо и другим всё изгадить? Тупые болтуны. Когда я попал сюда, мне казалось, что я избавлен не только от этой их так называемой культуры, но и от этики и обычаев. Дескать, их правила и устои меня больше не касаются. Остается только убить всех вас и зажить на свой лад.

— Но вышло иначе.

— Да. После пятого убийства я понял, что ничуть не обновился, не стал никаким марсианином, что не так-то легко избавиться от всего того, что к тебе прилипло на Земле. Но теперь мои колебания прошли. Я убью вас, всех до одного. Это задержит отправку следующей экспедиции самое малое лет на пять. Наша ракета единственная, других таких сейчас нет. В ожидании вестей от нас пройдет год, если не два, прежде чем на Земле решатся строить новую ракету. Ее будут строить вдвое дольше, сделают лишнюю сотню опытных конструкций, чтобы застраховаться от новых неудач.

— Верно рассчитано.

— Если же вы возвратитесь, да еще с хорошими новостями, это ускорит массовое вторжение на Марс. А так, даст бог, доживу до шестидесяти и буду встречать каждую новую экспедицию. За один раз больше одной ракеты не пошлют, и не чаще чем раз в год, и экипаж не может превышать двадцати человек. Я сумею с ними поладить, расскажу, что наша ракета неожиданно взорвалась — взорву ее на этой же неделе, как только управлюсь с вами, — потом всех прикончу. На полвека-то удастся отстоять Марс; земляне скоро прекратят попытки. Помните, как люди остыли к строительству цеппелинов, которые все время загорались и падали?

— Вы все продумали, — признал капитан.

— Вот именно.

— Кроме одного: нас слишком много. Через час кольцо сомкнется. Через час вы будете мертвы.

— Я обнаружил подземные ходы и надежные убежища, которых вам ни за что не найти. Уйду туда, отсижусь несколько недель. Ваша бдительность ослабнет. Тогда я выйду снова и ухлопаю вас одного за другим.

Капитан кивнул.

— Расскажите мне про эту вашу здешнюю цивилизацию, — сказал он, делая рукой жест в сторону горных поселений.

— Они умели жить с природой в согласии, в ладу. Не лезли из кожи вон, чтобы доказать, что они отделены от животных бездонной пропастью. Избежали ошибки, которую совершили мы, когда появился Дарвин. Ведь что было у нас: сперва обрадовались, поспешили заключить в свои объятия и его, и Гексли, и Фрейда. Потом вдруг обнаружили, что Дарвин никак не согласуется с нашей религией. Во всяком случае, нам так показалось. Мы были глупцами, попытались поколебать Дарвина, Гексли, Фрейда. Они не очень-то поддавались. Тогда мы за религию принялись. И отлично преуспели. Лишились веры и стали ломать себе голову над смыслом жизни. Если искусство — всего лишь выражение неудовлетворенных страстей, если религия — самообман, то для чего мы живем? Вера на все находила ответ. Но с приходом Дарвина и Фрейда она вылетела в трубу. Как был род человеческий заблудшим, так и остался.

— А марсиане, выходит, нашли верный путь? — осведомился капитан.

— Да. Они сумели сочетать науку и веру так, что они не отрицали одна другую, а взаимно помогали, обогащали.

— Прямо идеал какой-то!

— Так и было. Мне очень хочется показать вам, как это выглядело на деле.

— Мои люди ждут меня.

— Каких-нибудь полчаса. Предупредите их.

Капитан помешкал, потом поднялся на ноги и крикнул распоряжение своему отряду.

Спендер повел его в небольшой марсианский поселок, весь из безупречного прохладного мрамора. Они увидели большие фризы с изображением великолепных животных, каких-то кошек с белыми лапами и солнечные символы

с желтыми конечностями, увидели статуи, напоминающие быков, скульптуры мужчин, женщин и огромных собак с благородными мордами.

— Вот вам ответ, капитан.

— Не вижу.

— Марсиане открыли секрет жизни, изучая животных. Животное не допытывается, в чем смысл бытия. Оно живет. Живет ради жизни. Для него ответ заключен в самой жизни, в ней и радость, и наслаждение. Вы посмотрите на эти скульптуры: всюду символические изображения животных.

— Язычество какое-то.

— Напротив, это божественные символы, символы жизни. На Марсе тоже была пора, когда человек перестарался в своем стремлении подалее уйти от своих животных предков. Но люди Марса поняли: чтобы выжить, надо перестать допытываться, в чем смысл жизни. Жизнь сама по себе есть ответ. Цель жизни в том, чтобы воспроизводить жизнь и возможно лучше ее устроить. Марсиане заметили, что вопрос: «Для чего жить?» — родился у них в разгар периода войн и бедствий, когда ответа не могло быть. Но стоило цивилизации обрести равновесие, устойчивость, стоило прекратиться войнам, как вопрос опять-таки оказался бессмысленным. Когда жизнь хороша, нег нужды в обоснованиях.

— Послушать вас, так марсиане были довольно наивными.

— Только пока наивность себя оправдывала. Кончилось тем, что они стали излишне усердно все ломать и развенчивать. Они сочетали вместе религию, искусство и науку, ведь наука в конечном счете — исследование чуда, коего мы не в силах объяснить, а искусство — толкование этого чуда. Они не позволяли науке сокрушать эстетически прекрасное. Это же все вопрос меры. Землянин рассуждает: «В этой картине цвета, как такового, нет. Наука может доказать, что цвет — это всего-навсего определенное расположение частиц вещества, особым образом отражающих свет. Следовательно, цвет не является действительной принадлежностью предметов, которые попали в поле моего зрения». Марсианин, как более умный, сказал бы так: «Это чудесная картина. Она создана рукой и мозгом вдохновенного человека. Ее идея и краски даны жизнью. Отличная вещь».

Они помолчали. Сидя в лучах предвечернего солнца,

капитан с любопытством разглядывал безмолвный прохладный городок.

— Я бы с удовольствием здесь поселился,— сказал он.

— Вам стоит только захотеть.

— Вы сомневаетесь в моем желании?

— Кто из ваших людей способен по-настоящему понять все это? Они же профессиональные циники, их уже не исправишь. Зачем вам возвращаться на Землю вместе с ними? Чтобы равняться на Джонсов? Чтобы купить себе точно такой вертолет, как у Смитов? Чтобы слушать музыку не душой, а бумажником? Здесь, в одном дворике, я нашел запись марсианской музыки, сделанную не менее пятидесяти тысяч лет тому назад. Она все еще звучит. Такой музыки вы в жизни больше нигде не услышите. Оставайтесь и будете слушать. Здесь есть книги. Я уже довольно свободно их читаю. И вы могли бы читать.

— Все это звучит заманчиво, Спендер.

— И все же вы не останетесь?

— Нет. Спасибо за предложение.

— И вы, разумеется, не согласны оставить меня в покое. Мне придется всех вас убить.

— Вы настроены оптимистически.

— Мне есть за что сражаться и ради чего жить, поэтому я лучше вас преуспею в убийстве. У меня теперь появилось нечто, заменяющее религию. Это все равно что заново учиться, как дышать. И как лежать на солнышке, загорая, впитывая солнечные лучи. И как слушать музыку и читать книги. А что мне может предложить ваша цивилизация?

Капитан переступил с ноги на ногу. Он покачал головой.

— Мне очень жаль, что так получается. Всего этого жаль...

— Мне тоже. А теперь, пожалуй, пора отвести вас обратно, чтобы вы могли начать вашу атаку.

— Пожалуй.

— Капитан, вас я убивать не стану. Когда всё будет кончено, останетесь живы.

— Что?

— Я с самого начала решил пощадить вас.

— Вот как...

— Я отделию вас от остальных. Когда они будут убиты, возможно, и вы одумаетесь.

— Нет,— сказал капитан.— В моих жилах слишком земная кровь. Я не смогу дать вам уйти.

— Даже если у вас будет возможность остаться здесь?

— Да, как ни странно, даже тогда. Не знаю, почему. Никогда не задавался таким вопросом. Ну, вот и пришли.

Они вернулись на прежнее место.

— Пойдете со мной добровольно, Спендер? Предлагаю в последний раз.

— Благодарю. Не пойду.— Спендер вытянул вперед одну руку.— И еще одно, напоследок. Если вы победите, сделайте мне услугу. Постарайтесь, насколько это в ваших силах, оттянуть растерзание этой планеты, хотя бы лет на пятьдесят, пусть сперва археологи потрудятся как следует. Обещаете?

— Обещаю.

— И еще — если от этого кому-нибудь будет легче — думайте обо мне, как о безнадежном психопате, который летним днем окончательно взбесился, да так и не пришел в себя. Может, вам легче будет...

— Я подумаю. Прощайте, Спендер. Счастливо.

— Вы странный человек,— сказал Спендер, когда капитан зашагал вниз по тропе, дыша жарким ветром.

Капитан вернулся к своим людям, седым от пыли, совершенно потерянный. Он щурился на солнце и тяжело дышал.

— Выпить есть у кого? — спросил капитан.

Он почувствовал, как ему сунули в руку прохладную флягу.

— Спасибо.

Он глотнул. Вытер рот.

— Ну, так,— сказал капитан.— Будьте осторожны. Спешить некуда, времени у нас достаточно. С нашей стороны больше жертв быть не должно. Вам придется убить его. Он отказался пойти со мной добровольно. Постарайтесь уложить его одним выстрелом. Не превращайте в решето. Надо кончать.

— Я раскрою ему его проклятую башку,— буркнул Сэм Паркхилл.

— Нет, только в сердце,— сказал капитан. Он отчетливо видел перед собой суровое, полное решимости лицо Спендера.

— Его проклятую башку,— повторил Паркхилл.

Капитан швырнул ему его флягу.

— Вы слышали мой приказ. Только в сердце.
Паркхилл что-то проворчал себе под нос.
— Пошли,— сказал капитан.

Они снова рассыпались, перешли с шага на бег, затем опять на шаг, поднимаясь по жарким склонам, то ныряя в холодные, пахнущие мхом пещеры, то выскакивая на ярко освещенные открытые площадки с пахнущими солнцем каменными плитами.

«Отвратительно быть ловким и расторопным,— думал капитан,— когда в глубине души не чувствуешь себя ловким и не хочешь им быть. Подбираться тайком, разрабатывать планы и неведь что о себе воображать. Ненавижу это чувство правоты, когда в глубине души я не уверен, что прав. Кто мы, если разобраться? Большинство?.. Чем не ответ: ведь большинство всегда непогрешимо, разве нет? Всегда — и не может даже на миг ошибиться, разве не так? Не ошибается даже раз в десять миллионов лет?..»

Он думал: «Что представляет собой это большинство и кто в него входит? Что у них делается в голове, как они стали именно такими, неужели никогда не переменятся, и каким образом меня занесло в это чертово большинство? Я чувствую себя гадко, что это: клаустрофобия, боязнь толпы или просто здравый смысл? Может один человек быть правым, хотя бы весь мир был уверен в своей правоте? Не будем об этом думать. Будем ползать на брюхе, волноваться и спускать курок. Вот так! И так!»

Его люди перебежали, падали, снова перебежали, приседая в тени, и скалили зубы, хватая ртом воздух, потому что атмосфера была редкая, не приспособленная для бега; атмосфера была редкая, и им приходилось по пяти минут отсиживаться, тяжело дыша, видя черные искры, жмурясь, глотая редкий воздух, которым никак не насытишься, наконец опять вставать на ноги и поднимать винтовки, чтобы пробивать отверстия в редком летнем воздухе, жаркие громкие отверстия.

Спендер лежал на одном месте, ведя редкий огонь.

— Размажу по камням его проклятые мозги! — завопил Паркхилл и побежал вверх.

Капитан прицелился в Сема Паркхилла. И отложил пистолет, с ужасом глядя на него.

— Что вы затеяли? — спросил он обессиленную руку и пистолет.

Он едва не выстрелил в спину Паркхиллу.

— Господи, что это я!

Он видел, как Паркхилл закончил перебежку и упал, найдя укрытие.

Вокруг Спендера медленно стягивалась редкая движущаяся цепочка людей. Он лежал на вершине, за двумя большими камнями, устало кривя рот от нехватки воздуха, и под мышками с обеих сторон были большие темные пятна пота. Капитан видел эти камни. Их разделял просвет, сантиметров около десяти, и в него было видно ничем не защищенную грудь Спендера.

— Эй, ты! — крикнул Паркхилл. — У меня тут пуля припасена для твоего черепа!

Капитан Уилдер ждал. «Ну, Спендер, давай же, — думал он. — Уходи, как у тебя было задумано. Через несколько минут будет поздно. Уходи, потом опять выйдешь. Ну! Ты же сам сказал. Уйди в подземное убежище, которое ты, по твоим словам, нашел, укройся там и живи месяц, год, много лет, читай свои замечательные книги, купайся в дворцовых бассейнах. Давай же, человек, ну, пока не поздно».

Спендер не двигался с места.

«Да что это с ним?» — спросил себя капитан.

Он взял свой пистолет. Понаблюдав, как перебегают от укрытия к укрытию его люди. Поглядев на башни маленького чистенького марсианского поселения — будто шахматные фигуры, врезанные в солнечный свет. Перевел взгляд на камни и промежуток между ними, открывающий грудь Спендера.

Паркхилл ринулся вперед, рыча от ярости.

— Нет, Паркхилл, — сказал капитан. — Я не могу допустить, чтобы это сделали вы. Или кто-либо еще. Нет, только не они. Я сам.

Он поднял пистолет и прицелился.

«Будет ли у меня после этого чистая совесть? — спросил себя капитан. — Верно ли я поступаю, что беру это на себя? Да, верно. Я знаю, что делаю, знаю причину, и все правильно, потому что я уверен, что это надлежит сделать мне. От души надеюсь, что я окажусь достойным».

Он кивнул головой Спендеру.

— Уходи! — крикнул он шепотом, которого никто, кроме

него, не слышал.— Даю тебе еще тридцать секунд. Тридцать секунд!

Часы тикали на его запястье. Капитан смотрел, как они тикают. Его люди бегом продвигались вперед. Спендер не двигался с места. Часы тикали очень долго и очень громко, прямо в ухо капитану.

— Уходи, Спендер, уходи живей!

Пистолет был наведен на цель. Капитан глубоко вздохнул.

Тридцать секунд истекли.

— Спендер,— сказал он, выдыхая.

Он спустил курок.

Крохотное облачко каменной пыли закрубилось в солнечных лучах — вот и все, что произошло. Заглохло эхо выстрела.

Капитан встал и крикнул своим людям:

— Он мертв.

Они не поверили. С их позиций не было видно просвета между камнями. Они увидели, как капитан один взбегаёт вверх по склону, и решили, что он либо очень храбрый, либо сумасшедший.

Прошло несколько минут, прежде чем они последовали за ним.

Они собрались вокруг тела, и кто-то сказал:

— В грудь?

Капитан смотрел вниз.

— В грудь,— сказал он. Он заметил, как изменился цвет камня под Спендером.— Хотел бы я знать, почему он ждал. Хотел бы я знать, почему он не ушел, как задумал. Хотел бы я знать, почему он дожидался, пока его убьют.

— Кто ведаёт? — произнес кто-то.

А Спендер лежал недвижно, и одна его рука сжимала пистолет, а другая — серебряную книгу, которая ярко блестела на солнце.

«Может, все это из-за меня? — думал капитан.— Потому что я отказался присоединиться к нему? Может быть, у Спендера не поднялась рука убить меня? Возможно, я чем-нибудь отличаюсь от них? Может, в этом все дело? Или есть другой ответ?»

Другого ответа не было. Он присел на корточках возле безжизненного тела.

«Я должен оказаться достойным,— думал он.— Теперь я не могу его предать. Если он обнаружил, что я в чем-то

схож с ним, и потому не мог заставить себя меня убить, то какая же ответственность ложится на меня! Ну конечно, так и есть. Я — тот же Спендер, только я думаю, прежде чем стрелять. Я вообще не стреляю, не убиваю. Я направляю людей. Он потому не мог меня убить, что видел во мне самого себя, поставленного в несколько иные условия».

Капитан чувствовал, как солнце печет его шею. Он услышал собственный голос:

— Ну почему он не пришел ко мне переговорить, прежде чем убивать кого-либо — мы бы что-нибудь придумали.

— Что придумали? — буркнул Паркхилл. — Что общего у нас с такими, как он?

Равнина, скалы, голубое небо дышали зноем, от которого звенело в ушах.

— Пожалуй, вы правы, — сказал капитан. — Мы никогда не смогли бы идти рука об руку. Спендер и я — еще куда ни шло. Но Спендер и вы, и вам подобные — нет, никогда. Для него лучше так, как вышло. Дайте-ка глотнуть из фляги.

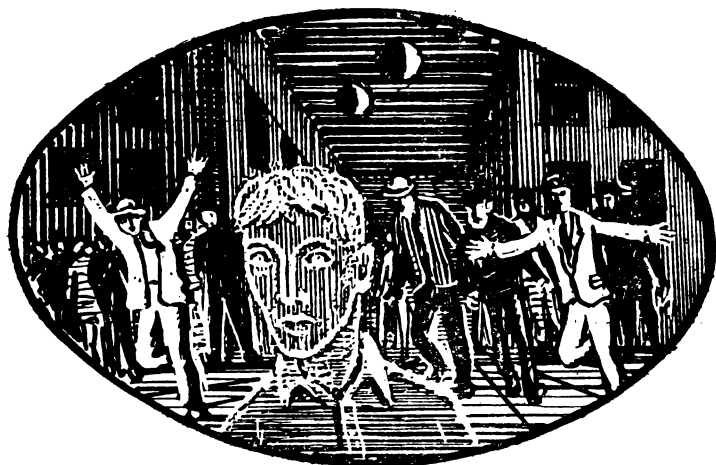
Предложение схоронить Спендера в пустом саркофаге исходило от капитана. Саркофаг был на древнем марсианском кладбище, которое они обнаружили. И Спендера — руки сложены вместе на груди — поместили в серебряный сундук, и туда же положили свечи и вина, изготовленные десять тысяч лет назад.

Они постояли в древнем склепе.

— Думается мне, не худо будет, если вы время от времени станете вспоминать Спендера, — произнес капитан.

Они вышли из склепа и плотно затворили мраморную дверь.

На следующий день Паркхилл затеял упражняться в меткости в одном из мертвых городов — стрелял по хрустальным окнам и сшибал макушки изящных башен. Капитан поймал Паркхилла и выбил ему зубы.

МАРСИАНИН

Устремленные вверх голубые пики терялись в завесе дождя, дождь поливал длинные каналы, и старик Лафарж вышел с женой из дома посмотреть.

— Первый дождь сезона, — заметил Лафарж.

— Чудесно... — вздохнула жена.

— Благодать!

Они затворили дверь. Вернувшись в комнаты, стали греть руки над углями в камине. Они зябко дрожали. Сквозь окно они видели вдали влажный блеск дождя на корпусе ракеты, которая доставила их сюда с Земли.

— Вот одно только... — произнес Лафарж, глядя на свои руки.

— Ты о чем? — спросила жена.

— Если бы мы могли взять с собой Тома...

— Лаф, ты опять!

— Нет, нет, прости меня, я не буду.

— Мы прилетели сюда затем, чтобы тихо, без тревог прожить свою старость, а не думать о Томе. Он умер столько лет назад, попробуем забыть его и все, что было на Земле.

— Верно, верно,— сказал он и снова протянул руки к теплу. Его глаза смотрели на огонь.— Я больше не заговорю об этом. Просто, ну... очень уж не достает мне наших поездок в Грин Лон Парк по воскресеньям, когда мы клали цветы на его могилу. Единственное место, где мы бывали...

Голубой дождь ласковыми струями поливал дом.

В девять часов они легли спать, и вот молча, рука в руке лежат в постели, ему — пятьдесят пять, ей — шестьдесят, и мрак со всех сторон, дождь шумит.

— Эни,— тихо позвал он.

— Да? — откликнулась она.

— Ты слышала?

Они вместе прислушались к шуму ветра и дождя.

— Ничего,— сказала она.

— Кто-то свистел,— объяснил он.

— Не знаю, я не слышала.

— Пойду посмотрю на всякий случай.

Он надел халат и прошел через весь дом к наружной двери. Помешкав, толчком отворил ее, и холодные капли дождя потекли по его лицу. Ветер дул.

Возле крыльца стояла маленькая фигура.

Молния распорол небо, и волна белого света выхватила из мрака лицо. Оно глядело на стоящего в дверях Лафаржа.

— Кто там? — крикнул старик, дрожа.

Никакого ответа.

— Кто это? Что вам надо?

По-прежнему ни слова.

Он ощутил предельную усталость и слабость в онемевшем теле.

— Кто вы? — крикнул Лафарж снова.

Жена подошла к нему сзади и взяла его за руку.

— Почему ты так кричишь?

— Какой-то мальчик стоит возле крыльца и не хочет мне отвечать,— объяснил старик, дрожа от холода.— Он похож на Тома!

— Пойдем спать, тебе почудилось.

— Он и сейчас стоит, взгляни сама.

Лафарж отворил дверь шире, чтобы жене было видно. Холодный ветер, редкий дождь — и фигурка, глядящая на них задумчивыми глазами. Старая женщина прислонилась к притолоке.

— Уходи! — сказала она, отмахиваясь от видения рукой. — Уходи!

— Что, разве он не похож на Тома? — спросил старик. Фигура не двигалась.

— Мне страшно, — произнесла женщина. — Запри дверь и пойдем спать. Не хочу, не хочу!..

И она ушла, всхлипывая, в спальню.

Старик стоял на ветру, и руки его стыли от студеной влаги.

— Том, — мягко сказал он. — Том, на тот случай, если это ты, если это каким-то чудом ты, — я не стану запира́ть дверь. И если ты озяб и захочешь войти погреться, так ты входи и ложись подле камина, там есть медвежья шкура.

И он затворил дверь, но запира́ть не стал.

Жена почувствовала, как он ложится, и зябко поежилась.

— Ужасная ночь. Я чувствую себя такой старой. — Она всхлипнула.

— Ладно, ладно, — ласково успокаивал он ее, обнимая. — Спи.

Наконец она уснула.

И тут — его настороженный слух тотчас уловил — наружная дверь медленно-медленно отворилась, впуская дождь и ветер, потом затворилась. Лафарж услышал легкие шаги возле камина и слабое дыхание. «Том», — сказал он сам себе.

Молния полыхнула в небе, расколов на части мрак.

Утром светило жаркое-жаркое солнце.

Мистер Лафарж распахнул дверь в гостиную и обвел ее быстрым взглядом.

На шкуре никого не было.

Лафарж вздохнул.

— Стар становлюсь, — сказал он.

И он пошел к двери, чтобы спуститься к каналу за ведром прозрачной воды для умывания. На пороге он чуть не сбил с ног юного Тома, который шел уже с полным до краев ведром.

— Доброе утро, отец!

— Доброе утро, Том.

Старик посторонился. Юноша пробежал босиком через комнату, поставил ведро и обернулся, улыбаясь.

— Чудесный день сегодня!

— Да, хороший,— настороженно отозвался старик.

Юноша держался как ни в чем не бывало. Он стал умывать лицо принесенной водой.

Старик шагнул вперед.

— Том, как ты сюда попал? Разве ты жив?

— А почему бы мне не быть живым? — Лицо юноши поднялось от таза.

— Но, Том... Грин Лон Парк, каждое воскресенье... цветы... и... — Лафарж вынужден был сесть. Юноша подошел к нему, остановился и взял его руку. Старик ощутил пальцы — крепкие, теплые.

— Ты в самом деле здесь, это не сон?

— Разве вы не хотите, чтобы я здесь был? — Юноша заметно обеспокоился.

— Что ты, Том, конечно хотим!

— Тогда зачем спрашивать? Пришел, и все тут.

— Но твоя мать, такая неожиданность...

— Не тревожься, все будет в порядке. Ночью я пел вам обоим, это поможет вам принять меня, особенно ей. Я знаю, как действует неожиданность. Погоди, она войдет, и убедишься сам.

И он рассмеялся, тряхнув шапкой кудрявых медно-рыжих волос. У него были очень голубые и ясные глаза.

— Доброе утро, Лаф и Том.— Мать вышла из дверей спальни, собирая волосы в узел.— Правда, чудесный день?

Том повернулся к отцу, улыбаясь:

— Что я говорил?

Вместе, втроем, они съели отличный завтрак в тени за домом. Миссис Лафарж достала припрятанную впрок старую бутылку подсолнухового вина, и все выпили немножко. Мистер Лафарж никогда еще не видел свою жену такой веселой. Если в душе у нее и было какое-то сомнение насчет Тома, то вслух она его не высказывала. Держалась так, словно все в порядке вещей. И чем дальше, тем больше сам Лафарж проникался этим чувством.

Пока мать мыла посуду, он наклонился к сыну и тихонько спросил:

— Сколько же тебе лет теперь, сынок?

— Разве ты не знаешь, папа? Четырнадцать, конечно.

— А кто ты такой на самом деле? Ведь ты не Том, но кем-то ты должен быть! Кто ты?

— Не надо.— Парнишка испуганно прикрыл лицо руками.

— Мне ты можешь сказать,— настаивал старик,— я пойму. Ведь ты марсианин, верно? Слышал я тут разные толки про марсиан. Дескать, их совсем мало осталось, и когда они появятся среди нас, то в обличье человека. Вот и ты, если приглядеться: и Том, и не Том...

— Зачем, зачем это?! Чем я вам не хорош? — закричал мальчик, спрятав лицо в ладонях.— Пожалуйста, ну пожалуйста, не надо сомневаться во мне!

Он вскочил на ноги и ринулся прочь от стола.

— Том, вернись!

Но мальчик продолжал бежать вдоль канала к городу.

— Куда это он? — спросила Энн; она пришла за остальными тарелками.

Она посмотрела в лицо мужу.

— Ты что-нибудь сказал, напугал его?

— Энн,— заговорил он, беря ее за руку,— Энн, ты помнишь Грин Лон Парк, помнишь ярмарку, и как Том заболел воспалением легких?

— Что ты такое говоришь? — Она рассмеялась.

— Так, ничего,— тихо ответил он.

Вдали, у канала, медленно оседала пыль, поднятая ногами бегущего Тома.

В пять часов вечера, на закате, Том возвратился. Он настороженно поглядел на отца.

— Ты опять начнешь меня расспрашивать?

— Никаких вопросов,— сказал Лафарж.

Блеснула белозубая улыбка.

— Вот и отлично.

— Где ты был?

— Возле города. Чуть не остался там. Меня чуть...— Он замялся, подбирая нужное слово.— Я чуть не попал в западню.

— Что ты хочешь этим сказать — «в западню»?

— Там есть возле канала маленький дом, весь из жести, и когда я шел мимо него, то едва не произошло такое, после чего я не смог бы вернуться сюда, к вам. Не знаю даже, как вам объяснить, нет таких слов, я не умею рассказать, я и сам не понимаю, это так странно, мне не хочется об этом говорить.

— И не надо. Иди-ка лучше умойся. Ужинать пора.

Мальчик побежал умываться.

А минут через десять на безмятежной глади канала оказалась лодка, подгоняемая плавными толчками длинного шеста, который держал в руках долговязый худой человек с черными волосами.

— Добрый вечер, брат Лафарж,— сказал он, придерживая лодку.

— Добрый вечер, Саул, что слышно?

— Всякое. Ты ведь знаешь Номленда — того, что живет в жестяном сарайчике на канале?

Лафарж оцепенел.

— Знаю, ну и что?

— А какой он негодяй был, тоже знаешь?

— Говорили, будто он потому Землю покинул, что человека убил.

Саул оперся о влажный шест, внимательно глядя на Лафаржа.

— А помнишь фамилию человека, которого он убил?

— Гиллингс, кажется?

— Точно, Гиллингс. Ну так вот, часа этак два тому назад этот Номленд прибежал в город с криком, что видел Гиллингса — живьем, здесь, на Марсе, сегодня, только что! Просился в тюрьму, чтобы его спрятали туда от Гиллингса. Но в тюрьму его не пустили. Тогда Номленд пошел домой и двадцать минут назад — люди мне рассказали — пустил себе пулю в лоб. Я как раз оттуда.

— Ну и ну,— сказал Лафарж.

— А? Ведь какие дела бывают! — подхватил Саул.— Ладно, Лафарж, пока, спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Лодка заскользила дальше по тихой глади канала.

— Ужин на столе,— крикнула миссис Лафарж.

Мистер Лафарж сел на свое место и, взяв нож, поглядел через стол на Тома.

— Том,— сказал он,— ты что делал сегодня вечером?

— Ничего,— ответил Том с полным ртом.— А что?

— Да нет, я так просто.— Старик сунул уголок салфетки за ворот сорочки.

В семь часов вечера миссис Лафарж собралась в город.

— Уж который месяц не была там,— сказала она.

Том отказался идти.

— Я боюсь города,— объявил он.— Боюсь людей. Мне не хочется.

— Большой парень — что ты такое говоришь! — настаивала Энн.— Слушать не хочу. Ты пойдешь с нами. Я так решила.

— Но, Энн, если мальчику не хочется...— вступился старик.

Однако миссис Лафарж была неумолима. Она чуть не силой отвела их к лодке, и все вместе отправились в путь по каналу под вечерними звездами. Том лежал на спине, закрыв глаза, и никто не сказал бы, спит он или нет. Старик пристально глядел на него, размышляя. «Кто это,— думал он,— что за создание, которое не меньше нас нуждается в любви? Кто он и что он: спасаясь от одиночества, пришел в чужой лагерь как живое олицетворение памяти и остался среди нас, обретя в нашем признании свое счастье? С какой он горы, из какой пещеры — убежища последних остатков народа, которые еще населяли этот мир, когда прилетели ракеты с Земли?» Лафарж покачал головой. Разве узнаешь. Как ни посмотри — Том, и всё.

Старик перевел взгляд на приближающийся город и остался недоволен. Но затем опять стал думать о Томе и Энн и сказал себе: «Может быть, и неправильно это — задерживать у себя Тома, хоть и на время, все равно не выйдет ничего, кроме неприятностей и огорчений, но как отказаться от того, о чем мы так мечтали, пусть это продлится всего один день, пусть он потом исчезнет, и пустота станет еще невыносимей, темные ночи — еще темней, дождливые ночи — еще сырей... Лишать нас этого — все равно что попытаться отнять у нас пищу...»

И он поглядел на парнишку, который так безмятежно дремал на дне лодки. Вот всхлипнул; верно что-то приснилось.

— Люди,— бормотал Том во сне.— Меняются и меняются...

— Полно, полно, парень.— Лафарж погладил его мягкие кудри, и Том успокоился.

Лафарж помог жене и сыну выйти из лодки на берег.

— Ну, вот и приехали! — Энн улыбнулась ярким огням, слушая музыку из таверн, звуки пианино и патефонов, любуясь людьми, которые гуляли под руку по оживленным улицам.

— Лучше бы я остался дома,— сказал Том.

— Прежде ты так не говорил,— возразила мать.— Тебе всегда нравилось в субботу вечером поехать в город.

— Не уходите от меня,— прошептал Том.— Я не хочу попасть в западню.

Энн услышала эти слова.

— Что ты там болтаешь, пошли!

Лафарж заметил, что пальцы мальчика льнут к его ладони, и крепко стиснул их.

— Я с тобой, Томми.— Он поглядел на спящую мимо толпу, и ему тоже стало не по себе.— Мы не будем задерживаться долго.

— Вздор,— вмешалась Энн.— Мы на весь вечер приехали.

Только они перешли улицу, как наткнулись на тройку пьяных. Легкая кутерьма, переполох, они потеряли друг друга, закружились на месте, вдруг Лафарж окаменел.

Тома не было.

— Где он? — сердито спросила Энн.— Что за манера — чуть что, куда-то удирать от родителей! Том!!

Мистер Лафарж расталкивал прохожих, искал, но Тома не было.

— Вернется, вот увидишь, будет ждать возле лодки, когда мы поедem домой,— уверенно произнесла Энн, увлекая мужа по направлению к кинотеатру.

Вдруг в толпе произошло какое-то замешательство, и мимо Лафаржа пробежали двое — мужчина и женщина. Он узнал их: Джо Сполдинг с женой. Они исчезли прежде, чем Лафарж успел заговорить с ними.

Тревожно озираясь, он купил билеты и без всякой радости позволил жене затащить себя в темноту кинозала.

Тома не было у причала в одиннадцать часов.

— Ничего, мать,— сказал Лафарж,— ты только не волнуйся. Я найду его. Подожди здесь.

— Поскорее возвращайтесь.

Ее голос утонул в плеске воды.

Он шел по ночным улицам, сунув руки в карманы. Один за другим гасли огни. Кое-где из окон еще высывались люди — ночь была теплая, хотя в небе среди звезд нет-нет да скользила мрачная туча. Лафарж вспомнил, как парнишка постоянно твердил что-то насчет западни, как он боялся толпы, городов. «Что за нелепость,— устало подумал старик.— Быть может, парень навсегда ушел? А может

быть, его и вовсе не было...» Лафарж свернул в переулок, скользя взглядом по номерам домов.

— Это ты, Лафарж?

На крыльце, куря трубку, сидел мужчина.

— Привет, Майк.

— Что, повздорил с женой? И теперь проветриваешься, нервы успокаиваешь?

— Да нет, просто гуляю.

— У тебя такой вид, словно ты что-то потерял. Кстати, о потерях и находках. Ведь сегодня вечером кое-кто нашелся. Джо Сполдинга знаешь? Помнишь его дочь, Лавинию?

— Помню,— Лафарж похолодел. Будто он уже все это видел во сне. Он в точности знал, какие слова теперь последуют.

— Лавиния вернулась домой сегодня вечером,— сказал Майк, выпуская дым.— Помнишь, небось, она с месяц назад пропала на дне мертвого моря? Потом ее нашли, во всяком случае решили, что это она, очень уж тело было искалечено... С тех пор Сполдинги были словно не в себе. Джо все твердил, мол, она жива, не ее это тело. Что ж ты думаешь — он был прав! Сегодня Лавиния объявилась.

— Где? — Лафарж почувствовал, что ему становится трудно дышать и сердце отчаянно заколотилось.

— На Главной улице. Сполдинги как раз покупали билеты в кино. Вдруг видят в толпе Лавинию. А? Представляю себе, как он ошалел! Сперва-то она их не узнала. Они половину улицы шли за ней, все говорили, говорили. Наконец она вспомнила.

— И ты ее видел?

— Нет, но я слышал ее голос. Помнишь, она любила петь «Чудный брег Ломондского озера»? Ну так вот, я только что слышал, как она эту песню отцу пела, вон их дом. Уж так старалась, заслушаешься, славная девочка. Я когда узнал, что она погибла,— вот ведь беда, подумал, вот несчастье. А теперь — вернулась, и так на душе хорошо. Э, да тебе вроде нездоровится. Зайди-ка, виски выпьем!

— Спасибо, Майк, не хочу.— Старик побрел прочь.

Он слышал, как Майк желает ему доброй ночи, но не ответил, а устремил взгляд на двухэтажное строение, высокую хрустальную крышу которого устилали пышные

кисти алых марсианских цветов. Над садом изогнулся балкон с железной решеткой, и в окнах второго этажа горел свет. Было очень поздно, но он все-таки подумал: «Что будет с Энн, если я не приведу Тома? Новый шок — снова смерть, — как она это перенесет? Вспомнит первую смерть?.. И наш сон? И это внезапное исчезновение? Господи, я должен найти Тома, ради Энн! Бедняжка Энн, стоит на пристани...»

Он поднял голову. Где-то наверху голоса желали доброй ночи другим ласковым голосам, хлопали двери, гас свет, и все время слышалась негромкая песня. Мгновение спустя девушка восемнадцати лет, не больше, очень милая, вышла на балкон.

Лафарж окликнул ее, его голос едва не унесло порывом ветра.

Девушка обернулась, глянула вниз.

— Кто там? — воскликнула она.

— Это я, — сказал старик и смолк, сообразив, каким странным, нелепым должен звучать такой ответ, только губы продолжали шевелиться...

Крикнуть: «Том, сынок, это твой отец»? Как обратиться к ней? Она ведь примет его за сумасшедшего и позовет родителей.

Девушка перегнулась через перила в холодном, летучем свете.

— Я вас знаю, — мягко ответила она. — Пожалуйста, уходите, вы тут ничего не можете поделать.

— Ты должен вернуться! — Слова сами вырвались у Лафаржа, прежде чем он смог их удержать.

Луннобелая фигурка наверху отступила в тень и пропала, только голос остался.

— Теперь я больше не твой сын, — сказал голос. — Зачем только мы поехали в город...

— Энн ждет на пристани!

— Простите меня, — ответил тихий голос. — Но что я могу поделать? Я счастлива здесь, меня любят — как любили вы. Я то, что я есть, беру то, что дается. Поздно: они взяли меня в плен.

— Но подумай об Энн, какой это будет удар для нее...

— Мысли в этом доме чересчур сильны, я словно в заточении. Не могу перемениться сама.

— Но ведь ты же Том, это ты была Томом, верно? Или

ты разыгрываешь старика — может быть, на самом деле ты Лавиния Сполдинг?

— Я ни то, ни другое, я только я. Повсюду я нечто, и сейчас я нечто такое, чего вы не можете переменить.

— Тебе опасно оставаться в городе. У нас на канале лучше, там никто не причинит тебе вреда,— упрашивал старик.

— Верно...— Голос звучал нерешительно.— Но теперь я обязана считаться с этими людьми. Что будет с ними, если утром окажется, что я снова исчезла — уже навсегда? Хотя мама-то знает, кто я,— догадалась, как и вы. Мне кажется, они все догадались, только не хотят спрашивать. Привидению не задают вопросов... Если действительность недостижима, ее заменит мечта. Пусть я не та, которую они потеряли, для них я даже нечто лучшее — идеал, созданный их мечтой. Вот мой выбор: либо причинить боль им, либо вашей жене.

— У них большая семья, пять человек. Им легче перенести утрату!

— Прошу вас,— сказал голос,— я устала.

Старик заговорил строже.

— Тебе придется пойти со мной. Я не могу снова подвергать Энн такому испытанию. Ты наш сын. Ты мой сын, принадлежишь нам.

— Не надо, пожалуйста! — Тень на балконе трепетала.

— Тебя ничто не связывает с этим домом и его обитателями!

— О, что вы делаете со мной!

— Том, Том, сынок, послушай меня. Вернись к нам скорей, ну, спустись по этим лианам. Пошли, Энн ждет, у тебя будет настоящий дом, все, чего ты захочешь.

Лафарж пристально, не отрываясь, глядел на балкон, всю волю напряг...

Тени колыхались, шелестели лианы.

Наконец тихий голос произнес:

— Хорошо, отец.

— Том!

В свете луны вниз по лианам скользнула юркая мальчишеская фигурка. Лафарж поднял руки — принять ее.

В окнах вверху вспыхнуло электричество.

Чей-то голос вырвался из-за узорной решетки.

— Кто там?

— Живей, парень!

Еще свет, еще голоса.

— Стой, я буду стрелять! Винни, ты цела?

Топот спешащих ног...

Старик и мальчик пустились бежать через сад.

Раздался выстрел. Пуля ударила в стену возле самой калитки.

— Том, ты — в ту сторону! Я побегу сюда, запутаю их. Беги к каналу, через десять минут встретимся там! Давай! Они побежали в разные стороны.

Луна скрылась за тучей. Старик бежал в полной темноте.

— Энн, я здесь!

Она, дрожа, помогла ему спуститься в лодку.

— Где Том?

— Сейчас он прибежит.

Вместе они смотрели на тесные улочки и спящий город. Видели запоздалых прохожих: полицейского, ночного сторожа, водителя ракеты, одиноких мужчин, идущих домой после ночного свидания, четверых мужчин и женщин, которые, смеясь, вышли из бара... Где-то тихонько играла музыка.

— Почему его нет? — спросила мать.

— Сейчас, сейчас.

Но Лафарж уже не был уверен. Что если парнишку опять перехватили — где-то, каким-то образом — пока он спешил к пристани, бежал полуночными улицами между темных домов. Конечно, далеко бежать, даже для мальчика, и все-таки Том должен был успеть раньше его...

Вдруг вдали, на залитой лунным светом улице, показалась бегущая фигура.

Лафарж вскрикнул, но тотчас заставил себя замолчать: оттуда же, издали, доносились другие голоса, топот других ног. В окнах, словно по цепочке, вспыхнули огни. Одинокая фигурка вырвалась на открытое пространство перед причалом. Это был не Том, а просто бегущее создание, с серебристым лицом, которое блестело-переливалось, освещенное многочисленными шарами фонарей. Все ближе и ближе, и все более знакомое, и когда фигурка достигла причала, это был Том! Энн всплеснула руками. Лафарж поспешил отчалить. Но было уже поздно.

Потому что из улицы на безмолвную площадь выбежал мужчина... еще один... женщина, еще двое мужчин, мистер Сполдинг. Они остановились в замешательстве. Они озирались во все стороны, и больше всего на свете им хотелось вернуться домой: ведь это... это был явный кошмар, безумие какое-то, ну конечно! И однако же — однако они продолжали догонять, нерешительно, поминутно останавливаясь, вздрагивая.

Да, все было напрасно. Вечер кончился, и кончился этот удивительный случай. Лафарж крутил в руках чалку. Ему было очень холодно и очень одиноко. В лунном свете поднимались и опускались спешащие ноги, стремительно приближались люди с выпученными глазами, и вот уже все преследователи, все десятеро стоят у причала. Они яростно уставились на лодку. Они закричали.

— Ни с места, Лафарж! — Сполдинг держал в руке пистолет.

Теперь было совершенно очевидно, что произошло... Том один, обгоняя прохожих, мчится по освещенным луной улицам. Полицейский замечает промелькнувшую фигуру. Круто обернувшись, всматривается в лицо, кричит какое-то имя, бросается вдогонку. «Эй, стой!» Он увидел известного преступника. И так всю дорогу, кто бы ни встретился. Мужчина ли, женщина, ночной сторож или водитель ракеты — каждому облик бегущего что-то говорил. Знакомый человек, образ, имя... Сколько разных имен было названо за последние пять минут!.. Сколько лиц угадано в лице Тома — и все неверно!

Вдоль всего пути — преследуемый и преследователи, мечта и мечтатели, дичь и псы. Вдоль всего пути: неожиданное явление, блеск знакомых глаз, выкрик полузабытого имени, воспоминания о прошедшем и растущая толпа преследующих. Каждый срывался с места и спешил вдогонку, едва пронесется мимо — словно лик, отраженный десятком тысяч зеркал, десятком тысяч глаз, — бегущее видение, лицо, иное для тех, кто впереди, новое тому, кто еще не видел.

И вот они все здесь, у лодки, и каждый желает, чтобы мечта принадлежала ему одному, — как мы хотим, чтобы это был только Том, ни Лавиния, ни Роджер, ни кто-либо еще, подумал Лафарж. Но не быть этому. Теперь уже поздно.

— Выходите из лодки, ну! — скомандовал Сполдинг.

Том поднялся на пристань. Сполдинг схватил его за руку.

— Ты пойдешь к нам домой. Я все знаю.

— Стой,— вмешался полицейский,— это преступник! Его фамилия Декстер, разыскивается за убийство.

— Нет, нет! — вскрикнула женщина.— Это мой муж! Что уж я — своего мужа не знаю?!

Другие голоса твердили свое. Толпа напирала.

Миссис Лафарж заслонила собой Тома.

— Это мой сын, у вас нет никакого права обвинять его в чем-либо! А теперь нам надо ехать домой!

Самого Тома безостановочно била дрожь. Он выглядел совсем скверно. А толпа все напирала, вытягивая нетерпеливые руки, ловя его, хватая.

Том закричал.

На глазах у всех он менялся. Он был Том, и Джемс, и человек по фамилии Свичмен, потом Баттерфилд; он был мэром города, и девушкой по имени Юдифь, и мужем Вильямом, и женой Клариссой. Он был словно мягкий воск, послушный их воображению. Они орали, наступали и уговаривали его. Он тоже кричал, отбиваясь от них руками, и каждый возглас заставлял его лицо изменяться.

— Том! — звал Лафарж.

— Алиса! — звучал новый призыв.

— Вильям!

Они дергали его за руки, вертели, пока он не упал, вскрикнув от ужаса.

Он лежал на камнях — остывающий воск, все лица в одном, один глаз голубой, другой золотистый, волосы каштановые, рыжие, русые, черные, одна бровь косматая, другая тонкая, одна рука большая, другая маленькая.

Они стояли над ним, поднеся палец ко рту. Они наклонились.

— Он умер,— произнес кто-то наконец.

Пошел дождь.

Капли дождя падали на людей, и люди посмотрели на небо.

Сперва медленно, потом быстрее они повернулись и пошли прочь, и побежали в разные стороны. Только мистер и миссис Лафарж, объятые ужасом, стояли на месте, держа друг друга за руку и глядя вниз.

Дождь поливал обращенное вверх, искаженное до неузнаваемости лицо.

Энн молча начала плакать.

— Поехали домой, Энн, тут уж ничего не поделаешь, — сказал старик.

Они спустились в лодку и заскользили в мраке по каналу. Они вошли в свой дом, и развели огонь в камине, и согрели над ним руки. Они пошли спать и лежали вместе, продрогшие, щуплые, слушая, как снова стучит по крыше дождь.

— Тсс, — вдруг произнес Лафарж среди ночи. — Ты слышала?

— Нет, ничего...

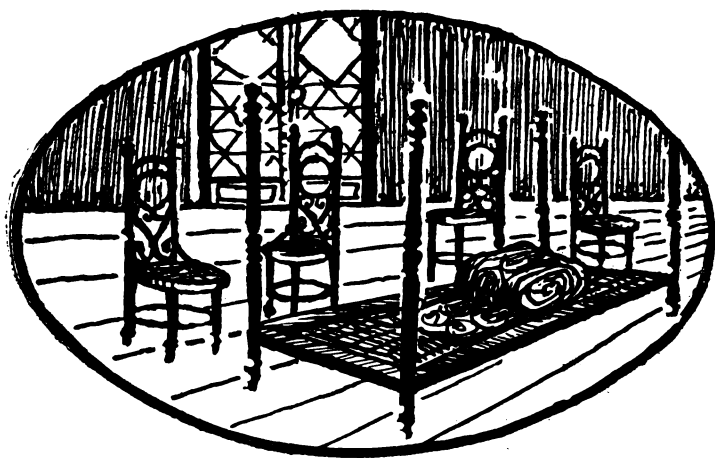
— Я все-таки погляжу.

Он пересек на ощупь темную комнату и долго стоял возле наружной двери, прежде чем отворить.

Наконец распахнул ее настежь и выглянул наружу.

Дождь с черного неба поливал пустой двор, поливал канал, поливал склоны синих гор.

Он подождал пять минут, потом мокрыми руками медленно затворил дверь и задвинул засов.

ЗЕМЛЯНИЧНОЕ ОКОШКО

Ему снилось, что он затворяет наружную дверь — дверь с земляничными и лимонными окошками, с окошками цвета белых облаков и цвета прозрачной ключевой воды. Вокруг большого стекла в середине распластались две дюжины маленьких окошек цвета фруктовых соков, и студня, и холодящих леденцов. Он хорошо помнил, как в детстве отец поднимал его на руках: «Гляди!» И через зеленое стекло мир был изумрудным, цвета мха и мяты. «Гляди!» Сиреневое оконце превращало всех прохожих в фиолетовые виноградины. И наконец — земляничное окошко, которое преображало городок, несло тепло и радость, весь мир озаряло розовым восходом, и стриженный газон казался привезенным с персидского коврового базара. Земляничное окошко, самое чудесное изо всех, исцеляло людей от их бледности, делало холодный дождь теплым и превращало в язычки алого пламени летучий, мятущийся февральский снег.

— Вижу, вижу! Тут!..

Он проснулся.

Еще оставаясь под впечатлением сна, он уловил голоса своих сыновей и, лежа во мраке, прислушался к невнятному говору в детской: какой печальный звук, словно шелест ветра над белым дном высохших морей в голубых горах... И он вспомнил.

«Мы на Марсе», — подумал он.

— Что? — вскрикнула жена сквозь сон.

Не заметил, что говорят вслух! Он замер, стараясь не шевелиться, но тут же — горькая явь — увидел, как жена встает с кровати и скользит через комнату к высокому узкому окну их сборного цельнометаллического дома, обратив бледное лицо к ярким звездам — чужим звездам.

— Керри, — шепнул он.

Она не услышала.

— Керри, — продолжал он, — мне нужно тебе кое-что сообщить. Уже целый месяц собираюсь сказать тебе... Завтра... завтра утром будет...

Но его жена, озаренная голубым звездным сиянием, целиком ушла в себя и не хотела даже глядеть на него.

«Скорее бы взошло солнце, — думал он, — скорее бы кончилась ночь». Потому что днем он плотничал, работал на строительстве городка, мальчики учились в школе, Керри была занята уборкой, садом, кухней. Когда же заходило солнце и руки не были заняты ни цветами, ни молотком, ни учебниками, во мраке, будто ночные птицы, прилетали воспоминания.

Его жена пошевелинулась, чуть-чуть повернула голову.

— Боб, — наконец сказала она, — я хочу домой.

— Керри!

— Это не дом, — продолжала она.

Он увидел, что ее глаза полны слез, и они льются через край.

— Керри, надо продержаться еще немного.

— Я уже столько времени держусь, все ногти поломала!

И она, двигаясь будто во сне, выдвинула ящики своего комода и принялась доставать оттуда пласты носовых платков, юбок, белья и складывала их наверху, не глядя; ее пальцы сами нащупывали нужные предметы, поднимали и опускали их. И все это далеко не ново, все известно заранее... Будет говорить и говорить, и переключивать вещи, потом постойт и уберет все на место, и вернется, вытерев глаза, в постель, к сновидениям. Он боялся, однако, что

однажды ночью она действительно опустошит все ящики и возьмет чемоданы — старинные чемоданы, что громоздятся возле стены.

— Боб...— В ее голосе не было горечи, он звучал мягко и монотонно и был такой же бесцветный, как лунное сияние, показывающее, чем она занята.— Я столько раз на протяжении этих шести месяцев завожу по ночам один и тот же разговор, что мне самой совестно. Ты без усталости трудишься, строишь дома в городке. Мужчина, который так много трудится, вправе быть избавленным от укоров жены. Но другого выхода нет, я должна выговориться до конца. Мелочи — вот чего мне больше всего недостает. Не знаю... Ну, в общем, пустячков. наших качелей, что висели на террасе дома, в Огайо. Плетеной качалки, летних вечеров. Сидишь вечером и смотришь, как мимо идут или едут верхом люди. Или наше черное пианино, которое давно уже пора настроить. Мое шведское зеркало. Мебель из нашей гостиной — знаю, знаю, она напоминает стадо слонов и давно вышла из моды. И хрустальная люстра, которая тихо звенела, как подует ветер. Посидеть июльским вечером на террасе, посудачить с соседками... Все эти пустячки, эти глупости, которые никакой роли не играют. И все-таки почему-то именно они приходят на ум в три часа ночи. Извини меня.

— Не извиняйся,— ответил он.— Ведь Марс место необычное. Станные запахи, странные виды, странные ощущения. Я и сам лежу и размышляю по ночам. Чудесный городок мы покинули...

— Он был зеленый,— сказала она.— Зеленый весной и летом. Осенью желтый и красный. И дом у нас был чудесный, а какой старый — лет семьдесят-девяносто, или около того. Я любила по ночам слушать, как он разговаривает, шепчется. Кругом сухое дерево: балки, терраса, пороги. Коснись в любом месте — ответит. Каждая комната по-своему. А когда сразу весь дом разговаривал, то это было, словно целая семья окружает тебя во мраке и убаюкивает. Ни один из тех домов, которые теперь строят, не может с ним сравниться. Чтобы у дома появилась своя душа, свой аромат, в нем должно пожить немало людей, не одно поколение. А это... жилище, оно даже не знает о моем присутствии, ему все равно, жива ли я или умерла. Издает только жестяные звуки, а жечь холодная. В нем нет пор, которые могли бы впитывать годы. Нет подвала,

куда бы ты откладывал что-нибудь на следующий год и еще дальше впрок. Нет чердака, чтобы хранить вещи, оставшиеся с прошлых лет, вещи той поры, когда тебя еще не было на свете. Нам бы сюда хоть маленькую частицу знакомого, близкого, Боб, и можно бы мириться со всем необычным. Но когда все кругом, все без исключения необычно, то пройдет целая вечность, прежде чем оно станет близким.

Он кивнул во мраке.

— Все, что ты говоришь, я сам передумал.

Она смотрела на лунный свет на чемоданах возле стены.

Он увидел, как она протягивает руку в ту сторону.

— Керри!

— Что?

Он спустил ноги с кровати.

— Керри, я совершил идиотский, безумный поступок.

Все эти месяцы я вижу, как ты, вся издерганная, ищешь спасения в грезах, и мальчики не спят, и ветер, и Марс кругом, высохшие моря и все такое, и...— Он замялся и глотнул.— Ты должна понять мой поступок, понять, почему я так сделал. Все деньги, какие были у нас в банке еще месяц назад, все, что мы накопили за десять лет, я истратил.

— Боб!

— Я выбросил их, Керри, честное слово, пустил деньги на ветер. Хотел сделать тебе сюрприз. Но теперь, сегодня ночью, ты в таком настроении, и эти проклятые чемоданы у стены, и...

— Боб,— сказала она, поворачиваясь.— Неужели ты хочешь сказать, мы перенесли все это, терпели Марс, откладывали деньги каждую неделю только для того, чтобы ты потратил их в несколько часов?

— Не знаю,— ответил он.— Я круглый идиот. Но ведь до утра совсем немного осталось. Встанем пораньше. И я возьму тебя с собой, покажу, что сделал. Я не собирался тебе говорить, хотел, чтобы ты сама увидела. Ну, а если окажется ни к чему, тогда... что ж... вот чемоданы, и ракета на Землю идет четыре раза в неделю.

Она стояла неподвижно.

— Боб, Боб...— пробормотала она.

— Не говори ничего больше,— сказал он.

— Боб, Боб...— Она медленно, точно не веря услышанному, покачала головой.

Он отвернулся и лег, она села на свою сторону кровати и не стала ложиться сразу, а еще с минуту смотрела на комод, где аккуратными стопками остались лежать ее носовые платки, и броши, и белье. За окном ветер цвета лунного сияния разворошил сонную пыль и припудрил ею воздух.

В конце концов она легла, но ничего больше не говорила, только лежала в постели бесстрастной тяжестью, высматривая сквозь длинный туннель ночи первые признаки утра.

Они поднялись с рассветом и молча заходили по комнатам своего сборного дома. Шла пантомима, она затянулась, вот-вот кто-нибудь должен был криком взорвать тишину: мать, отец, дети умывались, одевались, безмолвно ели завтрак — тосты, фруктовый сок и кофе, — и никто не глядел прямо на остальных, все следили друг за другом по отражениям на блестящей поверхности тостера, стаканов, ножей, которые совершенно преображали лица, делая их до ужаса чужими в этот ранний час. Наконец они отворили бесшумную дверь, впустив воздух, летевший с ветром над холодными бело-голубыми марсианскими морями, где колыхались и рассыпались, создавая недолговечные узоры, песчаные волны, и они вышли под неприветливое, холодно глядящее на них небо и направились в поселок — или это просто кинофильм, и пейзажи плывут мимо на стоящем перед ними огромном пустом экране?

— В какую часть города мы идем? — спросила Керри.

— На космодром, в камеру хранения, — ответил он. — Но сперва мне нужно вам кое-что сказать.

Мальчики замедлили шаг и пошли с родителями, чуть позади них, слушая. Отец смотрел вперед, и ни разу за все то время, что он говорил, не оглянулся ни на жену, ни на сыновей, чтобы проверить, как они воспринимают его слова.

— Я верю в Марс, — тихо начал он. — Да, верю, что в один прекрасный день он станет нашим. Мы укротим его и сделаем обитаемым. Нам не придется уносить отсюда ноги. Год назад, вскоре после того, как мы сюда прилетели, мне пришла в голову одна мысль. «Почему мы очутились здесь?» — спросил я себя. Потому что иначе быть не могло. Это то самое, что каждый год происходит с лососем. Лосось не знает, почему он направляется в определенное место, и все-таки идет. Вверх по рекам, которых не может

помнить, против течения, навстречу водопадам, пока не придет туда, где даст начало новой жизни и погибнет. И снова тот же круговорот. Назовите это наследственной памятью, назовите инстинктом или никак не назовите, все равно это есть. И вот мы здесь.

Они шли по новому шоссе, окруженные безмолвным утром, и сверху на них смотрело огромное небо, а под ногами шелестел белый, как пена, песок.

— Да, мы здесь. Куда потом, с Марса? На Юпитер, Нептун, Плутон и все дальше? Совершенно верно. *И все дальше!* Почему? Когда-нибудь Солнце взорвется, точно старая топка. Бум — и нет Земли! Но Марс, возможно, уцелеет, а если и он пострадает, возможно уцелеет Плутон, если же и Плутон будет поражен, то где будем мы, я подразумеваю сыновей наших сыновей — где?

Он пристально смотрел на безупречную раковину темно-фиолетового неба.

— А мы будем в еще каком-нибудь мире, под тем или иным номером — скажем, планета 6 звездной системы 97, или планета 2 галактики 99! Так далеко отсюда, что только в кошмаре постичь можно! Мы улетим, понимаете, вовремя уберемся и будем в безопасности! И я подумал: так вот в чем дело! Вот почему мы на Марсе, вот почему человек запускает свои ракеты.

— Боб...

— Дай мне кончить. Нет, не ради денег. И не в погоне за новыми пейзажами. Это все обман, хоть люди именно так и говорят, мнимые причины, которыми человек морочит себе голову. Мол, ради богатства, славы... Чтобы повеселиться, мол, развлечься. Но все это время внутри человека что-то тикает — как тикает внутри лосося или кита, как тикает в самом мельчайшем микробе, какой ни возьми. И знаете, что говорят эти часики, которые тикают во всех живых существах? Они говорят: уходи, рассыпайся во все стороны, двигайся, плыви дальше. Освой столько миров, построй столько городов, чтобы ничто никогда не могло истребить человечество. *Понимаешь, Керри?* Дело не в том, что мы с тобой прибыли на Марс — это весь род человеческий прибыл, его существование зависит от того, что успеем сделать мы за нашу жизнь. Это же такая великая штука, что прямо хоть смейся, до того мне страшно.

Он чувствовал, что мальчики не отстают, идут следом

за ним, чувствовал, что Керри рядом, ему хотелось видеть ее лицо, проверить ее реакцию, но он не стал смотреть.

— Это же в точности, как в моем детстве было: мы с отцом шли по полям, разбрасывая семена руками, когда сеялка ломалась, а у нас не было денег ее починить. Так или иначе, нужно было сеять, ради будущего урожая. Господи, Керри, ты *помнишь* эти статьи в воскресных приложениях: «ЗЕМЛЯ ЗАМЕРЗНЕТ ЧЕРЕЗ МИЛЛИОН ЛЕТ!» Мальчишкой я однажды прочел такую статью — и в рев. Мать спрашивает, что это я реву. Мне жаль, говорю, всех этих бедных людей, которых такая беда ждет. А ты за них не переживай, ответила мать. Но понимаешь, Керри, в этом-то все и дело: мы *переживаем* за них. Иначе мы бы не были здесь. Человек с большой буквы должен жить. Я не вижу ничего на свете важнее Человека с большой буквы. Разумеется, я подхожу пристрастно, ведь сам из этого племени. Но если вообще существует способ добиться бессмертия, о котором люди всегда толкуют, то вот он: рассыпаться во все стороны, засеять вселенную. Тогда будет урожай, который обеспечит от любых неурожаев в дальнейшем. Пусть на Земле будет голод или ржа. У тебя вырастет новая пшеница на Венере или где там еще человек может очутиться через тысячу лет; я просто одержим этой мыслью, Керри, одержим. Когда все это вдруг дошло до меня, мне хотелось обнять всех людей, тебя, мальчиков и объяснить им. Но, понимаешь, я чувствовал, что в этом нет необходимости. Чувствовал: придет день или ночь, когда ты сама услышишь, как это тикает в тебе, и прозреешь, и никакие разговоры не нужны. Это большая тема, Керри, я знаю, и большие мысли для человека ростом неполных пять футов пять дюймов, но ведь это все верно, *клянусь!*

Они шли по пустынным городским улицам, слыша эхо своих шагов.

— А нынче утром? — спросила Керри.

— Я как раз дошел до сегодняшнего утра, — сказал он. — Часть меня тоже рвется домой. Но другая часть говорит: если мы вернемся, все пропало. И я подумал: что нас больше всего терзает? Какие-то предметы, которые были у нас раньше. Вещи мальчиков, твои, мои. И я подумал: если для того, чтобы положить начало новому, нужны какие-то старые вещи, то видит бог, я их использую, эти старые вещи. Помню, в одной книге по истории написано,

что тысячу лет назад в полый коровий рог клали уголек и раздували его целый день, и так переносили огонь с места на место, и вечером разжигали костер искрами утреннего костра. Все время новый костер, но всегда с частицей старого. И я все взвесил и сопоставил. Стоит ли Старое всех наших денег? — спросил я. Нет! То, что мы создавали, чему служило это Старое, — вот что ценно. Так, а Новое — стоит ли оно всех наших денег? Чувствуешь ли ты, что делаешь вклад в будущее, в какой-то из дней следующей недели? Да! — сказал я себе. Если я могу одолеть то, что зовет нас обратно на Землю, я ради этого готов облить свои деньги керосином и поднести спичку!

Керри и оба мальчика не двигались. Они застыли на месте посреди улицы, глядя на него так, словно он был ураганом, который налетел на них и чуть не оторвал от земли, а теперь затихал.

— Утром пришла транспортная ракета, — тихо сказал он. — С ней прибыл наш багаж. Пойдем, получим его.

Они медленно поднялись по трем ступеням камеры хранения и пошли по гулкому полу к складу, который только что распахнул свои двери, начиная рабочий день.

— Расскажи нам снова про лосося, — сказал один из сыновей.

Теплое утро было в разгаре, когда они выехали из города на грузовой машине, кузов которой заполнили большие корзины и ящики, тюки и пакеты, длинные, высокие, короткие, плоские, все нумерованные, с аккуратно выведенным адресом: Роберту Прентису, Нью-Тоledo, Марс.

Они остановили грузовик возле сборного дома, и мальчики выскочили из машины и помогли сойти маме. Боб еще посидел за рулем, потом медленно вылез из кабины, обошел машину сзади и заглянул в кузов, где громоздились вещи.

К полудню все ящики, кроме одного, были вскрыты, их содержимое разложено и расставлено на дне высохшего моря. Прентисы устали.

— Керри...

Он повел ее вверх по ступенькам старого крыльца: они тоже стояли тут, на окраине города, извлеченные из ящика.

— Прислушайся, Керри.

Ступеньки кряхтели и скрипели под ногами.

— Что они говорят, скажи, что они говорят?

Она стояла на старых-престарых деревянных ступеньках, думая о своем, и не могла ему ответить.

Он взмахнул рукой.

— Здесь — терраса, там — гостиная, столовая, кухня, три спальни. Кое-что обновим, кое-что с Земли заберем. Пока мы получили только крыльцо, часть гостиной мебели и старую кровать.

— Такие деньги, Боб!

Он повернулся, улыбаясь.

— Ты ведь не сердись, ну, погляди на меня! Ты не сердись. Мы все постепенно заберем, в следующем году, через пять лет! Хрустальные вазы, армянский ковер, который твоя мать подарила нам в 1961 году! Пусть Солнце взрывается!

Они посмотрели на ящики с номерами и надписями: «Качели с террасы», «Кресло-качалка с террасы», «Хрустальная люстра»...

— Я сам буду дуть на нее, чтобы звенела.

Они установили на верху крыльца наружную дверь с окошками из цветного стекла, и Керри поглядела в земляничное оконце.

— Что ты видишь?

Он и так знал, что она видит, потому что сам смотрел через то же стекло. Марс: холодное небо согрето, высохшие моря зарделись алым пламенем, радуя душу и глаз светом неугасающей зари. Пригнувшись, глядя через стекло, он услышал собственный голос:

— Через год город дотянется сюда. Здесь пройдет тенистая улица, у тебя будет твоя терраса, будут друзья. И тогда тебе уже не будет так сильно недоставать всего этого. Ты увидишь, как отсюда, с маленького, близкого и привычного тебе клочка, все пойдет и пойдет разрастаться, и весь Марс переменится, станет близким, словно ты его знала всю жизнь.

Он сбежал вниз по ступенькам к последнему, еще не вскрытому, обшитому мешковиной ящику. Своим перочинным ножом он вспорол мешковину.

— Угадай! — сказал он.

— Моя кухонная плита? Моя печь?

— Ничего подобного. — Он очень ласково улыбался. — Спой мне песенку, — попросил он.

— Боб, ты окончательно рехнулся.

— Спой мне песенку, чтобы стоила всех денег, которые у нас были в банке и которых теперь нет, и черт с ними! — сказал он.

— Я только одну знаю: «Женевьева, моя Женевьева!»

— Спой ее, — сказал он.

Она никак не могла заставить себя начать. Он видел, как шевелятся в попытке ее губы, но не слышал ни звука.

Тогда он решительно рванул мешковину, сунул руку в ящик, что-то поискал в полной тишине, напевая себе под нос, дернул локтем, и вдруг в воздухе затрепетал звонкий, чистый аккорд.

— Вот так, — сказал он. — Ну-ка, с самого начала. Все вместе! Слушайте первую ноту.

НОЧНАЯ ВСТРЕЧА

Прежде чем ехать дальше в голубые горы, Томас Гомес остановился возле уединенной бензоколонки.

— Не одиноко тебе здесь, папаша? — спросил Томас.

Старик протер тряпкой ветровое стекло небольшого грузовика.

— Ничего.

— А как тебе Марс нравится, старина?

— Здорово. Всегда что-нибудь новое. Когда я в прошлом году попал сюда, то первым делом сказал себе: вперед не заглядывать, ничего не требовать, ничему не удивляться. Землю забыть, все, что было, забыть. Мы должны приноровиться к здешним условиям, понимать, что здесь все не так. Да одна только здешняя погода — это же настоящий цирк. Это марсианская погода. Днем жарища адская, ночью адский холод. А сколько удовольствия я получаю от необычных цветов, необычного дождя! Я ведь сюда приехал на покой, задумал дожить жизнь в таком месте, где все иначе. Это же очень важно старому чело-

веку, переменить обстановку. Молодежи с ним говорить недосуг, другие старики ему осточертели. Вот я и смекнул, что самое подходящее для меня — такое необычное место, что только не ленись смотреть, все тебе развлечения тут. Устроился вот на этой бензоколонке. Станет чересчур хлопотно, снимусь отсюда и переберусь на какое-нибудь старое шоссе, не такое оживленное, чтобы зарабатывать достаточно на жизнь и еще оставалось бы время примечать, до чего же здесь все не так.

— Верно смекнул, папаша, — сказал Томас; его смуглые руки лежали, отдыхая, на баранке, на баранке. У него было отличное настроение. Десять дней кряду он работал в одном из новых поселений, теперь получил два выходных и ехал на праздник.

— Я больше ничему никогда не удивляюсь, — продолжал старик. — Гляжу, и только. Наблюдаю, и все тут. Если тебе Марс, как он есть, не в жилу, отправляйся лучше обратно на Землю. Здесь все шиворот-навыворот: почва, воздух, каналы, туземцы (я еще ни одного не видел, но, говорят, они тут где-то бродят), часы. Мои часы — и те чудят. Здесь даже время шиворот-навыворот. Иной раз мне сдается, что я один-одинешенек, на всей этой проклятой планете больше ни души. Хоть об заклад бейся. А иногда чувствую себя восьмилетним мальчишкой, сам махонький, а все кругом здоровенное! Видит бог, самое подходящее место для старого человека. Я все время бодр и все время счастлив. Знаешь, что такое Марс? Он смахивает на вещицу, которую мне подарили на рождество семьдесят лет назад — не знаю, держал ли ты в руках такую штуку: их калейдоскопами называют, внутри осколки хрусталя, лоскутки, бусинки, всякая мишура... А поглядишь сквозь нее на солнце — дух захватывает! Сколько узоров! Так вот, это и есть Марс. Наслаждайся им и не требуй от него, чтобы он был другим. Господи, да знаешь ли ты, что вот это самое шоссе проложено марсианами шестнадцать веков назад, а в полном порядке! Гони доллар и пятьдесят центов. Спасибо, спокойной ночи.

Томас покатил по древнему шоссе, тихонько посмеиваясь.

Это был долгий путь через горы, сквозь тьму, и он держал баранку, иногда опуская руку в корзину с припасами и доставая оттуда леденец. Прошло уже больше часа непрерывной езды, и ни одной встречной машины, ни одного

огонька, только лента дороги внизу, гул и рокот мотора, и Марс кругом, тихий, безмолвный. Марс всегда был тихим, но в эту ночь тише, чем когда-либо. Мимо Томаса скользили пустыни и высохшие моря и устремленные к звездам вершины.

Нынче ночью в воздухе пахло Временем. Он улыбнулся, оценивая этот образ. В самом деле: чем пахнет Время? Пылью, часами, человеком. А хочешь знать, какое оно — Время то есть — на слух? Так оно вроде воды, струящейся в темной пещере, вроде зовущих голосов, вроде шороха земли, что сыплется на крышку пустого ящика, вроде дождя. Пойдем еще дальше, спросим, как выглядит Время? Оно точно снег, бесшумно ныряющий в черный колодец, или старинный немой фильм, в котором сто миллиардов лиц, как новогодние шары, падают вниз, падают в ничто. Вот чем пахнет Время, и вот какое оно на вид и на слух. А нынче ночью — Томас высунул руку в боковое окошко — нынче так и кажется, что его можно даже пощупать.

Он вел грузовик в горах Времени. Что-то кольнуло шею, и Томас выпрямился, внимательно глядя вперед.

Он въехал в маленький мертвый марсианский городок, выключил мотор и окунулся в окружающее его безмолвие. Затаив дыхание, он смотрел из кабины на залитые луной белые здания, в которых уже много веков никто не жил. Великолепные, безупречные здания, пусть разрушенные, но все равно великолепные.

Включив мотор, Томас проехал еще милю-другую, потом снова остановился, вылез, захватив свою корзину, и прошел на бугор, откуда можно было окинуть взглядом занесенный пылью город. Открыл термос и налил себе чашечку кофе. Мимо пролетела ночная птица. На душе у него было хорошо и спокойно.

Минут пять спустя Томас услышал какой-то звук. Вверху, там, где древнее шоссе терялось за поворотом, он приметил какое-то движение, тусклый свет, затем донесся слабый рокот. Томас повернулся, держа чашку в руке.

С гор спускалось нечто удивительное.

Это была машина, с виду — желто-зеленое насекомое, богомол, который плавно рассекал холодный воздух, весь в мерцающих зеленых бриллиантах, с многофасетными глазами переливающихся красных рубинов. Шесть ног «богомолы» ступали по древнему шоссе тихо, как морозящий

дождь, а со спины машины на Томаса глазами цвета расплавленного золота глядел марсианин, глядел, будто в колодез.

Томас поднял руку и мысленно уже крикнул: «Привет!», но губы его не раскрылись. Потому что это действительно был марсианин. Но Томас плавал на Земле в голубых реках, вдоль которых шли незнакомые люди, вместе с чужими людьми ел в чужих домах, и всегда его лучшим оружием была улыбка. Он не носил с собой пистолета. И сейчас Томас не чувствовал в нем нужды, хотя по спине бежали мурашки.

У марсианина тоже ничего не было в руках. Секунду они смотрели друг на друга сквозь прохладный воздух.

Первым решился Томас.

— Привет! — сказал он.

— Привет! — сказал марсианин на своем языке.

Они не поняли друг друга.

— Вы сказали «здравствуйте»? — спросили оба одновременно.

— Что вы сказали? — продолжали они, каждый на своем языке.

Оба нахмурились.

— Вы кто? — спросил Томас по-английски.

— Что вы здесь делаете? — произнесли губы чужака по-марсиански.

— Куда вы едете? — спросили оба с озадаченным видом.

— Меня зовут Томас Гомес.

— Меня зовут Мью Ка.

Ни один не понял другого, но говоря, каждый коснулся пальцем своей груди, и смысл стал обоим ясен.

Вдруг марсианин рассмеялся.

— Подождите!

Томас ощутил, как что-то коснулось его головы, а ведь никакая рука его не трогала.

— Вот так! — сказал марсианин по-английски. — Теперь дело пойдет лучше!

— Вы так быстро выучили мой язык?

— Ну что вы, пустяки!

И оба, не зная, что говорить, посмотрели на чашку с горячим кофе в руке Томаса.

— Что-нибудь не так? — спросил марсианин, глядя на него и на кофе. Что он подразумевал?

— Выпьете чашечку? — предложил Томас.

— Большое спасибо.

Марсианин соскользнул со своей машины.

Вторая чашка наполнилась горячим кофе. Томас подал ее марсианину.

Их руки встретились и, точно в туман, вошли одна в другую.

— Господи Иисусе! — воскликнул Томас и выронил чашку.

— Силы небесные! — сказал марсианин на своем языке.

— Видели, что произошло? — прошептали они.

Оба похолодели от испуга.

Марсианин нагнулся за чашкой, но никак не мог ее взять.

— Господи! — ахнул Томас.

— Ну и ну! — Марсианин пытался снова и снова, ничего не получалось. Он выпрямился, подумал, затем отстегнул от пояса нож.

— Эй! — крикнул Томас.

— Вы не поняли, ловите! — сказал марсианин и бросил нож.

Томас подставил сложенные вместе ладони. Нож упал сквозь руки на землю. Томас хотел его поднять, но не мог ухватить и, вздрогнув, отпрянул.

Он поглядел на марсианина, стоящего на фоне неба.

— Звезды! — сказал Томас.

— Звезды! — отозвался марсианин, глядя на Томаса.

Сквозь тело марсианина, яркие, белые, светили звезды, его плоть была словно расшита ими — так искрятся светящиеся крупинки в фосфоресцирующей оболочке студенистой глубоководной рыбы. Звезды мерцали, точно фиолетовые глаза, в груди и в животе марсианина, блистали драгоценностями на его запястьях.

— Я вижу сквозь вас! — сказал Томас.

— И я сквозь вас! — отвечал марсианин, отступая на шаг.

Томас ощутил живое тепло собственного тела и успокоился. «Все в порядке, — подумал он, — я существую».

Марсианин коснулся рукой своего носа, губ.

— Я не бесплотный, — негромко сказал он. — Живой!

Томас озадаченно глядел на него.

— Но если я существую, значит, вы — мертвый.

- Нет, вы!
- Привидение!
- Призрак!

Они показывали пальцем друг на друга, и звездный свет в их конечностях сверкал и переливался, как острие кинжала, как ледяные сосульки, как светлячки. Они снова проверили свои ощущения, и каждый убедился, что он жив-здоров и охвачен волнением, трепетом, жаром, недоумением, а вот тот, другой — ну, конечно же, тот нереален, тот призрачная призма, ловящая и излучающая свет далеких миров...

«Я пьян,— сказал себе Томас.— Пожалуй, лучше завтра никому не рассказывать про это, ни слова!»

Они стояли на древнем шоссе, и оба не шевелились.

— Откуда вы? — спросил, наконец, марсианин.

— С Земли.

— Что это такое?

— Там.— Томас кивком указал на небо.

— Давно?

— Мы с год назад прилетели, вы разве не помните?

— Нет.

— А вы все вымерли, почти все. Вас очень мало осталось — разве вы этого не знаете?

— Это неправда.

— Я вам говорю, вымерли. Я сам видел трупы. Почерневшие тела в комнатах, во всех домах, и все мертвые. Тысячи тел.

— Что за вздор, мы живы!

— Мистер, вы заражены. Странно, что вам это неизвестно. Вы каким-то образом спаслись.

— Я не спасаю, не от чего было спасаться. Что вы подразумеваете? Я еду на праздник у канала возле Эниальских гор. И прошлую ночь был там. Вы разве не видите город? — Марсианин вытянул руку, показывая.

Томас посмотрел и увидел развалины.

— Но ведь этот город мертв уже много тысяч лет!

Марсианин рассмеялся.

— Мертв? Я ночевал там вчера!

— А я его проезжал на той неделе, и на позапрошлой неделе, и вот только что, там одни развалины! Видите разбитые колонны?

— Разбитые? Я их отлично вижу в свете луны. Прямые, стройные колонны.

— На улицах ничего, кроме пыли,— сказал Томас.
— Улицы чистые!
— Каналы давно высохли, они пусты.
— Каналы полны лавандовой воды!
— Город мертв.
— Город жив! — возразил марсианин, смеясь еще громче.— Вы решительно ошибаетесь. Видите, сколько карнавальных огней? Чудесные лодки — стройные, как женщины; красивые женщины — стройные, как лодки; женщины цвета песка, женщины с огненными цветками в руках. Я их вижу, вижу, как они бегают вон там, по улицам, такие маленькие отсюда. И я туда еду, на праздник, мы будем всю ночь кататься на лодках, будем петь, пить, любить. Неужели вы не видите?

— Мистер, этот город мертв, как высохшая ящерица. Спросите любого из наших. Что до меня, то я еду в Грин Сити — новое поселение на Иллинойском шоссе, мы его совсем недавно заложили. А вы что-то напутали. Мы доставили сюда миллион квадратных футов досок лучшего орегонского леса, несколько десятков тонн добрых стальных гвоздей и отгрохали два поселка — глаз не оторвешь. Как раз сегодня спрыскиваем один из них. С Земли прилетает несколько ракет с нашими женами и невестами. Будут народные пляски, виски...

Марсианин встревожился.

— Вы говорите — в той стороне?

— А вон и ракеты.— Томас подвел его к краю бугра и показал вниз.— Видите?

— Нет.

— Да вон же, вон, черт возьми! Такие длинные, серебрястые штуки.

— Не вижу.

Теперь рассмеялся Томас.

— Да вы ослепли!

— У меня отличное зрение. Это вы не видите.

— Ну хорошо, а новый поселок вы видите? Или тоже нет?

— Ничего не вижу, кроме океана — и как раз сейчас отлив.

— Уважаемый, этот океан испарился сорок веков тому назад.

— Ну, знаете, это уж чересчур.

— Но это правда, уверяю вас!

Лицо марсианина стало очень серьезным.

— Пойдите. Вы в самом деле не видите города, как я его вам описал? Белые-белые колонны, изящные лодки, праздничные огни — я их так отчетливо вижу! Вслушайтесь! Я даже слышу, как там поют. Не такое уж большое расстояние.

Томас прислушался и покачал головой.

— Нет.

— А я,— продолжал марсианин,— не вижу того, что описываете вы. Нда...

Они снова зябко вздрогнули, точно их плоть пронизало ледяными иглами.

— А может быть?..

— Что?

— Вы сказали «с неба»?

— С Земли.

— Земля, название, пустой звук...— произнес марсианин.— Но... час назад, когда я ехал через перевал...— Он коснулся своей шеи сзади.— Я ощутил...

— Холод?

— Да.

— И теперь.

— Да, снова холод. Странно. Что-то было со светом, с горами, с дорогой — что-то необычное. И свет, и дорога словно не те, и у меня на мгновение появилось такое чувство, будто я последний из живущих во вселенной...

— И со мной так было! — воскликнул Томас горячо, как если бы поверял свои мысли близкому старому другу, все больше увлекаясь темой разговора.

Марсианин закрыл глаза и снова открыл их.

— Тут может быть только одно объяснение. Все дело во Времени. Да-да. Вы — создание Прошлого!

— Нет, это вы из Прошлого, — сказал землянин, поразмыслив.

— Как вы уверены! Вы можете доказать, кто из Прошлого, а кто из Будущего? Какой сейчас год?

— Две тысячи второй!

— Что это говорит мне?

Томас подумал и пожал плечами.

— Ничего.

— Все равно что я бы вам сказал, что сейчас 4462853 год — какой эры? Слова, ничто, меньше, чем ничто! Где часы, по которым мы бы определили положение звезд?

— Но развалины — доказательство! Они доказывают, что я — Будущее. Я жив, а вы мертвы!

— Все мое существо отвергает такую возможность. Мое сердце бьется, желудок требует пищи, рот жаждет воды. Нет, никто из нас ни жив, ни мертв. Впрочем, скорее жив, чем мертв. А еще вернее, мы как бы посередине. Вот: два странника, которые встретились ночью в пути. Два незнакомца, у каждого своя дорога. Вы говорите, развалины?

— Да. Вам страшно?

— Кому захочется увидеть Будущее? И кто его увидит! Человек может лицезреть Прошое, но чтобы... Так вы говорите, колонны обвалились? И море высохло, каналы пусты, девушки умерли, цветы завяли? — Марсианин помолчал, но затем снова посмотрел на город. — Но вон же они! Я их вижу. И мне этого достаточно. Они ждут меня, что бы вы ни говорили.

Точно так же ждали Томаса ракеты, и поселок, и женщины с Земли.

— Мы никогда не согласимся друг с другом, — сказал он.

— Согласимся не соглашаться, — предложил марсианин. — Прошое, Будущее — не все ли равно, лишь бы мы оба жили, ведь чему суждено быть, то будет, завтра или через десять тысяч лет. Откуда вы знаете, что эти дворцы — не памятники вашей цивилизации через сто веков? Не знаете. Ну так и не спрашивайте. Однако ночь коротка. Вон рассыпался в небе праздничный фейерверк, взлетели птицы.

Томас протянул руку вперед. Марсианин повторил его жест.

Их руки не соприкоснулись — они растворились одна в другой.

— Мы еще встретимся?

— Кто знает? Возможно, когда-нибудь.

— Хотелось бы мне побывать с вами на вашем празднике.

— А мне — попасть в ваш новый поселок, увидеть корабль, о котором вы говорили, увидеть людей, услышать обо всем, что случилось.

— До свидания, — сказал Томас.

— Доброй ночи.

Марсианин молча исчез в горах на своем зеленом металлическом экипаже, землянин развернул свой гру-

зовик и безмолвно повел его в противоположном направлении.

— Господи, что за сон,— вздохнул Томас, держа руки на баранке и думая о ракетах, о женщинах, о крепком виски, о вирджинских плясках, о предстоящем веселье.

«Какое странное видение»,— мысленно произнес марсианин, прибавляя скорость и думая о празднике, каналах, лодках, золотоглазых женщинах, песнях...

Ночь была темная. Луна зашла. Лишь звезды мерцали над пустым шоссе. Ни звука, ни машины, ни единого живого существа, ничего. И так было до конца этой прохладной темной ночи.

БУДЕТ ЛАСКОВЫЙ ДОЖДЬ

В гостиной говорящие часы пропели: *Тик-так, семь часов, семь утра, вставать пора!* — словно боясь, что их никто не послушает. Объятый утренней тишиной дом был пуст. Часы продолжали тикать и твердили, твердили свое в пустоту: *девять минут восьмого, к завтраку все готово, девять минут восьмого!*

На кухне печь сипло вздохнула и исторгла из своего жаркого чрева восемь безупречно поджаренных тостов, восемь глазуний, шестнадцать ломтиков бекона, две чашки кофе и два стакана холодного молока.

— Сегодня в городе Эллендейле, в Калифорнии, четвертое августа две тысячи двадцать шестого года, — произнес другой голос, с потолка кухни. Он трижды повторил число, чтобы запомнили. — Сегодня день рождения мистера Фезерстоуна. Годовщина свадьбы Тилиты. Подошел срок страхового взноса, пора платить за воду, газ, свет.

Где-то в стенах щелкали реле, перед электрическими глазами скользили ленты-памятки.

Восемь одна, тик-так, восемь одна, в школу пора, на работу пора, живо, живо, восемь одна! Но не хлопали двери и не было мягкой поступи галош по коврам.

На улице шел дождь. Метеокоробка на наружной двери тихо пела: «Дождик, дождик целый день, плащ, галоши ты надень...» Дождь барабанил по пустому дому.

Во дворе зазвонил гараж, поднимая дверь, за которой стояла наготове автомашина. Подождав, дверь опустилась на место.

В восемь тридцать яичница сморщилась, а тосты стали каменными. Алюминиевая лопаточка сбросила их в раковину, оттуда струя горячей воды увлекла их в металлическую горловину, которая все растворяла и отправляла дальше через канализацию в море. Грязные тарелки нырнули в горячую мойку и вынырнули из нее, сверкая сухим блеском.

Девять пятнадцать, пропели часы, *надо уборкой заняться.*

Из нор в стене высыпали крохотные роботы-мыши. Во всех помещениях кишели маленькие суетливые уборщики из металла и резины. Они стучались о кресла, взмахивая косматыми усиками, ерошили ковровый ворс, тихо высасывая скрытые пылинки. Затем исчезли, словно неведомые пришельцы,— юркнули в свои убежища. Их розовые электрические глаза потухли. Дом был чист.

Десять часов. Выглянуло солнце, тесня завесу дождя. Дом стоял одиноко среди развалин и пепла. Во всем городе он один уцелел. Ночью разрушенный город излучал красное радиоактивное сияние, видное на много миль вокруг.

Десять пятнадцать. Распылители в саду извергли золотистые фонтаны, наполнив ласковый утренний воздух волнами сверкающих водяных бусинок. Вода струилась по оконным стеклам, стекала по обугленной западной стене, на которой совсем не осталось белой краски. Вся западная стена была совершенно черной, если не считать пяти пятен. Тут краска обозначила фигуру мужчины, катящего травяную косилку. Там, точно на фотографии, женщина нагнулась за цветком. Дальше — еще силуэты, выжженные на дереве в один титанический миг... Мальчишка вскинул вверх руки, над ним застыло изображение подброшенного мяча; напротив мальчишки — девочка, ее руки подняты, ловят мяч, который так и не опустился.

Только пять пятен краски — мужчина, женщина, дети, мяч. Все остальное — тонкий слой древесного угля.

Тихий дождь из распылителя наполнил сад падающим светом...

Сколь надежно оберегал дом свой покой вплоть до этого дня! Как осторожно он спрашивал: «Кто там? Пароль!» И не получая нужного ответа от одиноких лис и жалобно мяукающих котов, затворял окна и опускал занавески со шепетильностью старой девы. Самосохранение, граничащее с психозом, — если у механизмов может быть мания преследования.

Дом вздрагивал от каждого звука. Стоило воробью задеть окно крылом, как тотчас громко щелкала занавеска и перепуганная птица летела прочь. Никто — даже птица — не смел прикасаться к дому!

Дом был алтарем, перед которым десятки тысяч прихожан, больших и маленьких, хором молились и пели славу. Но боги исчезли, и ритуал продолжался без смысла, без толку.

Двенадцать.

На крыльце у наружной двери заскулил продрогший пес.

Дверь сразу узнала собачий голос и отворилась. Пес, некогда здоровенный, сытый, а теперь кожа да кости, весь в парше, вбежал в дом, печатая грязные следы. За ним суетились сердитые мыши — сердитые, что их потревожили, что надо снова убирать!

Ведь стоило малейшей пылинке проникнуть внутрь сквозь щель под дверью, как стенные панели мигом приподнимались и выскакивали маленькие возмущенные уборщики. Клочок бумаги, пылинка или волосок, вызвавшие тревогу, исчезали в стенах, пойманные крохотными стальными челюстями. Оттуда по трубам мусор спускался в подвал, в гудящее чрево мусоросжигателя, который злобным демоном притаился в темном углу.

Пес побежал вверх, истерически лая перед каждой дверью, пока не понял — как это уже давно понял дом, — что никого нет, есть только мертвая тишина.

Он принялся и поскреб кухонную дверь, потом лег возле нее, продолжая нюхать. Там, за дверью, печь пекла блины, от которых по всему дому шел сытный дух и заманчивый запах кленовой патоки.

Собачья пасть наполнилась пеной, в глазах вспыхнуло

пламя. Пес вскочил, заметался, кусая себя за хвост, бешено завертелся и умер. Почти час пролежал он в гостинной.

Два часа, пропел голос.

Учуяв едва приметный запах разложения, с жужжанием выпорхнул из нор полк мышей, легко и стремительно, словно сухие листья перед электрическим веером.

Два пятнадцать.

Пес исчез.

Вдруг ожила печь в подвале, и через дымоход вихрем промчался сноп искр.

Два тридцать пять.

Из стен внутреннего дворика выскочили карточные столы. Игральные карты, мелькая очками, разлетелись по местам. На дубовом прилавке возникли коктейли и сэндвичи с яйцом. Заиграла музыка.

Но столы хранили молчание, и никто не брал карт.

В четыре часа столы, словно огромные бабочки, сложились и вновь ушли в стены.

Половина пятого.

Стены детской комнаты засветились.

Стали появляться животные; желтые жирафы, голубые львы, розовые антилопы, лиловые пантеры скакали в хрустальной толще. Стены были зеркальные, восприимчивые к краскам и игре воображения. Скрытые киноленты заскользили по зубцам с бобины на бобину, и стены ожили. Пол детской колыхался, напоминая волнуемое ветром поле, и по нему бегали алюминиевые тараканы и железные сверчки, а в жарком неподвижном воздухе, в остром запахе звериных следов, порхали бабочки из тончайшей розовой ткани! Слышался звук, как от огромного, копошащегося в черной пустоте кузнечных мехов роя пчел: ленивое мурлыканье сытого льва. Слышался цокот копыт окапи и шум освежающего лесного дождя, шуршащего по хрупким стеблям жухлой травы. Вот стены растаяли, растворились, ушли в необозримые просторы опаленных солнцем лугов и бездонного жаркого неба. Животные рассеялись по колючим зарослям и водоемам.

Время детской передачи.

Пять часов. Ванна наполнилась прозрачной горячей водой.

Шесть, семь, восемь часов. Обеденный сервиз проделал удивительные фокусы, потом что-то щелкнуло в кабинете, и на металлическом штативе возле камина, в котором раз-

горелось уютное пламя, вдруг возникла курящаяся сигара с шапочкой мягкого серого пепла.

Девять часов. Невидимые провода согрели простыни — здесь было холодно по ночам.

Девять ноль пять. В кабинете с потолка донесся голос: — Миссис Маклеллан, какое стихотворение хотите вы услышать сегодня?

Дом молчал.

Наконец голос сказал:

— Поскольку вы не выразили никакого желания, я беру что-нибудь наудачу.

Зазвучал тихий музыкальный аккомпанемент.

— Сара Тисдейл. Ваше любимое, если не ошибаюсь...

Будет ласковый дождь, будет запах земли,
Щебет юрких стрижей от зари до зари,

И ночные рулады лягушек в прудах,
И цветение слив в белопенных садах;

Огнегрудый комочек слетит на забор,
И малиновки трель выткет звонкий узор,

И никто, и никто не вспомнет войну:
Пережито-забыто, ворошить ни к чему.

И ни птица, ни ива слезы не прольет,
Если сгинет с Земли человеческий род.

И Весна... и Весна встретит новый рассвет,
Не заметив, что нас уже нет.

В камине трепетало, угасая, пламя, сигара осыпалась кучкой немого пепла. Между безмолвных стен стояли одно против другого пустые кресла, играла музыка.

В десять часов наступила агония.

Подул ветер. Сломанный сук, падая с дерева, высадил кухонное окно. Бутылка пятновыводителя разбилась вдребезги о печь. Миг — и вся кухня охвачена огнем!

— Пожар! — послышался крик. Лампы замигали, с потолка, нагнетаемые насосами, хлынули струи воды. Но горячая жидкость растекалась по линолеуму, она просочилась, нырнула под дверь, и уже целый хор подхватил:

— Пожар! Пожар! Пожар!

Дом принял меры, чтобы спастись. Двери плотно затворились, но оконные стекла полопались от жара, и ветер раздувал огонь.

Под натиском огня, десятка миллиардов сердитых искр, которые с яростной непринужденностью летели из комнаты

в комнату и неслись вверх по лестнице, дом начал отступать.

Еще из стен, семена, выбегали суетливые водяные крысы, выстреливали водой и возвращались за новым запасом. И стенные огнетушители извергали каскады механического дождя. Поздно. Где-то с тяжелым вздохом замер, передернув плечами, насос. Прекратился дождь-огнеборец. Иссякла вода в баках, которые много-много дней наполняли ванны и посудомойки.

Огонь скрипел ступеньками. В коридорах вверх он, словно гурман, смаковал картины Пикассо и Матисса, снимая маслянистую шелуху и бережно скручивая холсты черной стружкой.

Он уже добрался до кроватей, скачет по подоконникам, меняет цвет гардин!

Но тут появилось подкрепление.

Из чердачных люков вниз уставились незрячие лица роботов, изрыгая кранами-ртами зеленые химикалии.

Огонь попятился: даже слон пятится при виде мертвой змеи. А тут по полу хлестало двадцать змей, умерщвляя огонь холодным чистым ядом зеленой пены.

Но огонь был хитер, он послал языки пламени по наружной стене вверх, на чердак, где укрылись насосы. Взрыв! Электронный мозг, управляющий насосами, ослепительной шрапнелью вонзился в балки.

Огонь метнулся назад и обошел все чуланы, щупая висющую там одежду.

Дом содрогнулся, стуча дубовыми костями, его оголенный скелет скорчился от жара, его проволочные нервы обнажились, словно некий хирург снял кожу, чтобы красные сосуды и капилляры трепетали в раскаленном воздухе. Караул, караул! Пожар! Бегите, спасайтесь! Огонь крошил зеркала, как хрупкий зимний лед. А голоса причитали: «Пожар, пожар, бегите, спасайтесь!» Словно печальная детская песенка, которую в двенадцать голосов, кто громче, кто тише, пели умирающие дети, брошенные в глухом лесу. Но голоса один за другим умолкали по мере того, как лопалась, подобно жареным каштанам, изоляция на проводах. Два, три, четыре — пять голосов заглохли.

В детской комнате пламя объяло джунгли. Рычали голубые львы, скакали пурпурные жирафы. Пантеры металась по кругу, поминутно меняя окраску; десять миллионов животных, спасаясь от огня, бежали к кипящей реке вдали...

Еще десяток голосов умер. В последний миг сквозь гул огневой лавины можно было различить хор других, дотоле молчавших голосов, объявлялось время, играла музыка, металась по газону телеуправляемые косилки, обезумевший зонт прыгал взад-вперед через порог наружной двери, которая непрерывно то затворялась, то отворялась, — одновременно происходила тысяча вещей, как в часовой мастерской, когда множество часов лихорадочно вразнобой отбивают время, царил невообразимый хаос, спаянный в некое единство; крича, распевая, последние мыши-мусорщики храбро выскакивали из нор — расчистить, убрать этот ужасный, отвратительный пепел! А один голос с великолепным пренебрежением к происходящему громко декламировал стихи в пылающей рабочей комнате, пока не сгорели все пленки, не расплавились провода, не рассыпались все схемы.

И наконец пламя взорвало дом, и он рухнул плашмя, разметав каскады дыма и искр.

На кухне за мгновение до огненного ливня можно было видеть, как печь с сумасшедшей скоростью готовила завтраки: десять десятков яиц, шесть жареных буханок, двести ломтей бекона — и все, все пожирал огонь, понуждая задыхающуюся печь истерически стряпать еще и еще!

Грохот. Чердак провалился на кухню и в гостиную, гостиная — в цокольный этаж, цокольный этаж — в подвал. Холодильники, кресла, магнитоленты, кровати, провода рухнули вниз обугленными скелетами.

Дым и тишина. Огромные клубы дыма.

На востоке медленно занимался рассвет. Только одна стена осталась стоять среди развалин. Из этой стены говорил последний одинокий голос, солнце уже осветило дымящиеся обломки, а он все твердил:

— Сегодня 5 августа 2026 года, сегодня 5 августа 2026 года, сегодня...

ВЫШИВАНИЕ

В сумеречном вечернем воздухе на террасе часто-часто сверкали иголки, и казалось, это кружится рой серебристых мошек. Губы трех женщин беззвучно шевелились. Их тела откидывались назад, потом едва заметно наклонялись вперед, так что качалки мерно покачивались, тихо скрипя. Все три смотрели на свои руки так пристально, словно вдруг увидели там собственное, тревожно бьющееся сердце.

— Который час?

— Без десяти пять.

— Надо уже идти лущить горох для обеда.

— Но... — возразила одна из них.

— Верно, я совсем забыла. Надо же...

Первая женщина остановилась на полуслове, опустила на колени руки с вышиванием и посмотрела через открытую дверь, через дышащую безмолвным уютom комнату в притихшую кухню. Там на столе, ожидая, когда ее пальцы выпустят чистенькие горошины на волю, лежала кучка изящных упругих стручков. И ей казалось, что она в жизни не видела более яркого воплощения домовитости.

— Иди, лужи, если тебе от этого будет легче на душе.— сказала вторая женщина.

— Нет,— ответила первая,— не хочу. Никакого желания.

Третья женщина вздохнула. Она вышивала розу, зеленый лист, ромашку и луг. Иголка то появлялась, то снова исчезала.

Вторая женщина делала самый изысканный, тонкий узор, ловко протыкала материю, безошибочно ловила иглу и посылала обратно, заставляя ее молниеносно порхать вверх-вниз, вверх-вниз. Зоркие черные глаза чутко следили за каждым стежком. Цветок, мужчина, дорога, солнце, дом — целая картина рождалась под ее руками, чудесный миниатюрный ландшафт, подлинный шедевр.

— Иногда думается, в руках все спасенье,— сказала она, и остальные кивнули, так что кресла вновь закачались.

— А может быть,— заговорила первая женщина,— душа человека обитает в его руках? Ведь все, что мы делаем с миром, мы делаем руками. Порой мне кажется, что наши руки не делают и половины того, что следовало бы, а головы и вовсе не работают.

Они с новым вниманием посмотрели на то, чем были заняты руки.

— Да,— согласилась третья женщина,— когда вспоминаешь свою жизнь, то видишь в первую очередь руки и то, что они сделали, а потом уже лица.

Они посчитали в уме, сколько крышек поднято, сколько дверей открыто и затворено, сколько цветов собрано, сколько обедов приготовлено торопливыми или медлительными — в соответствии с характером и привычкой — руками. Оглядываясь на прошлое, они видели словно воплощенную мечту чародея: вихрь рук, распахивающиеся двери, поворачивающиеся краны, летающие веники, ожившие розы. И единственным звуком был шелест порхающих розовых рук, все остальное было, как немой сон.

— Не будет обеда, который надо приготовить, ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра,— сказала третья женщина.

— Не будет окон, которые надо открывать и закрывать.

— Не будет угля, который надо бросать в печь в подвале, как настанет зима.

— Не будет газет, из которых можно вырезать рецепты.

Внезапно все три расплакались. Слезы мягко катились

вниз по щекам и падали на материю, по которой бегали их пальцы.

— От слез все равно не легче,— заговорила наконец первая женщина и поднесла большой палец сначала к одному глазу, потом к другому. Она поглядела на палец — мокрый.

— Что же я натворила! — укоризненно воскликнула вторая женщина.

Ее подруги оторвались от работы. Вторая женщина показала свое вышивание. Весь ландшафт закончен, все безупречно: вышитое желтое солнце светит на вышитый зеленый луг, вышитая коричневая дорожка подходит, извиваясь, к вышитому розовому дому — и только с лицом мужчины, стоящего на дороге, что-то было не так.

— Придется, чтобы исправить, выпарывать чуть ли не весь узор,— сказала вторая женщина.

— Какая досада.— Они пристально смотрели на чудесную картину с изъязном.

Вторая женщина принялась ловко выпарывать нитку крохотными блестящими ножницами. Стежок за стежком, стежок за стежком. Она дергала и рвала, словно сердилась. Лицо мужчины пропало. Она продолжала дергать.

— Что ты делаешь? — спросили подруги.

Они наклонились, чтобы посмотреть.

Мужчина исчез совершенно. Она убрала его.

Они молча продолжали вышивать.

— Который час? — спросила одна.

— Без пяти пять.

— А это назначено на пять часов ровно?

— Да.

— И они не знают точно, что получится, какие будут последствия?

— Не знают.

— Почему мы их не остановили вовремя, когда еще не зашло так далеко?

— Она вдвое мощней предыдущей. Нет, в десять раз, если не в тысячу.

— Она не такая, как самая первая или та дюжина, что появилась потом. Она совсем другая. Никто не знает, что она может натворить.

Они ждали, сидя на террасе, где царил аромат роз и свежескошенной травы.

— А теперь который час?

— Без одной минуты пять.

Иголки рассыпали серебристые огоньки, метались в сгущающихся сумерках, словно стайка металлических рыбок.

Далеко-далеко послышался комариный писк. Потом словно барабанная дробь. Женщины наклонили головы, прислушиваясь.

— Мы ничего не услышим?

— Говорят, нет.

— Может быть, мы просто дуры. Может быть, мы и после пяти будем продолжать по-старому лущить горох, отворять двери, мешать суп, мыть посуду, готовить завтрак, чистить апельсины...

— Вот посмеемся после, что так испугались какого-то дурацкого опыта!

Они неуверенно улыбнулись друг другу.

— Пять часов.

В тишине, которую вызвали эти слова, они постепенно возобновили работу. Пальцы беспокойно летали. Лица смотрели вниз. Женщины лихорадочно вышивали. Вышивали сирень и траву, деревья и дома и реки. Они ничего не говорили, но на террасе отчетливо было слышно их дыхание.

Прошло тридцать секунд.

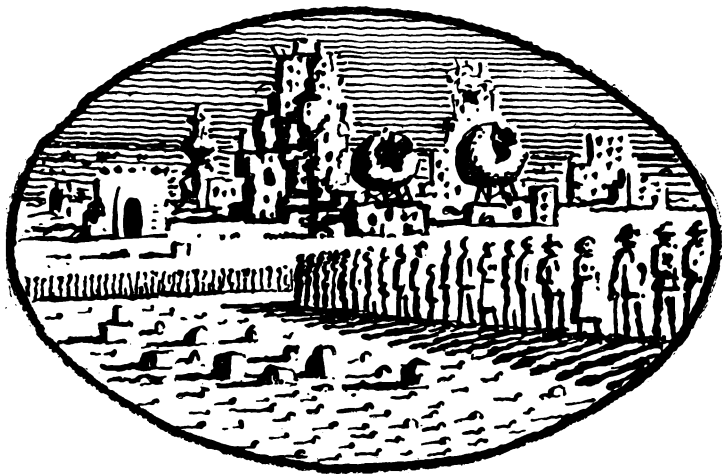
Вторая женщина глубоко вздохнула и стала работать медленнее.

— Пожалуй, стоит все-таки налущить гороха к обеду, — сказала она. — Я...

Но она не успела даже поднять головы. Уголкем глаза она увидела, как весь мир вспыхнул, озарившись ярким огнем. И она не стала поднимать головы, ибо знала, что это. Она не глядела, и подруги ее тоже не глядели, и пальцы их до самого конца порхали в воздухе; женщины не хотели видеть, что происходит с полями, с городом, с домом, даже с террасой. Они смотрели только на узор в дрожащих руках.

Вторая женщина увидела, как исчез вышитый цветок. Она попыталась вернуть его на место, но он исчез бесспоротно, за ним исчезла дорога, травинки. Она увидела, как пламя, точно в замедленном фильме, коснулось вышитого дома и поглотило крышу, опалило один за другим вышитые листья на вышитом зеленом деревце, затем раздергало по ниточкам само солнце. Оттуда огонь перекинулся на кончик иголки, которая все еще продолжала сверкать

в движении, с иголки пополз по пальцам, по рукам, лизнул тело и принялся распарывать ткань ее плоти столь тщательно и кропотливо, что женщина видела его во всем его дьявольском великолепии, пока он выпарывал узоры. Но она так и не узнала, что он сделал с остальными женщинами, с мебелью на террасе, с вязом во дворе. Ибо в этот самый миг огонь дергал розовые нити ее ланит, рвал нежную белую ткань и наконец добрался до ее сердца — вышитой пламенем нежной красной розы; и он сжег свежие лепестки, один тончайший вышитый лепесток за другим...

У Л Ы Б К А

На главной площади очередь установилась еще в пять часов, когда за выбеленными инеем полями пели далекие петухи и нигде не было огней. Тогда вокруг, среди разбитых зданий, клочьями висел туман, но теперь, в семь утра, рассвело, и он начал таять. Вдоль дороги по-двое, по-трое подстраивались к очереди еще люди, которых приманил в город праздник и базарный день.

Мальчишка стоял сразу за двумя мужчинами, которые громко разговаривали между собой, и в чистом холодном воздухе звук голосов казался вдвое громче. Мальчишка притопывал на месте и дул на свои красные, в цыпках, руки, поглядывая то на грязную, из грубой мешковины, одежду соседей, то на длинный ряд мужчин и женщин впереди.

— Слышь, парень, ты-то что здесь делаешь в такую рань? — сказал человек за его спиной.

— Это мое место, я тут очередь занял, — ответил мальчик.

— Бежал бы ты, мальчик, отсюда, уступил бы свое место тому, кто знает в этом толк!

— Оставь в покое парня, — вмешался, резко обернувшись, один из мужчин, стоящих впереди.

— Я же пошутил. — Задний положил руку на голову мальчишки. Мальчик угрюмо стряхнул ее. — Просто подумал, чудно это — ребенок, такая рань, а он не спит.

— Этот парень знает толк в искусстве, ясно? — сказал заступник, его фамилия была Григсби. — Тебя как звать-то, малец?

— Том.

— Наш Том, уж он плюнет что надо, в самую точку — верно, Том?

— Точно!

Смех покотился по шеренге людей.

Впереди кто-то продавал горячий кофе в треснувших чашках. Поглядев туда, Том увидел маленький жаркий кофестер и бурлящее варево в ржавой кастрюле. Это был не настоящий кофе. Его заварили из каких-то ягод, собранных на лугах за городом, и продавали по пенни чашка, согреть желудок, но мало кто покупал, мало кому это было по карману.

Том устремил взгляд туда, где очередь пропадала за разваленной взрывом каменной стеной.

— Говорят, она улыбается, — сказал мальчик.

— Ага, улыбается, — ответил Григсби.

— Говорят, она сделана из краски и холста.

— Точно. Потому-то и сдается мне, что она не подлинная. Та, настоящая, — я слышал — была на доске нарисована, в незапамятные времена.

— Говорят, ей четыреста лет.

— Если не больше. Коли уж на то пошло, никому не известно, какой сейчас год.

— Две тысячи шестьдесят первый!

— Верно, так говорят, парень, говорят. Брешут. А может, трехтысячный! Или пятитысячный! Почему мы можем знать? Сколько времени одна сплошная катавасия была... И достались нам только рожки да ножки.

Они шаркали ногами, медленно продвигаясь вперед по холодным камням мостовой.

— Скоро мы ее увидим? — уныло протянул Том.

— Еще несколько минут, не больше. Они огородили ее, повесили на четыре латунных столбика бархатную веревку, все честь по чести, чтобы люди не подходили слишком

близко. И учти, Том, никаких камней, они запретили бросать в нее камни.

— Ладно, сэр.

Солнце поднималось все выше по небосводу, неся тепло, и мужчины сбросили с себя измазанные дерюги и грязные шляпы.

— А зачем мы все тут собрались? — спросил, подумав, Том. — Почему мы должны плевать?

Григсби и не взглянул на него, он смотрел на солнце, соображая, который час.

— Э, Том, причин уйма. — Он рассеянно протянул руку к карману, которого уже давно не было, за несуществующей сигаретой. Том видел это движение миллион раз. — Тут все дело в ненависти, ненависти ко всему, что связано с Прошлым. Ответь-ка ты мне, как мы дошли до такого состояния? Города — груды развалин, дороги от бомбежек — словно пила, вверх-вниз, поля по ночам светятся радиоактивные... Вот и скажи, Том, что это, если не последняя подлость?

— Да, сэр, конечно.

— То-то и оно... Человек ненавидит то, что его сгубило, что ему жизнь поломало. Так уж он устроен. Неразумно, может быть, но такова человеческая природа.

— А есть хоть кто-нибудь или что-нибудь, чего бы мы не ненавидели? — сказал Том.

— Во-во! А все эта орава идиотов, которая заправляла миром в Прошлом! Вот и стоим здесь с самого утра, кишки подвело, стучим от холода зубами — новые троглодиты, ни покурить, ни выпить, никакой тебе утехи, кроме этих наших праздников, Том. наших праздников...

Том мысленно перебрал праздники, в которых участвовал за последние годы. Вспомнил, как рвали и жгли книги на площади, и все смеялись, точно пьяные. А праздник науки месяц тому назад, когда притащили в город последний автомобиль, потом бросили жребий, и счастливиčky могли по одному разу долбануть машину кувалдой!..

— Помню ди я, Том? Помню ли? Да ведь я же разбил переднее стекло — стекло, слышишь? Господи, звук-то какой был, прелесть! Тррах!

Том и впрямь словно услышал, как стекло рассыпается сверкающими осколками.

— А Биллу Гендерсону досталось мотор раздолбать. Эх, и лихо же он это сработал, прямо мастерски. Бам!

Но лучше всего,— продолжал вспоминать Григсби,— было в тот раз, когда громили завод, который еще пытался выпускать самолеты. И отвели же мы душеньку! А потом нашли типографию и склад боеприпасов — и взорвали их вместе! Представляешь себе, Том?

Том подумал.

— Ага.

Полдень. Запахи разрушенного города отравляли жаркий воздух, что-то копошилось среди обломков зданий.

— Сэр, это больше никогда не вернется?

— Что — цивилизация? А кому она нужна? Во всяком случае не мне!

— А я так готов ее терпеть,— сказал один из очереди.— Не все конечно, но были и в ней свои хорошие стороны...

— Чего зря болтать-то! — крикнул Григсби.— Все равно впустую.

— Э,— упорствовал один из очереди,— не торопитесь. Вот увидите: еще появится башковитый человек, который ее подлатает. Помните мои слова. Человек с душой.

— Не будет этого,— сказал Григсби.

— А я говорю, появится. Человек, у которого душа лежит к красивому. Он вернет нам — нет, не старую, а, так сказать, ограниченную цивилизацию, такую, чтобы мы могли жить мирно.

— Не успеешь и глазом моргнуть, как опять война!

— Почему же? Может, на этот раз все будет иначе.

Наконец и они вступили на главную площадь. Одновременно в город въехал верховой, держа в руке листок бумаги. Огороженное пространство было в самом центре площади. Том, Григсби и все остальные, копя слюну, подвигались вперед — шли, изготовившись, предвкушая, с расширившимися зрачками. Сердце Тома билось часто-часто, и земля жгла его босые пятки.

— Ну, Том, сейчас наша очередь, не зевай!

По углам огороженной площадки стояло четверо полицейских — четверо мужчин с желтым шнурком на запястьях, знаком их власти над остальными. Они должны были следить за тем, чтобы не бросали камней.

— Это для того,— уже напоследок объяснил Григсби,— чтобы каждому досталось плюнуть по разку, понял, Том?

Ну, давай!

Том замер перед картиной, глядя на нее.

— Ну, плюй же!

У мальчишки пересохло во рту.

— Том, давай! Живее!

— Но,— медленно произнес Том,— она же красивая!

— Ладно, я плюну за тебя!

Плевков Григсби блеснул в лучах солнца. Женщина на картине улыбалась таинственно-печально, и Том, отвечая на ее взгляд, чувствовал, как колотится его сердце, а в ушах будто звучала музыка.

— Она красивая,— повторил он.

— Иди уж, пока полиция...

— Внимание!

Очередь притихла. Только что они бранили Тома — стал, как пень! — а теперь все повернулись к верховому.

— Как ее звать, сэр? — тихо спросил Том.

— Картину-то? Кажется, «Монна Лиза»... Точно: «Монна Лиза».

— Слушайте объявление,— сказал верховой.— Власти постановили, что сегодня в полдень портрет на площади будет передан в руки здешних жителей, дабы они могли принять участие в уничтожении...

Том и ахнуть не успел, как толпа, крича, толкаясь, мечась, понесла его к картине. Резкий звук рвущегося холста... Полицейские бросились наутек. Толпа выла, и руки клевали портрет, словно голодные птицы. Том почувствовал, как его буквально швырнули сквозь разбитую раму. Слепо подражая остальным, он вытянул руку, схватил клочок лоснящегося холста, дернул и упал, а толчки и пинки вышибли его из толпы на волю. Весь в ссадинах, одежда разорвана, он смотрел, как старухи жевали куски холста, как мужчины разламывали раму, поддавали ногой жесткие лоскуты, рвали их в мелкие-мелкие клочки.

Один Том стоял притихший в стороне от этой свистопляски. Он глянул на свою руку. Она судорожно притиснула к груди кусок холста, пряча его.

— Эй, Том, ты что же! — крикнул Григсби.

Не говоря ни слова, всхлипывая, Том побежал прочь. За город, на испещренную воронками дорогу, через поле, через мелкую речушку, он бежал и бежал, не оглядываясь, и сжатая в кулак рука была спрятана под куртку.

На закате он достиг маленькой деревушки и пробежал через нее. В девять часов он был у разбитого здания фермы. За ней, в том, что осталось от силосной башни, под навесом, его встретили звуки, которые сказали ему, что

семья спит — спит мать, отец, брат. Тихонько, молча, он скользнул в узкую дверь и лег, часто дыша.

— Том? — раздался во мраке голос матери.

— Да.

— Где ты болтался? — рявкнул отец. — погоди, вот я тебе утром всыплю...

Кто-то пнул его ногой. Его собственный брат, которому пришлось сегодня в одиночку трудиться на их огороде.

— Ложись! — негромко прикрикнула на него мать.

Еще пинок.

Том дышал уже ровнее. Кругом царил тишина. Рука его была плотно-плотно прижата к груди. Полчаса лежал он так, зажмурив глаза.

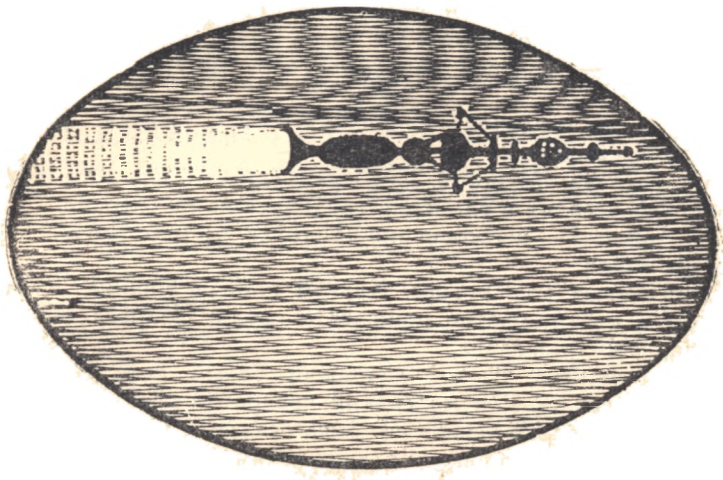
Потом ощутил что-то: холодный белый свет. Высоко в небе плыла луна, и маленький квадратик света полз по телу Тома. Только теперь его рука ослабила хватку. Тихо, осторожно, прислушиваясь к движениям спящих, Том поднял ее. Он помедлил, глубоко-глубоко вздохнул, потом, весь ожидание, разжал пальцы и разгладил клочок окрашенного холста.

Мир спал, освещенный луной.

А на его ладони лежала Улыбка.

Он смотрел на нее в белом свете, который падал с полумночного неба. И тихо повторял про себя, снова и снова: «Улыбка, чудесная улыбка...»

Час спустя он все еще видел ее, даже после того, как осторожно сложил ее и спрятал. Он закрыл глаза, и снова во мраке перед ним — Улыбка. Ласковая, добрая, она была там и тогда, когда он уснул, а мир был объят безмолвием и луна плыла в холодном небе сперва вверх, потом вниз, навстречу утру.

ЗОЛОТЫЕ ЯБЛОКИ СОЛНЦА

— Юг,— сказал командир корабля.

— Но,— возразила команда,— здесь, в космосе, нет никаких стран света!

— Когда летишь навстречу солнцу,— ответил командир,— и все становится жарким, желтым, полным истомы, есть только один курс.— Он закрыл глаза, представляя себе далекий пылающий остров в космосе, и мягко выдохнул: — Юг.

Медленно кивнул и повторил:

— Юг.

Ракета называлась «Копя де Оро», но у нее было еще два имени: «Прометей» и «Икар». Она в самом деле летела к ослепительному полуденному солнцу. С каким воодушевлением грузили они в отсеки две тысячи бутылок кислового лимонада и тысячу бутылок пива с блестящими пробками, собираясь в путь туда, где ожидала эта исполинская Сахара!

Сейчас, летя навстречу кипящему шару, они вспоминали стихи и цитаты.

— «Золотые яблоки Солнца»?

— Нет!

— «Не бойся солнечного жара»?

— Шекспир, конечно!

— «Чаша золота»? Стейнбек. «Кувшин золота»? Стефенс. А помните — горшок золота у подножья радуги? Черт возьми, вот название для нашей орбиты: «Радуга»!

— Температура?..

— Четыреста градусов Цельсия!

Командир смотрел в черный провал большого круглого окна. Вот оно, Солнце! Одна сокровенная мысль всецело владела умом командира: долететь, коснуться Солнца и навсегда унести частицу его тела.

Космический корабль воплощал строгую изысканность и хладный, скупой расчет. В переходах, покрытых льдом и молочно-белым инеем, царил аммиачный мороз, бушевали снежные вихри. Малейшая искра из могучего очага, пылающего в космосе, малейшее дыхание огня, способное просочиться сквозь жесткий корпус, встретили бы концентрированную зиму, точно здесь притаились все самые лютые февральские морозы.

В арктической тишине прозвучал голос аудиотермометра:

— Температура восемьсот градусов!

«Падаем, — подумал командир, — падаем, подобно снежинке, в жаркое лоно июня, знойного июля, в душное пекло августа...»

— Тысяча двести градусов Цельсия.

Под снегом стонали моторы; охлаждающие жидкости со скоростью пятнадцать тысяч километров в час струились по белым змеям трубопроводов.

— Тысяча шестьсот градусов Цельсия.

Полдень. Лето. Июль.

— Две тысячи градусов!

И вот командир корабля спокойно (за этим спокойствием — миллионы километров пути) сказал долгожданное:

— Сейчас коснемся Солнца.

Глаза членов команды сверкнули, как расплавленное золото.

— Две тысячи восемьсот градусов!

Странно, что неживой металлический голос механического термометра может звучать так взволнованно!

— Который час? — спросил кто-то, и все невольно улыбнулись.

Ибо здесь существовало лишь Солнце и еще раз Солнце. Солнце было горизонтом и всеми странами света. Оно сжигало минуты и секунды, песочные часы и будильники; в нем сгорало время и вечность. Оно жгло веки и клеточную влагу в темном мире за веками, сетчатку и мозг; оно выжигало сон и сладостные воспоминания о сне и прохладных сумерках.

— Смотритель!

— Командир!

Бреттон, первый штурман, рухнул на ледяной пол. Защитный костюм свистел в поврежденном месте; белым цветком расцвело облачко замерзшего пара — тепло человека, его кислород, его жизнь.

— Живей!

Пластмассовое окошко в шлеме Бреттона уже затянулось изнутри бельмом хрупких молочных кристаллов. Товарищи нагнулись над телом.

— Брак в скафандре, командир. Он мертв.

— Замерз.

Они перевели взгляд на термометр, который показывал течение зимы в заснеженных отсеках. Четыреста градусов ниже нуля. Командир смотрел на замороженную статую; по ней стремительно разбегались искрящиеся кристаллики льда. «Какая злая ирония судьбы,— думал он: — человек спасается от огня и гибнет от мороза...»

Он отвернулся.

— Некогда. Времени нет. Пусть лежит.— Как тяжело поворачивается язык...— Температура?

Стрелки подскочили еще на тысячу шестьсот градусов.

— Смотритель! Командир, смотритель!

Летящая сосулька начала таять.

Командир рывком поднял голову и посмотрел на потолок. И сразу, будто осветился киноэкран, в его сознании отчетливо возникла картина, воспоминание далекого детства.

...Ранняя весна, утро. Мальчишка, вдыхая запах снега, высунулся в окно посмотреть, как искрится на солнце последняя сосулька. С прозрачной хрустальной иголки капает, точно белое вино, прохладная, но с каждой минутой все более жаркая кровь апреля. Оружие декабря, что ни миг, становится все менее грозным. И вот уже со-

сулька падает на гравий. Дэинь! — будто пробили куранты...

— Вспомогательный насос сломался, командир. Охлаждение... Лед тает!

Сверху хлынул теплый дождь. Командир корабля дернул головой влево, вправо.

— Где неисправность? Да не стойте так, черт возьми, не мешкайте!

Люди забегали. Командир, зло ругаясь, нагнулся под дождем; его руки шарили по холодным механизмам, искали, щупали, а перед глазами стояло будущее, от которого их, казалось, отделял один лишь короткий вздох. Он видел, как шелушится покров корабля, видел, как люди, лишенные защиты, бегают, мечутся с распахнутыми в немом крике ртами. Космос — черный замшелый колодезь, в котором жизнь топит свои крики и страх... Ори, сколько хочешь, космос задушит крик, не дав ему родиться. Люди суетятся, словно муравьи в горящей коробочке, корабль превратился в кипящую лаву... вихри пара... ничто!

— Командир?!

Кошмар развеялся.

— Здесь.

Он работал под ласковым теплым дождем, струившимся из верхнего отсека. Он возился с насосом.

— А, черт!

Командир дернул кабель. Смерть, которая ждет их, будет самой быстрой в истории смертей. Пронзительный вопль... жаркая молния... и лишь миллиарды тонн космического огня шуршат, не слышимые никем, в безбрежном пространстве. Словно горсть земляники, брошенной в топку,— только мысли на миг замрут в раскаленном воздухе, пережив тела, превращенные в уголь и светящийся газ.

— Ч-черт!

Он ударил по насосу отверткой.

— Господи!..

Командир содрогнулся. Полное уничтожение... Он зажмурил глаза, стиснул зубы. «Черт возьми,— думал он,— мы привыкли умирать не так стремительно,— минутами, а то и часами. Даже двадцать секунд — медленная смерть по сравнению с тем, что готовит нам это голодное чудовище, которому не терпится нас сожрать!»

— Командир, сворачивать или продолжать?

— Приготовьте чашу. Теперь — сюда, заканчивайте. Живей!

Он повернулся к манипулятору огромной чаши, сунул руки в перчатки дистанционного управления. Одно движение кисти, и из недр корабля вытянулась исполинская рука с гигантскими пальцами. Ближе, ближе... металлическая рука погрузила «Золотую чашу» в пылающую топку, в бестелесное тело, в бесплотную плоть Солнца.

«Миллион лет назад,— быстро подумал командир, направляя чашу,— обнаженный человек на пустынной северной тропе увидел, как в дерево ударила молния. Его племя бежало в ужасе, а он голыми руками схватил, обжигаясь, головню и, защищая ее телом от дождя, торжественно ринулся к своей пещере, где, пронзительно рассмеявшись, швырнул головню в кучу сухих листьев и даровал своим соплеменникам лето. И люди, дрожа, подползли к огню, протянули к нему трепещущие руки и ощутили, как в пещеру вошло новое время года. Его привело беспокойное желтое пятно, повелитель погоды. И они несмело заулыбались... Так огонь стал достоянием людей».

— Командир!

Четыре секунды понадобилось исполинской руке, чтобы погрузить чашу в огонь.

«И вот сегодня мы снова на тропе,— думал командир,— тянем руку с чашей за драгоценным газом и вакуумом, за горстью пламени иного рода, чтобы с ним, освещая себе путь, мчаться через холодный космос обратно и доставить на Землю дар немеркнущего огня. Зачем?»

Он знал ответ еще до того, как задал себе вопрос.

«Затем, что атомы, которые мы подчинили себе на Земле, слабосильны; атомная бомба немощна и мала; лишь Солнце ведает то, что мы хотим знать, оно одно владеет секретом. К тому же это увлекательно, это здорово: прилететь, осалить — и стремглав обратно! В сущности, все дело в гордости и тщеславии людей-козляков, которые держат дернуть льва за хвост и ускользнуть от его зубов. Черт подери, скажем мы потом, а ведь справились! Вот она, чаша с энергией, пламенем, импульсами — назовите, как хотите,— которая даст ток нашим городам, приведет в движение наши суда, осветит наши библиотеки, позолотит кожу наших детей, испечет наш хлеб насущный и поможет нам усвоить знание о нашей вселенной. Пейте из этой чаши, добрые люди, ученые и мыслители! Пусть сей огонь согре-

ет вас, прогонит мрак неведения и долгую зиму суеверий, ледящий ветер недоверия и преследующий человека великий страх темноты. Итак, мы протягиваем руку за даянием...»

— О!

Чаша погрузилась в Солнце. Она зачерпнула частицу божественной плоти, каплю крови вселенной, пламенной мысли, ослепительной мудрости, которая разметила и проложила Млечный Путь, пустила планеты по их орбитам, определила их ход и создала жизнь во всем ее многообразии.

— Теперь осторожно,— прошептал командир.

— Что будет, когда мы подтянем чашу обратно? И без того такая температура, а тут...

— Бог ведает,— ответил командир.

— Насос в порядке, командир!

— Включайте!

Насос заработал.

— Закрыть чашу крышкой!.. Теперь подтянем — медленно, еще медленнее...

Прекрасная рука за стеной дрогнула, повторив в исполинском масштабе жест командира, и бесшумно скользнула на свое место. Плотная закрытая чаша, рассыпая желтые цветы и белые звезды, исчезла в чреве корабля. Аудиотермометр выходил из себя. Система охлаждения билась в лихорадке, жидкий аммиак пульсировал в трубах, словно кровь в висках орущего безумца.

Командир закрыл наружный люк.

— Готово.

Все замерли в ожидании. Гулко стучал пульс корабля, его сердце отчаянно колотилось. Чаша с золотом — на борту! Холодная кровь металась по жестким жилам: вверх-вниз, вправо-влево, вверх-вниз, вправо-влево...

Командир медленно вздохнул.

Капель с потолка прекратилась. Лед перестал таять.

— Теперь — обратно.

Корабль сделал полный поворот и устремился прочь.

— Слушайте!

Сердце корабля билось тише, тише... Стрелки приборов побежали вниз, убавляя счет сотен. Термометр вещал о смене времен года. И все думали одно: «Лети, лети прочь от пламени, от огня, от жара и кипения, от желтого и белого. Лети навстречу холоду и мраку». Через двадцать

часов, пожалуй, можно будет отключить часть холодильников и изгнать зиму. Скоро они окажутся в такой холодной ночи, что придется, возможно, воспользоваться новой топкой корабля, заимствовать тепло у надежно укрытого пламени, которое они несут с собой, словно неродившееся дитя.

Они летели домой.

Они летели домой, и командир, нагибаясь над телом Бреттона, лежавшим в белом сугробе, успел вспомнить стихотворение, которое написал много лет назад.

Порой мне Солнце кажется горящим деревом...
Его плоды златые реют в жарком воздухе,
Как яблоки, пронизанные соком таготенья,
Источенные родом человеческим.
И взор людей исполнен преклоненья,—
Им Солнце кажется неопалимым деревом.

Долго командир сидел возле погибшего, и разные чувства жили в его душе. «Мне грустно,— думал он,— и я счастлив, и я чувствую себя мальчишкой, который идет домой из школы с пучком золотистых одуванчиков».

— Так,— вздохнул командир, сидя с закрытыми глазами,— так, куда же мы летим теперь, куда?

Он знал, что все его люди тут, рядом, что страх прошел и они дышат ровно, спокойно.

— После долгого-долгого путешествия к Солнцу, когда ты коснулся его, подразнил и ринулся прочь — куда лежит твой путь? Когда ты расстался со зноем, полуденным светом и сладкой негой,— каков твой курс?

Экипаж ждал, когда командир скажет сам. Они ждали, когда он мысленно соберет воедино всю прохладу и белизну, свежесть и бодрящий воздух, заключенный в заветном слове; и они увидели, как слово рождается у него во рту и перекатывается на языке, будто кусочек мороженого.

— Теперь для нас в космосе есть только один курс,— сказал он.

Они ждали. Ждали, а корабль стремительно уходил от света в холодный мрак.

— Север,— буркнул командир.— Север.

И все улыбнулись, точно в знойный день вдруг подул освежающий ветер.

КОСМОНАВТ

Над темными волосами мамы, освещая ей путь, кружил рой электрических светлячков. Она стояла в дверях своей спальни, провожая меня взглядом. В холле царила тишина.

— Ты ведь сможешь мне удержать его дома на этот раз? — спросила она.

— Постараюсь, — ответил я.

— Прошу тебя. — По ее лицу бежали беспокойные блики. — На этот раз мы его не отпустим.

— Ладно, — ответил я, подумав. — Но только ни к чему это, ничего не выйдет.

Она повернулась; светлячки, чертя свои орбиты, летали над ней, подобно блуждающему созвездию, и светили ей во тьме. Я услышал, как она тихо говорит:

— Во всяком случае, попробуем.

Другие светлячки проводили меня в мою комнату. Я лег, в кровати замкнулась цепь, и тотчас светлячки погасли.

Полночь. Мы с матерью, разделенные невесомым мраком, ждем, каждый в своей комнате. Кровать, тихо напе-

вая, стала меня укачивать. Я нажал выключатель; пение и качание прекратились. Я не хотел спать, я совсем не хотел спать.

Эта ночь ничем не отличалась от множества других памятных для нас ночей. Сколько раз мы лежали, бодрствуя, и вдруг ощущали, как прохладный воздух становится жарким, как ветер несет огонь, или видели, как стены на миг озаряются ярким сполохом. И мы знали, что в эту секунду над домом проходит его ракета. Его ракета летела над домом, и дубы гнулись от воздушного вихря. Я лежал, широко раскрыв глаза и часто дыша, и слышал мамин голос в радиэфоне:

— Ты почувствовал?

И я отвечал:

— Да-да, это он.

Пройдя над нашим городом, маленьким городком, где никогда не садилась космические ракеты, корабль моего отца летел дальше, и мы лежали еще два часа, думая: «Сейчас отец садится в Спрингфилде, сейчас он сошел на гудронную дорожку, сейчас подписывает бумаги, сейчас он на вертолете, пролетает над рекой, над холмами, сейчас сажает вертолет в нашем маленьком аэропорту Грин Вилледж...» Вот уже половина ночи прошла, а мы с матерью, каждый в своей неудобной кровати, все слушаем, слушаем. «Сейчас идет по Белл Стрит. Он всегда идет пешком... не берет машину... сейчас проходит парк, угол Оукхерст, и сейчас...»

...Я поднял голову с подушки. На улице, все ближе и ближе, легкие, торопливые, нетерпеливые шаги. Вот свернули к дому... вверх по ступенькам террасы... И мы оба, мама и я, улыбнулись в прохладном мраке, слыша, как внизу, узнав хозяина, отворяется наружная дверь, что-то негромко говорит, приветствуя, и снова затворяется.

Три часа спустя я тихонько, затаив дыхание, повернул блестящую ручку их двери, прокрался в безбрежной, как космос между планетами, тьме и протянул руку за маленьким черным ящиком, что стоял у кровати родителей, в ногах. Есть! И я бесшумно побежал к себе, думая: «Он ведь все равно ничего не расскажет, не хочет, чтобы я знал».

И вот из открытого ящичка струится черный костюм космонавта — будто черная туманность с редкими стежками далеких звезд. Я мял в горячих руках темную ткань и вдыхал ароматы планет: Марса — запах железа, Венеры —

благоухание зеленого плюща, Меркурия — огонь и сера; я обнял молочную луну и жесткость звезд. Потом я положил костюм в центрифугу, которую собрал недавно в школьной мастерской, и пустил ее. Вскоре в реторте осела тонкая пыль. Я поместил ее под окуляр микроскопа.

Родители безмятежно спали, весь дом спал, автоматические пекари, механические слуги и уборщики-роботы погрузились в свой электрический сон; а я смотрел, смотрел на сверкающие крупинки метеорной пыли, кометных хвостов и глины с далекого Юпитера. Они сами были словно далекие миры, и сквозь тубус микроскопа я уходил в полет — миллиарды миль в космосе, фантастические ускорения...

На рассвете, устав путешествовать и боясь, что пропажу обнаружат, я отнес ящичек на место, в спальню родителей.

Потом я уснул, но тут же проснулся от гудка машины под окном. Это приехали из химчистки за костюмом. «Хорошо, что я не стал ждать», — подумал я. Ведь через час костюм вернется обезличенный, очищенный от всех следов путешествия.

И я опять уснул, а в кармашке пижамы, как раз над бьющимся сердцем, лежал пузырек с магической пылью.

Когда я спустился, отец сидел за столом, завтракая.

— Как спалось, Дуг? — приветствовал он меня, будто все время был дома, будто и не уходил на три месяца в космос.

— Хорошо, — ответил я.

— Гренки?

Он нажал кнопку, и стол поджарил мне четыре ломтя хлеба — румяные, золотистые.

Помню, как отец в тот день работал в саду, все копал и копал, словно искал чего-то. Длинные смуглые руки стремительно двигались, сажая, уминая, привязывая, срезая, обрезаая, смуглое лицо неизменно было обращено к земле. Глаза отца смотрели на то, чем были заняты руки; он ни разу не взглянул на небо, или на меня, даже на маму. Лишь когда мы опускались на колени рядом с ним, чтобы ощутить сквозь ткань комбинезона сырость земли, погрузить пальцы в черный перегной и забыть о буйно-голубом небе, он оглядывался влево или вправо, на маму или на меня, и ласково подмигивал, после чего продолжал работать;

глядя в землю, все время в землю, и небо видело только его согнутую спину.

Вечером мы сидели на механических качелях на террасе, они нас качали и обдували ветром, и пели нам песни. Было лето, луна, был лимонад, мы держали в руках холодные стаканы, и отец читал стереогазету, вмонтированную в специальную шляпу, которая переворачивала микространицы за увеличительным стеклом, если моргнуть три раза. Отец курил сигареты и рассказывал мне, как он был мальчиком в 1997 году. Немного погодя он, как всегда, спросил:

— Ты почему не гуляешь, не гоняешь ногами банки, Дуг?

Я ничего не ответил, но мать сказала:

— Он гуляет, когда тебя нет дома.

Отец посмотрел на меня, потом, впервые за этот день, на небо. Мать всегда наблюдала за ним, когда он смотрел на звезды.

Первый день и первый вечер после возвращения он редко глядел на небо. Я видел его рьяно работающим в саду, лицо будто срослось с землей. На второй день он уже чаще посматривал на звезды. Днем мать не так боялась неба; зато как ей хотелось бы выключить вечерние звезды! Иной раз мне так и казалось, что она мысленно ищет выключатель. Напрасно...

На третий вечер, бывало, мы уже соберемся спать, а отец все еще мешкает на террасе, и я слышал, как мама его зовет — так она меня звала домой с улицы. И отец, вздохнув, включал фотоэлектрический замок. А на следующее утро, за завтраком, я, глянув вниз, обнаруживал у его ног черный ящик; мама еще спала.

— Ну, Дуг, до свидания,— говорил он, пожимая мне руку.

— Через три месяца?

— Точно.

И он шел по улице, не садился ни на вертолет, ни на такси, ни на автобус, а просто шел пешком, неся летный костюм неприметно, в сумке под мышкой. Он не хотел, чтобы люди говорили, что он зазнался, став космонавтом.

Часом позже мама спускалась завтракать и съела ровным счетом один ломтик поджаренного хлеба.

Но сегодня было сегодня, первый вечер, и он почти совсем не глядел на звезды.

— Пойдем на телевизионный карнавал,— предложил я.

— Отлично, — сказал отец.

Мама улыбнулась мне.

И мы поспешили на вертолете в город и повели отца мимо бесчисленных экранов, чтобы его голова, его лицо были с нами, чтобы он больше никуда не глядел. Мы смеялись смешному, серьезно смотрели серьезное, а я все думал: «Мой отец летает на Сатурн, на Нептун, на Плутон, но никогда не приносит мне подарков. Другие мальчишки, у которых отцы путешествуют в космосе, показывают товарищам кусочки руды с Каллисто, обломки черных метеоритов, голубой песок. А мне приходится выменивать у них образцы для своей коллекции — песок с Меркурия, марсианские камни, которые наполняют мою комнату, но о которых отец никогда не хочет говорить».

Случалось, — я помнил, — он что-нибудь приносил маме. Раз посадил в нашем дворе подсолнечники с Марса, но через месяц после того, как он ушел в новый полет, когда цветы выросли, мама однажды выбежала во двор и все их срезала.

Мы стояли перед стереоскопическим экраном, и тут я брякнул, не думая, задал отцу вопрос, с которым всегда к нему обращался:

— Скажи, как там, в космосе?

Мама метнула на меня испуганный взгляд. Поздно.

Полминуты отец стоял молча, подыскивая ответ, потом пожал плечами.

— Там... это лучше всего самого лучшего в жизни. — Он осекся. — Да нет, ничего особенного. Рутинка. Тебе бы не понравилось. — Он испытующе посмотрел на меня.

— Но ты всякий раз летишь опять.

— Привычка.

— И куда же ты полетишь теперь?

— Еще не решил. Надо подумать.

Он всегда обдумывал. В те дни космонавтов было мало, он мог сам выбирать, как, куда и когда лететь. Вечером третьего дня после его возвращения вы могли видеть, как он выбирает звезду.

— Пошли, — сказала мама, — пора домой.

Было еще не поздно, и дома я попросил отца надеть форму космонавта. Мне не следовало просить, чтобы не огорчать маму, но я ничего не мог с собой поделать. Я продолжал упрашивать отца, хотя он всегда мне отказывал. Я никогда не видел его в форме. Наконец он сказал:

— Ну, ладно.

Мы ждали в гостиной, пока он поднялся наверх по воздушной шахте. Мама печально смотрела на меня, словно не веря, что ее собственный сын может так с ней поступать. Я отвел глаза.

— Прости меня,— сказал я.

— Ты мне ни чуточки не помогаешь,— произнесла она.— Ни чуточки.

Мгновение спустя в воздушной шахте послышался шорох.

— Вот и я,— тихо сказал отец.

Мы увидели его в форме.

Костюм был черный, с блестящим отливом. Серебряные пуговицы, серебряные лампасы до каблуков черных ботинок. Казалось, он весь — тело, руки, ноги — вырезан из черной туманности, сквозь которую просвечивают неяркие звездочки.

Костюм облегал тело, как перчатка облегает длинную гибкую руку, от него пахло прохладным воздухом, металлом, космосом. От него пахло огнем и временем.

Отец стоял посреди комнаты, смущенно улыбаясь.

— Повернись,— сказала мама.

Ее глаза, обращенные на него, смотрели куда-то далеко-далеко.

Когда отец бывал в космосе, она совершенно о нем не говорила. Вообще ни о чем не говорила, кроме погоды, моей шеи — дескать, не худо бы вымыть, — или своей бессонницы. Однажды она пожаловалась, что ночь была слишком светлая.

— Но ведь эту неделю ночи безлунные.

— А звезды? — ответила она.

Я пошел в магазины и купил ей новые жалюзи, темнее, зеленее. Ночью, лежа в кровати, я слышал, как она их опускает, тщательно закрывая окна. Долгий шуршащий звук...

Как-то раз я собрался подстричь газон.

— Не надо.— Мама стояла в дверях.— Убери на место косилку.

Так и росла у нас трава по три месяца без стрижки. Отец подстригал ее, когда возвращался домой.

Она вообще не разрешала мне ничего делать — скажем, чинить машину, которая готовила завтрак, или механического чтеца. Она все копила, как копят к празднику. И по-

том я видел, как отец стучит или паяет, улыбаясь, и мать счастливо улыбается, глядя на него.

Да, без него она о нем совсем не говорила. В свою очередь отец никогда не пытался связаться с нами, перебросить мост через миллионы километров.

Однажды он сказал мне:

— Твоя мать обращается со мной так, словно меня нет, словно я невидимка.

Я сам это заметил. Она глядела мимо него, на его руки, щеки, только не в глаза. А если смотрела в глаза, то будто сквозь пленку, как зверь, который засыпает. Она говорила «да» там, где надо, улыбалась — все с опозданием на полсекунды.

— Слово я для нее не существую, — сказал отец.

А на следующий день она опять была с нами, и он для нее существовал, они брались за руки и шли гулять вокруг квартала или отправлялись на верховую прогулку, и мамины волосы развевались, как у девочки; она выключала все механизмы на кухне и сама пекла ему удивительные пирожные, торты и печенья, жадно смотрела ему в глаза, улыбалась своей настоящей улыбкой. А к концу такого дня, когда он для нее существовал, она непременно плакала. И отец стоял растерянно, глядя вокруг, точно в поисках ответа, но нигде его не находил.

...Отец медленно повернулся, показывая костюм.

— Повернись еще, — сказала мама.

На следующее утро отец примчался домой с целой кипой билетов. Розовые билеты на Калифорнийскую ракету, голубые на Мексиканскую авиалинию.

— Живей! — воскликнул он. — Купим дорожную одежду, потом ее сожжем. Вот — в полдень вылетаем в Лос-Анжелос, в два часа — вертолетом до Санта-Барбары, в девять — самолетом до Энсенады, и там заночуем!

И мы отправились в Калифорнию. Полтора дня путешествовали по тихоокеанскому побережью; пока не осели на песчаном пляже Малибу. Отец все время прислушивался, или пел, или жадно рассматривал все вокруг, цепляясь за впечатления, словно мир был большой центрифугой, которая вращалась так быстро, что его в любой момент могло от нас оторвать.

В наш последний день в Малибу мама осталась в гости-

нице. Отец долго лежал со мной рядом на песке, под жарким солнцем.

— Ух,— вздохнул он,— благодать...

Прикрыв глаза, он лежал на спине и пил солнце.

— Вот чего недостает,— сказал он.

Он, конечно, хотел сказать «на ракете». Но отец избегал упоминать свою ракету и не любил говорить обо всем том, чего на ракете нет. Откуда на ракете соленый ветер? Или голубое небо? Или ласковое солнце? Или мамин домашний обед? И разве на ракете поговоришь со своим четырнадцатилетним сыном?

— Что ж, потолкуем,— произнес он наконец.

И я знал, что теперь мы с ним будем говорить, говорить — три часа подряд, как это было у нас заведено. До самого вечера мы будем, нежась на солнце, вполголоса болтать о моем учении, как высоко я могу прыгнуть, быстро ли плаваю.

Отец кивал, слушая меня, улыбался, одобрительно трепал по щеке. Мы говорили. Не о ракете и не о космосе — мы говорили о Мексике, где однажды путешествовали на старинном автомобиле, о бабочках во влажных лесах зеленой, теплой Мексики: дело было в полдень, сотни бабочек облепили наш радиатор и тут же погибали, махая голубыми и розовыми крылышками, трепеща в судорогах — красивое и грустное зрелище. Мы говорили обо всем, только не о том, что мне хотелось. И отец слушал меня. Он слушал так, словно жаждал насытиться звуками, которые ловил его слух. Он слушал ветер, дыхание океана и мой голос, чутко, сосредоточенно, с напряженным вниманием, которое как бы отсеивало физические тела и оставляло только звуки. Он закрывал глаза, чтобы лучше слышать. И я вспоминал, как он слушает стрекот машин, когда сам подстригает газон вместо того, чтобы включить программное управление, видел, как он вдыхает запах скошенной травы, когда она брызжет на него зеленым фонтаном.

— Дуг,— сказал он часов около пяти, мы только что подобрали полотенца и пошли вдоль приборя к гостинице,— обещаю тебе одну вещь.

— Что?

— Никогда не будь космонавтом.

Я остановился.

— Я серьезно,— продолжал он.— Потому что там тебя всегда будет тянуть сюда, а здесь — туда. Так что лучше и не начинать. Чтобы тебя не захватило.

— Но...

— Ты не знаешь, что это такое. Всякий раз, когда я там, я говорю себе: «Если только вернусь на Землю — останусь насовсем, никогда больше не полечу». И все-таки лечу опять, и наверно всегда будет так.

— Я уже давно хочу стать космонавтом, — сказал я.

Он не слышал моих слов.

— Я *пытаюсь* заставить себя остаться. Когда я в субботу пришел домой, то твердо решил: сделаю все, чтобы заставить себя *остаться*.

Я вспомнил, как он, обливаясь потом, трудился в саду, как мы летели и он постоянно был чем-то увлечен, к чему-то прислушивался. Ну, конечно: все это делалось, чтобы убедить себя, что море, города, земля, родная семья — вот единственно реальное и стоящее в жизни. И я знал, что отец будет делать сегодня ночью: стоя на террасе, он будет смотреть на алмазную россыпь Ориона.

— Обещай, что не станешь таким, как я, — попросил он.

Я помедлил.

— Хорошо, — ответил я.

Он пожал мне руку.

— Умница, — сказал он.

Обед был чудесный. Мама, как только мы вернулись домой, отправилась на кухню и занялась готовкой, возилась с тестом и корицей, гремела кастрюлями и противнями. И вот на столе красуется огромная индейка с приправами — брусничный соус, горошек, пирог с тыквой.

— Разве сегодня праздник? — удивился отец.

— В День Благодарения тебя не будет дома.

— Вот как.

Он вдыхал аромат. Он поднимал крышки с блюд и наклонялся так, чтобы благоуханный пар гладил его загорелое лицо. И каждый раз говорил: «А-ах...» Потом он посмотрел на комнату, на свои руки. Обвел взглядом картины на стенах, стулья, стол, меня, маму. Наконец, прокашлялся; я понял, что он решился.

— Лилли!

— Да? — Мама смотрела на него через стол, который в ее руках превратился в чудесный серебрянный капкан, волшебный омут из подливки, в котором — она надеялась — ее муж, подобно доисторическому зверю в асфаль-

товом пруду, прочно увязнет и останется навсегда, надежно огражденный птичьими косточками. В ее глазах играли искорки.

— Лилли,— сказал отец.

«Ну, ну,— нетерпеливо думал я,— говори же скорее, скажи, что ты на этот раз останешься дома, навсегда, и никогда больше не улетишь, скажи!»

В этот самый миг тишину разорвал пронзительный стрекот пролетающего вертолета, и стекло в окне отозвалось хрустальным звоном. Отец глянул в окно.

Вот они, голубые вечерние звезды, и красный Марс поднимается на востоке.

Целую минуту отец смотрел на Марс. Потом, не глядя, протянул руку в мою сторону.

— Можно мне горошка? — попросил он.

— Простите,— сказала мать,— я совсем забыла хлеб.— И она выбежала на кухню.

— Хлеб на столе,— крикнул я ей вслед.

Отец начал есть, стараясь не глядеть на меня.

В ту ночь я не мог уснуть. Вскоре после полуночи я спустился вниз. Лунный свет будто покрыл все крыши ледяной коркой, сверкающая роса превратила газон в снежное поле. В одной пижаме я стоял на пороге, овеваемый теплым ночным ветром. Вдруг я заметил, что отец здесь, на террасе. Он сидел на механических качелях и медленно качался. Я видел темный профиль, обращенный к небу; он следил за движением звезд. Его глаза были подобны дымчатым кристаллам, в каждом отражалось по луне.

Я вышел и сел рядом.

Мы качались вместе.

Наконец я спросил:

— А в космосе есть смертельные опасности?

— Миллион.

— Назови какие-нибудь.

— Столкновение с метеором, из ракеты выходит весь воздух. Или тебя захватит кометой. Ушиб. Удушье. Взрыв. Центробежные силы. Чрезмерное ускорение. Недостаточное ускорение. Жара, холод, Солнце, Луна, звезды, планеты, астероиды, планетоиды, радиация...

— Погибших сжигают?

— Поди, найди их.

— А куда же девается человек?

— Улетает за миллиарды миль. Такие ракеты называют блуждающими гробами. Ты становишься метеором или планетоидом, который вечно блуждает в космосе.

Я промолчал.

— Зато,— сказал он погодя,— в космосе смерть быстрая. Раз — и нету. Никаких страданий. Чаще всего человек вообще ничего не замечает.

Мы пошли спать.

Настало утро.

Стоя в дверях, отец слушал, как в золотой клетке поет желтая канарейка.

— Итак, решено,— сказал он.— Следующий раз, как вернусь,— уж навсегда, больше никуда не полечу.

— Отец! — воскликнул я.

— Скажи об этом маме, когда она встанет.

— Ты серьезно?

Он кивнул.

— До свидания, через три месяца.

И он зашагал по улице, неприметно неся черную форму под мышкой, насвистывая, поглядывая на высокие зеленые деревья. На ходу сорвал ягоды с куста боярышника и подкинул их высоко в воздух, уходя в прозрачные утренние тени...

Несколько часов спустя я завел разговор с мамой, мне хотелось кое-что выяснить.

— Отец говорит, ты иногда ведешь себя так, словно не видишь и не слышишь его,— сказал я.

Она все мне объяснила.

— Десять лет назад, когда он впервые улетел в космос, я сказала себе: «Он мертв. Или все равно что мертв. Думай о нем, как о мертвом». И когда он три или четыре раза в год возвращается домой, то это и не он вовсе, а просто приятное воспоминание или сон. Если воспоминание или сон прекратятся, это совсем не так больно. Поэтому большую часть времени я думаю о нем как о мертвом...

— Но ведь бывает...

— Бывает, что я ничего не могу с собой поделать. Я пеку пироги и обращаюсь с ним, как с живым, и мне больно.

Нет, лучше считать, что он ушел десять лет назад и я никогда его не увижу. Тогда не так больно.

— Он разве тебе не сказал, что в следующий раз останется насовсем?

Она медленно покачала головой.

— Нет, он умер. Я в этом уверена.

— Он вернется живой,— сказал я.

— Десять лет назад,— продолжала мать,— я думала: что если он погибнет на Венере? Тогда мы больше не сможем смотреть на Венеру. А если на Марсе? Мы не сможем видеть Марс. Только он вспыхнет в небе красной звездой, как нам тотчас захочется уйти в дом и закрыть дверь. А если он погибнет на Юпитере, на Сатурне, Нептуне? В те ночи, когда выходят эти планеты, мы будем ненавидеть звездное небо.

— Еще бы,— сказал я.

Сообщение пришло на следующий день.

Посыльный вручил его мне, и я прочел его, стоя на террасе. Солнце садилось. Мать стояла в дверях и смотрела, как я складываю листок и прячу его в карман.

— Мам,— заговорил я.

— Не говори мне того, что я и без тебя знаю,— сказала она.

Она не плакала.

Нет, его убил не Марс и не Венера, не Юпитер и не Сатурн. Нам не надо было бояться, что мы будем вспоминать о нем всякий раз, когда в вечернем небе загорится Юпитер, или Сатурн, или Марс.

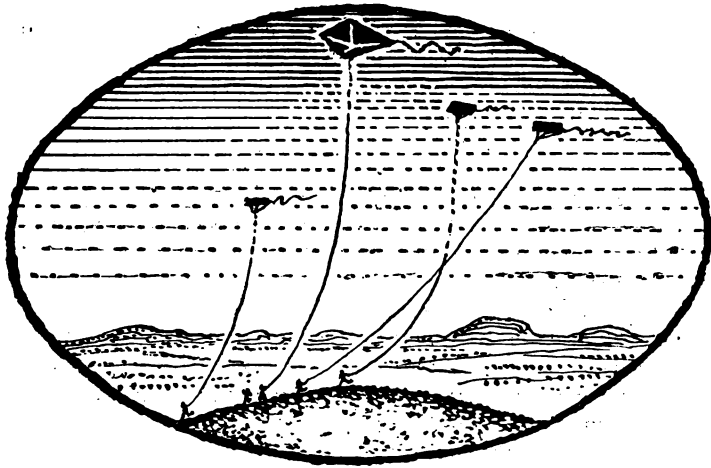
Дело обстояло иначе.

Его корабль упал на Солнце.

Солнце — огромное, пламенное, беспощадное, которое каждый день светит с неба и от которого никуда не уйдешь.

После смерти отца мать долго спала днем и до вечера не выходила. Мы завтракали в полночь, ели ленч в три часа ночи, обедали в шесть утра, когда царил холодный сумрак. Мы уходили в театр на всю ночь и ложились спать на рассвете.

Потом мы еще долго выходили гулять только в дождливые дни, когда не было солнца.

ДЯДЮШКА ЭЙНАР

— Да у тебя на это всего одна минута уйдет, — наставала миловидная супруга дядюшки Эйнара.

— Я отказываюсь, — ответил он. — На отказ секунды достаточно.

— Я все утро трудилась, — сказала она, потирая свою стройную спину, — а ты даже помочь не хочешь. Вон какая гроза собирается.

— И пусть собирается! — сердито воскликнул он. — Хочешь, чтобы меня из-за твоих простыней молния стукнула!

— Да ты успеешь, тебе ничего не стоит.

— Сказал — не буду, и все. — Огромные непромокаемые крылья дядюшки Эйнара нервно жужжали за его негодующей спиной.

Она подала ему тонкую веревку, на которой было подвешено четыре дюжины мокрых простыней. Он с отвращением покрутил веревку кончиками пальцев.

— До чего я дошел, — буркнул он с горечью. — До чего дошел, до чего...

Он едва не плакал злыми, едкими слезами.

— Не плачь, только хуже их намочишь,— сказала она.— Ну, скорей, покружись с ними.

— Покружись, покружись...— Голос у него был глухой и очень обиженный.— Тебе все равно, хоть бы ливень, хоть бы гром.

— Посуди сам: зачем мне просить тебя, если бы день был погожий, солнечный,— рассудительно возразила она.— А если ты откажешься, вся моя стирка насмарку. Разве что в комнатах развесить...

Эти слова решили дело. Больше всего на свете он ненавидел, когда поперек комнат, будто гирлянды, будто флаги, болтались-развевались простыни, заставляя человека ползать на карачках. Он подпрыгнул. Огромные зеленые крылья гулко хлопнули.

— Только до выгона и обратно!

Сильный взмах, прыжок, и он взлетел, взлетел, рубя крыльями прохладный воздух, глядя его. Быстрее, чем вы бы произнесли: «У дядюшки Эйнара зеленые крылья», он скользнул над своим огородом, и длинная трепещущая петля простыней забила в гуле, в воздушной струе от его крыльев.

— Держи!

Круг закончен, и простыни, сухие, как воздушная кукуруза, плавно опустились на чистые одеяла, которые она заранее расстелила в ряд.

— Спасибо! — крикнула она.

Он буркнул в ответ что-то неразборчивое и улетел под яблоню думать свою думу.

Чудесные шелковистые крылья дядюшки Эйнара были словно паруса цвета морской волны, они громко шуршали и шелестели за его спиной, если он чихал или быстро оборачивался. Мало того, что он происходил из совершенно особой Семьи, его талант было видно простым глазом. Все его нечистое племя — братья, племянники и прочая родня, укрывшись в глухих селениях за тридцать земель, творило там чары невидимые, всякую ворожбу, они порхали в небе блуждающими огоньками, рыскали по лесу лунно-белыми волками. Им в общем-то нечего было опасаться обычных людей. Не то что человеку, у которого большие зеленые крылья...

Но ненависти он к своим крыльям не испытывал. Напротив! В молодости дядюшка Эйнар по ночам всегда летал,

ночь для крылатого самое дорогое время! День придет, опасность приведет, так уж заведено. Зато ночью! Ночью как он парил над островами облаков и морями летнего воздуха!.. В полной безопасности. Возвышенный, гордый полет, наслаждение, праздник души.

Теперь он больше не мог летать по ночам.

Несколько лет назад, возвращаясь с пирушки (были только свои) в Меллинтауне, штат Иллинойс, к себе домой на перевал где-то в горах Европы, дядюшка Эйнар почувствовал, что, кажется, перепил этого густого красного вина... «А, ничего, все будет в порядке», — произнес он заплетающимся языком, летя в начале своего долгого пути под утренними звездами, над убаюканными луной холмами за Меллинтауном. Вдруг, как гром среди ясного неба...

Высоковольтная передача.

Точно утка в силках! И скворчит огромная жаровня! И в зловещем сиянии голубой дуги — почерневшее лицо! Невроятный, оглушительный взмах крыльев, он метнулся назад, вырвался из проволочной хватки электричества и упал.

На лунную лужайку под опорой он упал с таким шумом, словно с неба обронили большую телефонную книгу.

Рано утром следующего дня дядюшка Эйнар поднялся на ноги, тяжелые от росы крылья лихорадочно дрожали. Было еще темно. Тонкий бинт рассвета опоясал восток. Скоро сквозь марлю проступит кровь, и уж тогда не полетишь.

Оставалось только укрыться в лесу и там, в чаще, переждать день, пока новая ночь не окрылит его для незримого полета в небесах.

Вот каким образом он встретил свою жену.

В тот день, необычно теплый для начала ноября в Иллинойсе, хорошенькая юная Брунилла Вексли, судя по всему, отправилась доить затерявшуюся корову. Во всяком случае, она держала в одной руке серебряный подойник и, пробираясь сквозь чащу, остроумно убеждала невидимую беглянку идти домой, пока вымя не лопнуло от молока. Тот факт, что корова скорее всего сама придет, как только ее соски соскучатся по пальцам доярки, Брунилле Вексли несколько не занимал. Ей, Брунилле, лишь бы по лесу бродить, пух с цветочков сдувать, да травинки жевать; этим она и была занята, когда набрела на дядюшку Эйнара.

Он крепко спал возле куста и походил на самого обыкновенного человека под зеленым пологом.

— О! — взволнованно воскликнула Брунилла. — Мужчина. В плащ-палатке.

Дядюшка Эйнар проснулся. Палатка раскрылась за его спиной, точно большой зеленый веер.

— О! — воскликнула Брунилла, коровий следопыт. — Мужчина с крыльями!

Вот как она реагировала. Разумеется, она оторопела, но Брунилла еще ни от кого в жизни не видела обиды, а потому никого не боялась, и ведь так интересно было встретить крылатого мужчину, ей это даже польстило. Она заговорила. Через час они уже были старыми друзьями, через два часа она совершенно забыла про его крылья. И он незаметно для себя все выложил, как очутился в этом лесу.

— Я уж и то заметила, что у вас вид какой-то пришибленный, — сказала она. — Правое крыло совсем скверно выглядит. Давайте-ка лучше я вас отведу к себе домой и подлечу его. Все равно, с таким крылом вам до Европы не долететь. Да и кому охота в такое время жить в Европе?

Он сказал спасибо, но нельзя... неудобно как-то.

— Ничего, я живу одна, — настаивала Брунилла. — Сами видите, какая я дурнушка.

Он пылко возразил.

— Вы добрый, — сказала она. — Но я дурнушка, зачем обманывать себя. Родные померли, оставили мне ферму, ферма большая, а я одна, и до Меллинтауна далеко, не с кем даже словечком перемолвиться.

Он спросил, неужели она его не боится.

— Скажите лучше: радуюсь, восхищаюсь... — ответила Брунилла. — Можно?

И она с легкой завистью погладила широкие зеленые перепонки, прикрывшие его плечи. Он вздрогнул от прикосновения и прикусил язык.

Словом, что тут говорить: пойдете на ферму, там есть лекарства и притирания я... «Ой! какой ожог через все лицо, ниже глаз!»

— Счастье, что вы не ослепли, — сказала она. — Как же это случилось?

— Понимаете... — начал он, и они очутились на ферме, не заметив даже, что целую милю прошли, не сводя глаз друг с друга.

Прошел день, за ним другой, и он простился с ней у порога, пора и честь знать, от души поблагодарил за прищипки, заботу, кров. Смеркалось — шесть часов вечера, — а ему до пяти утра надо успеть пересечь целый океан и материк.

— Спасибо, всего хорошего, — сказал он, взмахнул крыльями в сумеречном воздухе и врезался в клен.

— О! — вскричала она и бросилась к бесчувственному телу.

Придя в себя час спустя, дядюшка Эйнар уже знал, что ему больше никогда не летать в темноте. Его тончайшая ночная восприимчивость исчезла; крылатая телепатия, которая предупреждала, когда на пути вырастала башня, гора, дерево, дом, безошибочное ясновидение и чувствительность, которые вели его сквозь лабиринт лесов, скал, облаков, — все бесповоротно выжег этот удар по лицу, голубое, жгучее электрическое шипение...

— Как?.. — тихо простонал он. — Как я вернусь в Европу? Если полечу днем, меня заметят и — жалкий анекдот! — могут сбить! А то еще в зоопарк поместят, страшно подумать! Брунилла, скажи, как мне быть?

— О, — прошептала она, глядя на свои руки, — что-нибудь придумаем...

Они поженились.

На свадьбу явилось все его племя. Они летели с могучей, шуршащей и шелестящей осенней лавиной кленовых, дубовых, вязовых и платановых листьев, сыпались вниз с ливнем каштанов, словно зимние яблоки глухо гудали оземь, мчались с ветром, с проникающим всюду дыханием уходящего лета. Обряд? Он был краток, как жизнь черной свечи, что зажгли и задули, и только вьется в воздухе тонкий дымок. Но ни краткость обряда, ни странная его необычность, ни загадочный смысл не были замечены Брунилой, она всем существом слушала тихий рокот крыльев дядюшки Эйнара, далекий прибой, который подвел итог таинству. Что же до дядюшки Эйнара, то рана, перечеркнувшая его лицо, почти зажила, и, стоя под руку с Брунилой, он чувствовал, как Европа тает, исчезает и теряется вдали.

Ему не требовалось особенно хорошего зрения, чтобы взлететь прямо вверх и так же прямо опуститься. И не было ничего удивительного в том, что в свадебную

ночь он поднял Брунилла на руки и взлетел с ней в небеса.

Фермер, живущий от них в пяти милях, глянул в полночь на низко плывущую тучу и заметил слабые вспышки, треск.

— Зарница, — решил он и пошел спать.

Они спустились только утром, вместе с росой.

Брак был удачный. Стоило ей взглянуть на него, и мысль о том, что она единственная в мире женщина, которая замужем за крылатым человеком, переполняла ее гордостью.

— Кто еще может сказать о себе так? — спрашивала Брунилла свое зеркало. И ответ гласил: — Никто!

А ему за ее внешностью открылась замечательная красота, великая доброта и понимание. Приноравливаясь к ее образу мыслей, он кое в чем изменил свой стол, в комнатах старался не очень размахивать крыльями; битая посуда да разбитые лампы были ему что нож острый, он держался от стекла подальше. И часы сна переменились, ведь он теперь все равно не летал по ночам. В свою очередь она приспособила стулья так, чтобы его крыльям было удобно, тут прибавила набивки, там убавила, а слова, которые она ему говорила, были теми словами, за которые он ее любил.

— Все мы в коконах скрыты, каждый в своем, — сказала она однажды. — Видишь, какая я дурнушка? Но настанет день, я выйду из кокона и расправлю крылья, такие же чудные и красивые, как твои.

— Ты уже давно вышла, — ответил он.

Она подумала над его словами и согласилась.

— Да... И я точно знаю, в какой день это было. В лесу, когда я искала корову, а нашла палатку!

Они рассмеялись, и в его объятиях она чувствовала себя такой прекрасной, что не сомневалась: замужество исторгло ее из некрасивой оболочки, точно сверкающий меч из ножен.

У них появились дети. Сперва возникло опасение (лишь у него), что они будут крылатые.

— Вздор, я только рада буду! — сказала она. — Не будут под ногами болтаться.

— Зато в твоих волосах запутаются! — воскликнул он.

— О! — ужаснулась она.

Родилось четверо, три мальчика и девочка, да такие не-

поседы, словно у них и впрямь были крылья. Росли они, как грибы; не прошло и нескольких лет, как дети в жаркие летние дни упрашивали папу посидеть с ними под яблоней, сделать крыльями холодок и рассказать захватывающую дух сияющую сказку про острова облаков в океане небес, про химеры, которые лепит из тумана ветер, какой вкус у звездочки, тающей у тебя во рту, или у студеного горного воздуха, каково быть камнем, падающим с Эвереста, и в последний миг, расправив крылья-лепестки, у самой земли расцвести зеленым цветком.

Вот так сложился его брак.

И вот сегодня, шесть лет спустя, сидит дядюшка Эйнар под яблоней, сидит, тоскует, раздражительный, злой. Не потому что ему так хочется, а потому что и столько времени спустя он не может летать в вольном ночном небе: его чудесное свойство так и не вернулось к нему. Сидит уныло, пригорюнившись — зеленый летний зонт, покинутый и забытый легкомысленными отпускниками, которые некогда искали убежища в его прозрачной тени. Неужто так и придется всегда сидеть, не смея днем расправить крылья в поднебесье — как бы кто не увидел? Неужто единственное, на что он способен, — быть бельсусшкой для жены, веером для ребятишек в жаркий августовский полдень? Да, он и прежде всегда выполнял поручения Семьи, летая быстрее ветра! Бумерангом проносился над горами и долами и пушинкой спускался на землю. У него всегда водились деньги: крылатому человеку бездельничать не дадут! А теперь? Горечь и боль! Его крылья забились, встряхнули воздух, получился какой-то скованный гром.

— Пап! — позвала маленькая Мег.

Дети стояли перед ним, глядя на его хмурое лицо.

— Пап, — сказал Рональд, — сделай еще гром!

— Сейчас еще холодно, март, а вот скоро будут и дожди, и вдоволь грома, — ответил дядюшка Эйнар.

— Пойдем с нами, посмотришь! — предложил Майкл.

— Да ну, побежали скорей! Пусть его сидит и мечтает!

Ему сейчас было не до любви, не до детей любви, не до любви детей. Он весь отдался мечте о небесах, поднебесной высоте, горизонтах, воздушных далях; будь то днем или ночью, при звездах, луне или солнце, облачно или ясно, — когда ни воспарить, впереди — не догнать! — летят небеса, горизонты, дали. А он... А он кружит над выгоном, у самой земли: не дай бог увидят...

Прозябание в темной дыре!

— Март! Март! — пела Мег. — Мы на горку идем, пап, пошли с нами! Там даже из городка дети будут!

— На какую еще горку? — буркнул дядюшка Эйнар.

— На Змееву, какую же еще! — дружно откликнулись дети.

Он наконец посмотрел на них.

У каждого был в руках большой бумажный змей, и горящие нетерпением детские лица предвкушали шальную радость. Коротенькие пальцы сжимали мотки белой бечевки. Снизу у красно-сине-желто-зеленых змеев висели хвосты из тряпичных и шелковых лоскутков.

— Мы будем запускать наших змеев! — сказал Рональд. — Пойдешь с нами?

— Нет, — печально ответил он. — Нельзя, чтобы меня кто-нибудь увидел, могут быть неприятности.

— А ты спрячься в лесу за деревьями и смотри оттуда, — предложила Мег. — Мы сами сделали змеев, сами! Знаем, как делать!

— Откуда же вы знаете?

— Ты наш отец! — дружно крикнули дети. — Вот откуда!

Он долго глядел на них. Он вздохнул.

— Сегодня Праздник змеев?

— Да, папа.

— Я выиграю, — сказала Мег.

— Нет, я! — заспорил Майкл.

— Я, я! — запищал Стивен.

— Силы небесные! — воскликнул дядюшка Эйнар, подпрыгнув высоко в воздух, и крылья его загремели, будто громогласные литавры. — Дети! Мои дорогие, славные, обожаемые дети!

— Папа, что случилось? — Майкл даже попятился.

— Ничего, ничего, ничего! — распевал Эйнар.

Он расправил крылья, напряг их до предела, все силы собрал... Бамм! Точно исполинские медные тарелки! Дети даже упали от сильного вихря!

— Нашел, нашел! Я снова вольная птица! Как искра в трубе! Как перышко на ветру! Брунилла! — Он повернулся к дому. — Брунилла!

Она вышла на его зов.

— Я свободен! — воскликнул он, приподнявшись на цыпочках, раздумяившийся, высокий. — Слышишь, Брунил-

ла, зачем мне ночь! Я могу летать днем! И ночь ни при чем! Теперь каждый день летать буду, круглый год! Господи, да что я время теряю. Смотри!

И на глазах у встревоженных домочадцев он оторвал у одного из змеев лоскутный хвост, привязал его себе к ремню сзади, схватил моток бечевки, один конец зажал в зубах, другой отдал детям — и полетел, полетел в небеса, подхваченный буйным мартовским ветром!

Через фермы, через луга, отпуская бечеву в светлое дневное небо, ликуя, спотыкаясь, бежали-торопились его дети, а Брунилла стояла на дворе, провожая их взглядом, и смеялась, и махала рукой, и видела, как ее дети прибежали на Змееву горку, как встали там, все четверо, держа бечевку нетерпеливыми, гордыми пальцами, и каждый дергал, подтягивал, направляя... И все дети Меллинтауна прибежали со своими бумажными змеями, чтобы запустить их с ветром, и они увидели огромного зеленого змея, как он взмывал и парил в небесах, и закричали:

— О, о, какой змей! Какой змей! О, как мне хочется такого змея! Где, где вы его взяли?!

— Это наш папа сделал! — воскликнули Мег, и Майкл, и Стивен, и Рональд и лихо дернули бечевку, так что змей, жужжащий, рокочущий змей в небесах нырнул, и снова взмыл, и прямо на облаке начертил большой волшебный восклицательный знак!

НЕСКОНЧАЕМЫЙ ДОЖДЬ

Дождь продолжался — жестокий нескончаемый дождь, нудный, изнурительный дождь; ситничек, косохлест, ливень, слепящий глаза, хлюпающий в сапогах; дождь, в котором тонули все другие дожди и воспоминания о дождях. Тонны, лавины дождя кромсали заросли и секли деревья, долбили почву и смывали кусты. Дождь морщил руки людей наподобие обезьяньих лап; он сыпался твердыми стеклянными каплями; и он лил, лил, лил...

- Сколько еще, лейтенант?
- Не знаю. Миля. Десять миль, тысяча.
- Вы не знаете точно?
- Как я могу знать точно?
- Не нравится мне этот дождь. Если бы только знать, сколько еще до Солнечного Купола, было бы легче.
- Еще час, самое большее — два.
- Вы в самом деле так думаете, лейтенант?
- Конечно.
- Или ждете, чтобы нас подбодрить?
- Лгу, чтобы вас подбодрить. Хватит, поговорили!

Двое сидели рядом. Позади них — еще двое, мокрые, усталые, обмякшие, как размытая глина под ногами.

Лейтенант поднял голову. Когда-то его лицо было смуглым, теперь кожа выцвела от дождя; выцвели и глаза, стали белыми, как его зубы и волосы. Он весь был белый, даже мундир побелел, если не считать зеленоватого налета плесени.

Лейтенант чувствовал, как по щекам бегут струи воды.

— Сколько миллионов лет прошло, как здесь, на Венере, прекратились дожди?

— Не острите, — сказал один из второй двойки. — На Венере всегда идет дождь. Всегда. Я жил здесь десять лет, и ни на минуту, ни на секунду не прекращался ливень.

— Все равно, что под водой жить. — Лейтенант встал и поправил свое оружие. — Что ж, пошли. Мы найдем Солнечный Купол.

— Или не найдем, — заметил циник.

— Еще час или около этого.

— Вы меня обманываете, лейтенант.

— Нет, я обманываю самого себя. Бывают случаи, когда надо лгать. Моим силам тоже есть предел.

Они двинулись по тропе сквозь заросли, то и дело поглядывая на свои компасы. Кругом — никаких ориентиров, только компас знал направление. Серое небо и дождь, заросли и тропа и где-то далеко позади — ракета, на которой они летели и вместе с которой упали. Ракета, в которой лежали два их товарища — мертвые, омываемые дождем.

Они шли гуськом, не говоря ни слова. Показалась река — широкая, плоская, бурая. Она текла в Великое море. Дождевые капли выбили на ее поверхности миллиарды кратеров.

— Давайте, Симмонс.

Лейтенант кивнул, и Симмонс снял со спины небольшой сверток. Химическая реакция превратила сверток в лодку. Следуя указаниям лейтенанта, они срубили толстые сучья и быстро смастерили весла, после чего поплыли через поток, торопливо гребя под дождем.

Лейтенант ощущал холодные струйки на лице, на шее, на работающих руках. Холод просачивался в легкие. Дождь бил по ушам и глазам, по икрам.

— Я не спал эту ночь, — сказал он.

— А кто спал? Кто? Когда? Сколько мы ночей спали? Тридцать ночей — что тридцать дней! Кто может спать,

когда по голове хлещет, барабанит дождь... Все бы отдал за шляпу. Любую, лишь бы перестало стучать по голове. У меня головная боль. Вся кожа на голове воспалена, так и саднит.

— Черт меня занес в этот Китай, — сказал другой.

— Впервые слышу, чтобы Венеру называли Китаем.

— Конечно. Вспомните древнюю пытку. Тебя приковывают к стене. Каждые полчаса на тебя падает капля воды. И ты теряешь рассудок от одного ожидания. То же самое здесь, только масштабом побольше. Мы не созданы для воды. Мы не можем спать, не можем как следует дышать, мы на границе помешательства от того, что без конца ходим мокрые. Будь мы готовы к аварии, запаслись бы непромокаемой одеждой и шлемами. Главное, по голове все барабанит и барабанит. Тяжелый такой... Словно картечь. Я не выдержу долго.

— Эх, где Солнечный Купол! Кто их придумал, тот знал свое дело.

Плывя через реку, они думали о Солнечном Куполе, который ждал где-то в зарослях, ослепительно сияя под дождем. Желтое строение, круглое, светящееся, яркое; как солнце. Пятнадцать футов в высоту, сто футов в поперечнике; тепло, тихо, горячая пища, никакого дождя. А в центре Солнечного Купола, само собой, — солнце. Небольшой свободно парящий шар желтого пламени над самым сводом, и ты можешь его видеть отовсюду, сидя с книгой или сигаретой, или с чашкой горячего шоколада, в котором плавают сливки. Оно ждет их, золотистое солнце, на вид такое же, как земное; ласковое, немеркнувшее; и на то время, что ты праздно проводишь в Солнечном Куполе, можно забыть о дождливом мире Венеры.

Лейтенант обернулся и посмотрел на своих товарищей, что скрипя зубами налегали на весла. Они были белые, как грибы, — как он сам. Венера все обесцвечивает за несколько месяцев. Даже лес казался огромной декорацией из кошмара. Откуда ему быть зеленым без солнца, в вечном сумраке, под нескончаемым дождем? Белые-белые заросли; бледные, как плавленый сыр, листья; стволы, будто ножки гигантских поганок; почва, словно из влажного камамбера... Впрочем, не так-то просто увидеть почву, когда под ногами потоки, ручьи, лужи, а впереди пруды, озера, реки и, наконец, море.

— Есть!

Они выскочили на раскисший берег, шлепая по воде, Выпустили газ из лодки и сложили ее в коробку. Потом, стоя под дождем, попытались закурить. Минут пять, если не больше, бились они, дрожа, над зажигалкой, затем, пряча сигареты в ладони, сделали несколько затяжек. В следующий миг табак уже раскис, и тяжелые капли выбили сигареты из сжатых губ.

Они пошли дальше.

— Стойте, минутку,— сказал лейтенант.— Мне показалось, я что-то увидел.

— Солнечный Купол?

— Я не уверен. Дождь не дал разглядеть.

Симмонс побежал вперед:

— Солнечный Купол!

— Назад, Симмонс!

— Солнечный Купол!

Он исчез за дождевыми струями. Остальные ринулись вдогонку.

Они догнали его на прогалине и стали, как вкопанные, глядя на него и его находку.

— Ракета...

Она лежала там, где они ее покинули. Выходит, они кружили и очутились в том самом месте, откуда начали свой долгий путь... Среди обломков лежали двое погибших, изо рта у них росла зеленоватая плесень. На глазах космонавтов плесень расцвела, но дождь сбил лепестки, и плесень увяла.

— Как же это случилось?

— Видно, поблизости прошла электрическая буря. Она испортила наши компасы. В этом все дело.

— Верно.

— Что же делать теперь?

— Идти снова.

— Черт дери, мы топтались на месте!

— Ладно, Симмонс, постарайся взять себя в руки.

— В руки, в руки! Этот дождь сведет меня с ума!

— У нас хватит еще продуктов дня на два, если быть экономными.

Дождь плясал по их коже, по мокрой одежде; струи дождя бежали с кончика носа, с ушей, с пальцев, колен. Они были словно заброшенные в дебрях каменные бассейны; из каждой поры сочилась вода.

Вдруг издали донесся грозный рев.

Из пелены дождя вынырнуло чудовище.

Чудовище опиралось на тысячу голубых электрических ног. Оно приближалось быстро и неотвратно. Каждый его шаг был как удар с плеча. Там, где ступали голубые ноги, деревья падали и сгорали. Могучие вихри озона заполнили влажный воздух, дым метался во все стороны, разбиваемый дождем. Чудовище было длиной с полмили, вышиной — с милю, оно ощупывало землю, словно слепой исполин. Иногда, на короткое мгновение, оно оказывалось совсем без ног. В следующий миг из его брюха вырывались тысячи хлыстов, которые беспощадно жалили заросли.

— Электрическая буря, — сказал один из четверки. — Она вывела из строя компасы. Теперь идет на нас.

— Ложись! — приказал лейтенант.

— Бегите! — заорал Симмонс.

— Не дурите. Ложитесь. Она бьет в самые высокие точки. Мы еще можем спастись. Ложитесь не ближе пятидесяти футов от ракеты. Глядишь, потратит на нее весь свой заряд, а нас минует. Живей!

Они шлепнулись наземь.

— Идет? — почти сразу послышался вопрос.

— Идет.

— Приблизилась?

— Осталось двести ярдов.

— А сейчас?

— Вот она!

Чудовище повисло над ними. Оно обронило десять голубых стрел-молний, и они вонзились в ракету. Ракета вздрогнула, точно гонг от удара, и издала глухой металлический звук. Чудовище обронило еще пятнадцать стрел. Они плясали в причудливой пантомиме, поглаживая деревья и мокрую землю.

— А-а! — Один из космонавтов вскочил на ноги.

— Ложись, идиот! — крикнул лейтенант.

— А-а!

Еще десяток молний поразили ракету. Лейтенант повернул лежащую на руке голову и увидел ослепительно голубые вспышки. Он видел, как раскалываются вдребезги деревья. Он видел, как чудовищное темное облако, словно черный диск, повернуло над ними и метнуло вниз сотню электрических стрел.

Тот, что вскочил на ноги, теперь бежал будто в огромном

зале с колоннами. Он метался, петлял среди колонн, но они вдруг рухнули и послышался такой звук, словно муха села на раскаленную проволоку-ловушку. Такие ловушки были дома на ферме лейтенанта в годы его детства. Три товарища слышали запах человека, обращенного в золу.

Лейтенант спрятал лицо.

— Не поднимать головы! — распорядился он.

Он боялся, что вот-вот сам вскочит и побежит.

Озарив лес еще десятком молний, буря двинулась дальше. Снова кругом был один сплошной дождь. Он быстро унес запахи горелого, и три товарища сели, ожидая, когда угомонится отчаянно колотящееся сердце.

Потом они пошли к телу, надеясь, что еще можно вернуть его к жизни. Они не могли смириться с мыслью, что уже ничего нельзя сделать. Это была естественная реакция людей, которые не хотят признать смерть, пока не убедятся, пока не коснутся ее и не решат — хоронить или предоставить это быстро поднимающейся поросли.

Тело было словно скрученная сталь, обернутая сожженной кожей. Будто восковая кукла, которую бросили в печь и извлекли из огня, когда лишь тонкая пленка воска осталась на обугленном скелете. Только зубы не почернели, и они сверкали, как причудливый белый браслет, зажатый в черном кулаке.

— Зачем он вскочил...

Они сказали это почти одновременно.

На глазах у них тело стало исчезать под покровом растений. Вьюнки, плющ, даже цветы для покойного...

Буря, шагая на голубых ходулях, исчезла вдали.

Они пересекли реку, ручей, поток и еще дюжину рек, ручьев, потоков. Реки, новые реки рождались у них на глазах, а старые меняли русла; реки цвета ртути, реки цвета серебра и молока.

Они вышли к морю.

Великое море... На Венере был всего один материк. Он простирался на три тысячи миль в длину и на тысячу в ширину, окруженный со всех сторон Великим Морем, покрывающим всю остальную часть дождливой планеты. Великое море лениво лизало бледный берег.

— Нам туда.— Лейтенант кивнул на юг.— Я уверен, что в той стороне находятся два Солнечных Купола.

— Раз уж начали, почему сразу не построили еще сотню?

— Всего их на острове сто двадцать штук, верно?

— К концу прошлого месяца было сто двадцать шесть. Год назад в конгрессе на Земле предложили построить еще два-три десятка, да только сами знаете, как сложно с асигнованиями. Пусть лучше несколько человек свихнутся от дождя.

Они зашагали на юг.

Лейтенант, Симмонс и третий космонавт, Пикар, шагали под дождем, который шел то реже, то гуще, то реже, то гуще; под ливнем, который хлестал и лил, и не переставая барабанил по суше, по морю и по идущим людям.

Симмонс первый заметил его.

— Вот он!

— Что там?

— Солнечный Купол!

Лейтенант моргнул, стряхивая с век влагу, и заслонил глаза сверху рукой, защищая их от хлестких капель.

Поодаль, у моря, на краю леса, что-то желтело. Да, это он — Солнечный Купол!

Люди улыбались друг другу.

— Похоже, вы были правы, лейтенант.

— Удача!

— От одного вида сил прибавляется. Вперед! Кто первый?! Последний будет сукин сын! — Симмонс затрусил по лужам. Остальные механически последовали его примеру. Они устали, запыхались, но не ослабляли скорость.

— Вот когда я кофе напьюсь, — пропыхтел, улыбаясь, Симмонс. — А булочки с изюмом — это же объединение! А потом лягу, и пусть солнышко печет... Тому, кто изобрел Солнечные Куполы, орден надо дать!

Они побежали быстрее, желтый отсвет стал ярче.

— Наверно, сколько людей тут помешалось, пока не появились убежища. А что! Очень просто. — Симмонс отрывисто выдыхал слог. — Дождь, дождь! Несколько лет назад. Встретил приятеля. Моего друга. В лесу. Бродит вокруг. Под дождем. И все твердит. «Сам не знаю, как войти, из-за дождя. Сам не знаю, как войти, из-за дождя. Сам не знаю...» И так далее. Без конца. Рехнулся, бедняга.

— Береги дыхание!

Они продолжали бежать.

Они смеялись на бегу и смеясь достигли двери Солнечного Купола.

Симмонс рывком распахнул дверь.

— Эгей! — крикнул он. — Где булочки и кофе, подавайте их сюда!

Никто не отозвался.

Они шагнули внутрь.

В Солнечном Куполе было пусто и темно. Ни желтого искусственного солнца, парящего в прозрачной мгле в центре голубого свода, ни накрытого стола. Холодно, словно в склепе, а сквозь тысячи отверстий в своде пробивался дождь. Струи падали на ковры и мягкие кресла, разбивались о стеклянные крышки столов. Густые заросли, словно исполинский мох, покрывали стены, верх книжного шкафа, диваны. Крупные капли, срываясь сверху, хлестали по лицам людей.

Пикар тихонько рассмеялся.

— Пикар, прекратить!

— Господи, вы только посмотрите: ни солнца, ни пищи — ничего. Венески — это их рук дело! Конечно!

Симмонс кивнул, роняя капли со лба. Вода бежала по его серебристым волосам и белесым бровям.

— Время от времени венески выходят из моря и нападают на Солнечный Купол. Они знают, что если уничтожат Куполы, то могут нас погубить.

— Но разве наша охрана не вооружена?

— Конечно. — Симмонс шагнул на относительно сухой клочок пола. — Но с последнего нападения прошло пять лет. Бдительность ослабла, и они захватили здешнюю охрану врасплох.

— Где же тела?

— Венески унесли их с собой, в море. У них, говорят, есть свой способ топить пленников. Медленный способ, вся процедура длится около восьми часов. Просто очаровательно.

— Держу пари, что не осталось ни крошки еды, — усмехнулся Пикар.

Лейтенант неодобрительно взглянул на него, потом сделал многозначительный жест Симмонсу. Симмонс покачал головой и зашел в помещение, расположенное у стены. Там была кухня. Раскисшие буханки хлеба беспорядочно валялись на полу, мясо обросло нежно-зеленой плесенью. Из множества дыр в потолке струился дождь.

— Восхитительно.— Лейтенант смотрел на дыры.— Боюсь, нам вряд ли удастся законопатить это сито и навести порядок.

— Без продуктов? — Симмонс фыркнул.— К тому же солнечные генераторы разбиты вдребезги. Лучшее, что можно придумать,— идти до следующего Солнечного Купола. Сколько до него отсюда?

— Недалеко. Помнится, как раз тут поставили два Купола очень близко один от другого. Если обождать здесь, может подойти спасательный отряд...

— Наверно они уже приходили и ушли. Месяцев через шесть пришлют ремонтную бригаду,— когда поступят средства от конгресса. Нет, уже лучше не ждать.

— Ладно. Съедем остатки нашего рациона и пойдем.

— Если бы только дождь перестал колотить меня по голове,— заговорил Пикар.— Хоть на несколько минут. Просто, чтобы я вспомнил, что такое покой.

Он сжал голову обеими руками.

— Помню, в школе за мной сидел один изверг и шипал, шипал, шипал меня каждые пять минут. И так весь день. Это длилось неделями, месяцами. Мои руки были в синяках, кожа вздулась. Я думал, что сойду с ума от этого шипанья. И он меня довел. Кончилось тем, что я действительно взбесился от боли, схватил металлический треугольник для черчения и чуть не убил этого ублюдка. Чуть не отсек ему башку, чуть не выколол глаза, меня еле от него оторвали. И все время кричал: «Чего он ко мне пристает?» Господи! — Дрожащие руки все сильнее стискивали голову, глаза были закрыты.— А что я могу сделать сейчас? Кого ударить, кому сказать, чтобы перестал, оставил меня в покое. Дождь, проклятый дождь, не дает передышки, шиплет и шиплет, только и слышно, только и видно что дождь, дождь, дождь!

— К четырем часам мы будем у следующего Солнечного Купола.

— Солнечного Купола? Такого же, как этот?! А если они все разгромлены? Что тогда? Если во всех куполах дыры, и всюду хлещет дождь?!

— Что ж, попытаем счастья.

— Мне надоело пытаться счастья. Все, чего я хочу,— крыша над головой и хоть чуточку покоя. Хочу побыть один.

— Туда всего восемь часов хорошего хода.

— Не беспокойтесь, я не отстану.— Пикар рассмеялся, отводя взгляд.

— Давайте поедим,— сказал Симмонс, пристально наблюдая за ним.

Они снова пошли вдоль побережья на юг. На пятом часу пути им пришлось свернуть, так как дорогу преградила река, настолько широкая и бурная, что на лодке не одолеть. Они поднялись на десять километров вверх по реке и увидели, что она бьет из земли, словно кровь из смертельной раны. Обойдя исток, они под непрекращающимся дождем снова спустились к морю.

— Я должен поспать,— сказал Пикар, оседая на землю.— Четыре недели не спал. Ни минуты не уснул... Спать, здесь...

Небо стало темнее. Надвигалась ночь, а на Венере ночью царит такой мрак, что опасно двигаться. У Симмонса и лейтенанта тоже подкашивались ноги.

Лейтенант сказал:

— Ладно, попробуем. Может быть, на этот раз получится. Хотя эта погода не очень-то благоприятствует сну.

Они легли, подложив руки под головы так, чтобы вода не захлестывала рот и закрытые глаза. Лейтенанта трясло.

Он не мог уснуть.

Что-то ползало по нему. Что-то словно обтягивало его живой, копошащейся пленкой. Капли, падая, соединялись с другими каплями, и получались струйки, которые просачивались сквозь одежду и щекотали кожу. Одновременно на ткань садились, тут же пуская корни, маленькие растения. А вот уж и плющ обвивает все тело плотным ковром; он чувствовал, как крохотные цветы образуют бутон, раскрываются и роняют лепестки. А дождь все барабанил по голове. В прозрачном свете — растения фосфоресцировали в темноте — он видел фигуры своих товарищей: будто упавшие стволы, покрытые бархатным ковром трав и цветов. Дождь хлестал по его шее. Он повернулся в грязи и лег на живот, на липкие растения; теперь дождь хлестал по спине и ногам.

Он вскочил на ноги и стал лихорадочно стряхивать с себя воду. Тысячи рук трогали его, но он не мог больше выносить, чтобы его трогали. Содрогаюсь, он что-то задел.

Ну, конечно, Симмонс стоял под струями дождя, дрожа, чихая и кашляя. В тот же миг вскочил и Пикар и с криком заметался вокруг них.

— Постойте, Пикар!

— Прекратите! Прекратите! — кричал Пикар. — Потом схватил ружье и выпустил в ночное небо шесть зарядов.

Каждая вспышка освещала полчища дождевых капель, которые на миг застывали в воздухе, словно ошеломленные выстрелами, — пятнадцать миллиардов капель, пятнадцать миллиардов слез, пятнадцать миллиардов бусинок или драгоценных камней на фоне белого бархата витрины. Свет гас, и капли, что задерживали свой полет, чтобы их могли запечатлеть, падали на людей, жала их, словно рой насекомых, воплощение холода и страданий.

— Прекратите! Прекратите!

— Пикар!

Но Пикар вдруг будто онемел. Он не метался больше, стоял неподвижно. Лейтенант осветил фонариком его мокрое лицо: Пикар, широко раскрыв рот и глаза, смотрел вверх, дождевые капли разбивались о его язык и глазные яблоки, булькали пеной в ноздрах.

— Пикар!

Он не отвечал и не двигался. Влажные пузырьки лопались на его белых волосах, по шее и кистям рук катились прозрачные алмазы.

— Пикар! Мы уходим. Идем дальше. Пошли!

Крупные капли срывались с его ушей.

— Слышишь, Пикар!

Он точно окаменел.

— Оставьте его, — сказал Симмонс.

— Мы не можем уйти без него.

— А что же делать, нести его? — Симмонс плюнул. —

Поздно: он уже не человек... Знаете, что будет дальше?

Он так и будет стоять, пока не захлебнется.

— Что?

— Неужели вы не слышали об этом? Пора уже знать.

Он будет стоять задрав голову, чтобы дождь лил ему в рот и нос. Будет вдыхать воду.

— Не может быть!

— Так было с генералом Ментом. Когда его нашли, он сидел на утесе, запрокинув голову, и дышал дождем. Легкие были полны воды.

Лейтенант снова осветил немигающие глаза. Ноздри Пикара тихо сипели.

— Пикар! — Лейтенант ударил ладонью по его безумному лицу.

— Он ничего не чувствует, — продолжал Симмонс. — Несколько дней под таким дождем, и любой перестанет ощущать собственные руки и ноги.

Лейтенант в ужасе поглядел на свою руку. Она онемела.

— Но мы не можем бросить Пикара.

— Вот все, что мы можем сделать. — Симмонс выстрелил. Пикар упал на затопленную землю.

— Спокойно, лейтенант, — сказал Симмонс. — В моем пистолете найдется заряд и для вас. Спокойно. Подумайте как следует: он все равно стоял бы так до тех пор, пока не захлебнулся бы. Я сократил его мученья.

Лейтенант скользнул взглядом по распростертому телу.

— Вы убили его.

— Да. Иначе он погубил бы нас всех. Вы видели его лицо. Он помешался.

Помолчав, лейтенант кивнул.

— Это верно.

И они пошли дальше под ливнем.

Было темно, луч фонарика проникал в стену дождя лишь на несколько футов. Через полчаса они выдохлись. Пришлось сесть и ждать, ждать утра, борясь с мучительным чувством голода. Рассвело; серый день, нескончаемый дождь... Они продолжали путь.

— Мы просчитались, — сказал Симмонс.

— Нет. Через час будем там.

— Говорите громче, я вас не слышу. — Симмонс остановился, улыбаясь. — Уши. — Он коснулся их руками. — Они отказали. От этого бесконечного дождя я онемел весь, до костей.

— Вы ничего не слышите? — спросил лейтенант.

— Что? — Симмонс озадаченно смотрел на него.

— Ничего. Пошли.

— Я лучше обожду здесь. А вы идите.

— Ни в коем случае.

— Я не слышу, что вы говорите. Идите. Я устал. По моему, Солнечный Купол не в этой стороне. А если и в этой, то, наверно, весь свод в дырах, как у того, что мы видели. Лучше я посижу.

— Сейчас же встаньте!

— Пока, лейтенант.

— Вы не должны сдаваться, осталось совсем немного.

— Видите — пистолет. Он говорит мне, что я останусь. Мне все осточертело. Я не сошел с ума, но скоро сойду. А этого я не хочу. Как только вы отойдете достаточно далеко, я застрелюсь.

— Симмонс!

— Вы произнесли мою фамилию, я вижу по губам.

— Симмонс.

— Поймите, это всего лишь вопрос времени. Либо я умру сейчас, либо через несколько часов. Представьте себе, что вы дошли до Солнечного Купола, — если только вообще дойдете, — и находите дырявый свод. Вот будет приятно!

Лейтенант подождал, потом зашлепал по грязи. Отойдя он обернулся и окликнул Симмонса, но тот сидел с пистолетом в руке и ждал, когда лейтенант скроется. Он отрицательно покачал головой и махнул: уходите.

Лейтенант не услышал выстрела.

На ходу он стал рвать цветы и есть их. Они не были ядовитыми, но и не прибавили ему сил; немного погодя его вывернуло наизнанку.

Потом лейтенант нарвал больших листьев, чтобы сделать шляпу. Он уже пытался однажды; и на этот раз дождь быстро размыл листья. Стоило сорвать растение, как оно немедленно начинало гнить, превращаясь в сероватую аморфную массу.

— Еще пять минут, — сказал он себе, — еще пять минут, и я войду в море. Войду и буду идти. Мы не приспособлены к такой жизни, ни один человек Земли никогда не сможет к этому привыкнуть. Ох, нервы, нервы...

Он пробился через море листьев и влаги и вышел на небольшой холм.

Впереди, сквозь холодную мокрую завесу, угадывалось желтое сияние.

Солнечный Купол.

Круглое желтое строение за деревьями, поодаль. Он остановился и, качаясь, смотрел на него.

В следующее мгновение лейтенант побежал, но тут же замедлил шаг. Он боялся. Он не звал на помощь. Вдруг это тот же Купол, что накануне. Мертвый Купол без солнца?

Он поскользнулся и упал. «Лежи, — думал он, — все рав-

но ты не туда забрел. Лежи. Все было напрасно. Пей, пей вдоволь».

Но лейтенант заставил себя встать и идти вперед, через бесчисленные ручьи. Желтый свет стал совсем ярким, и он опять побежал. Его ноги давили стекла и зеркала, руки рассыпали бриллианты.

Он остановился перед желтой дверью. Надпись: Солнечный Купол. Он потрогал дверь онемевшей рукой. Повернул ручку и тяжело шагнул вперед.

На пороге он замер, осматриваясь. Позади него в дверь барабанил ливень. Впереди, на низком столике, стояла серебряная кастрюлька и полная чашка горячего шоколада с расплывающимися на поверхности густыми сливками. Рядом на другом подносе — толстые бутерброды с большими кусками дыпленка, свежими помидорами и зеленым луком. На вешалке, перед самым носом висело большое мохнатое полотенце; у ног стоял ящик для мокрой одежды; справа была кабина, где горячие лучи мгновенно обсушивали человека. На кресле — чистая одежда, приготовленная для случайного путника. А дальше кофе в горячих медных кофейниках, патефон, тихая музыка, книги в красных и коричневых кожаных переплетах. Рядом с книжным шкафом — кушетка, низкая, мягкая кушетка, на которой так хорошо лежать в ярких лучах того, что в этом помещении самое главное.

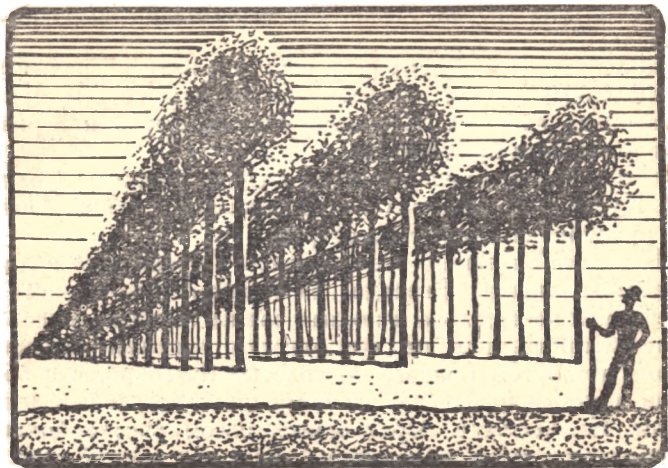
Он прикрыл глаза рукой. Он успел заметить, что к нему идут люди, но ничего не сказал. Выждав, открыл глаза и снова стал смотреть. Вода, стекая с одежды, собралась в лужу у его ног; он чувствовал, как высыхают его волосы, и лицо, грудь, руки, ноги.

Он смотрел на солнце.

Оно висело в центре купола — большое, желтое, яркое.

Оно светило бесшумно, и во всем помещении царила полная тишина. Дверь была закрыта, и только обретающая чувствительность кожа еще помнила дождь. Солнце парило высоко под голубым сводом, ласковое, золотистое, чудесное.

Он пошел вперед, срывая с себя одежду.

З Е Л Е Н О Е   У Т Р О

Когда солнце зашло, он присел возле тропы и приготовил нехитрый ужин; потом, кладя в рот еду и задумчиво жуя, слушал, как потрескивает огонь. День был похож на тридцать других: с утра пораньше вырыть побольше аккуратных ямок, потом сыпать в них семена и носить воду из прозрачных каналов. Сейчас, скованный свинцовой усталостью, он лежал, глядя, как в небе один оттенок темноты сменяется другим.

Его звали Бенджамен Дрисколл, ему был тридцать один год. Он мечтал о том, чтобы весь Марс зазеленел, покрылся высокими деревьями с густой листвой, рождающей воздух, больше воздуха; пусть растут во все времена года, освежают города и душное лето, не пускают зимние ветры. Дерево, чего-чего только оно не может... Оно красит природу, простирает тень, роняет плоды. Или становится царством детских игр — целый небесный мир, где можно лезть, играть, висеть на руках... Средоточие пищи и радости — вот что такое дерево. Но большинство деревьев — это живительный холодок для легких и ласковый шелест

для уха, который ночью, когда лежишь в снежно-белой постели, баюкает тебя.

Он лежал и слушал, как темная почва собирается с силами, ожидая солнца, ожидая дождей, которых все нет и нет... Приложив ухо к земле, он слышал поступь грядущих годов и видел — видел, как посаженные сегодня семена брызжут зеленью, как ветка за веткой рвутся к небу, цепляются за него и тянутся ввысь, и весь Марс становится солнечным лесом, светлым фруктовым садом.

Рано утром, едва маленькое бледное солнце всплывет над складками холмов, он встанет, живо проглотит завтрак с дымком, затопчет головешки и выйдет в путь с рюкзаком, выбирая места, копая, сажая семена или саженцы, осторожно уминая землю, поливая — и дальше, насвистывая и глядя в ясное небо, а оно к полудню все ярче и жарче...

— Тебе нужен воздух, — сказал он своему костру. Костер — живой румяный товарищ, который шуточно кусает тебе пальцы, а в прохладные ночи, теплый, дремлет рядом, шуря сонные розовые глаза... — Нам всем нужен воздух. Здесь, на Марсе, воздух редкий. Чуть что, и устал. Все равно, что в Андах, в Южной Америке. Вдохнул и не чувствуешь. Никак не надышишься.

Он тронул грудную клетку. Как она расширилась за тридцать дней! Да, им нужно развивать легкие, чтобы вдохнуть побольше воздуха. Или сажать еще деревья.

— Понял, зачем я здесь? — сказал он. Огонь стрельнул. — В школе нам рассказывали про Джонни Эплсида. Как он шел через Америку и сажал яблони. А ведь мое дело поважнее. Я сажаю дубы, вязы и клены. Всякие деревья: осины, каштаны и кедры. Я делаю не просто плоды для желудка, а воздух для легких. Только подумать: когда все эти деревья наконец вырастут, сколько — сколько от них будет кислорода!

Вспомнилось прибытие на Марс. Подобно тысяче других, он всматривался в тихое марсианское утро и думал: «Как-то я здесь освоюсь? Что буду делать? Найдется ли работа по мне?»

И потерял сознание.

Кто-то сунул ему под нос пузырек с нашатырным спиртом, он закашлялся и пришел в себя.

— Ничего, оправитесь, — сказал врач.

— А что со мной было?

— Здесь очень редкий воздух. Одни его переносят. А вам, мне кажется, лучше возвратиться на Землю.

— Нет! — Он сел, но в тот же миг в глазах у него потемнело, и Марс сделал два оборота у него под ногами. Ноздри расширились, он принудил легкие пить ничто. — Я свыкнусь. Я останусь здесь!

Его оставили в покое; он лежал, дыша, словно рыба на песке, и думал: «Воздух, воздух, воздух. Они хотят меня отослать из-за воздуха». И он повернул голову, чтобы видеть холмы и равнины Марса. Присмотрелся и сразу заметил: куда ни глянь, сколько ни смотри — ни одного дерева, ни единого. Волнами уходит вдаль черный перегой, а на нем — ничего, ни одной травинки. «Воздух, — думал он, шумно вдыхая бесцветное нечто. — Воздух, воздух...» И на вершинах холмов, на тенистых склонах, даже возле ручья — ни дерева, ни травинки.

Ну конечно!

Ответ родился не в сознании, а в горле, в легких. И мысль, словно глоток чистого кислорода, сразу взбодрила. Деревья и трава. Он поглядел на свои руки и повернул их ладонями вверх. Он будет сажать траву и деревья. Вот его работа: бороться против того самого, что может ему помешать остаться здесь. Он поведет свою частную, «садовую» войну с Марсом. Древняя марсианская почва... Ее собственные растения прожили столько тысячелетий, что вконец одряхлели. А если посадить новые виды? Земные деревья — ветвистые мимозы, плакучие ивы, магнолии, величественные эвкалипты. Что тогда? Можно лишь гадать, какие минеральные богатства таятся в здешней почве — нетронутые, потому что древние папоротники, цветы, кусты, деревья погибли от изнеможения.

— Я должен встать! — крикнул он. — Мне надо видеть Координатора!

Полдня он и Координатор говорили о том, что растет в зеленом уборе. Пройдут месяцы, если не годы, прежде чем начнутся планомерные посадки. Пока что продовольствие доставляют с Земли замороженным, в летающих сосульках; лишь несколько общественных садов зеленеют хлореллой.

— Так что пока, — сказал Координатор, — действуйте сами. Добудем семян, сколько можно, кое-какое снаряжение. Сейчас в ракетах плохо с местом. Боюсь, поскольку

первые поселения связаны с рудниками, ваш проект зеленых посадок не будет пользоваться успехом...

— Но вы мне разрешите?

Ему разрешили. Выдали мотоцикл, он наполнил багажник семенами и саженцами, выезжал в пустынные долины, оставлял машину и шел пешком, работая.

Это началось тридцать дней назад, и он ни разу не оглянулся. Оглянуться — значит пасть духом: стояла необычайно сухая погода, и вряд ли хоть одно семечко проросло. Может быть, битва проиграна? Четыре недели труда — впустую? И он смотрел только вперед, шел вперед по широкой солнечной долине, все дальше от Первого Города, и ждал, — ждал, когда же пойдет дождь.

...Он натянул одеяло на плечи; над сухими холмами пухли тучи. Марс непостоянен, как время. Пропеченные солнцем холмы подернулись ночным инеем, а он думал о богатой черной почве — такой черной и блестящей, что она чуть ли не шевелилась в горсти, о жирной почве, из которой могли бы расти могучие, исполинские стебли фасоли, и спелые стручки будут ронять огромные, невообразимые зерна, сотрясающие землю.

Сонный костер укутался пеплом. Воздух дрогнул: вдали прокатилась телега. Гром. Неожиданный запах влаги. «Сегодня ночью, — подумал он и вытянул руку проверить, идет ли дождь. — Сегодня ночью».

Что-то тронуло его бровь, и он проснулся.

По носу на губу скатилась влага. Вторая капля ударила в глаз и на миг его затуманила. Третья разбилась о щеку.

Дождь.

Прохладный, ласковый, легкий, он моросил с высокого неба — волшебный эликсир, пахнувший чарами, звездами, воздухом; и он нес с собой острую на вкус пыль, рождая во рту то же ощущение, что старый херес.

Дождь.

Он сел. Одеяло съехало, и по голубой рубашке забегали темные пятна: капли становились крупнее и крупнее. Костер выглядел так, будто по нему, топча огонь, плясал невидимый зверь; и вот остался только сердитый дым. Шел дождь. Огромный черный свод вдруг треснул, и шесть

аспидно-голубых осколков полетели вниз. Он увидел десять миллиардов дождевых кристаллов, они замерли в воздухе ровно на столько времени, сколько было необходимо, чтобы их запечатлел электрический фотограф. И — мрак, вода.

Он промок до костей, но сидел и смеялся, подняв лицо, и капли стучали по векам. Он хлопнул в ладоши, вскочил на ноги и прошелся вокруг своего маленького лагеря; был час ночи.

Дождь лил непрерывно два часа, потом прекратился. Высыпали чисто вымытые звезды, яркие, как никогда.

Бенджамен Дрисколла достал из целлофановой сумки сухую одежду, переоделся, лег и, счастливый, уснул.

Солнце медленно взошло между холмами. Лучи вырвались за ограду, тихо скользнули по земле и разбудили Дрисколла.

Он чуть помешкал, прежде чем встать. Целый месяц, долгий жаркий месяц он работал и ждал, и работал... Но вот он поднялся и впервые стал лицом в ту сторону, откуда пришел.

Утро было зеленое.

Насколько хватало глаз, к небу поднимались деревья. Не одно, не два, не десяток, а все те тысячи, что он посадил, опуская в землю семена и саженцы. И не мелочь какая-нибудь, нет, не поросль, не хрупкие деревца, а мощные стволы, могучие деревья высотой с дом, зеленые-зеленые, огромные, пышные, деревья с отливающей серебром листвой, шелестящие на ветру, длинные ряды деревьев на склонах холмов, лимонные деревья и липы, секвойи и мимозы, дубы и вязы, осины, вишни, клены, ясени, яблони, апельсиновые деревья, эвкалипты — подстегнутые буйным дождем, вскормленные чужой волшебной почвой. На его глазах тянулись новые ветви, лопались новые почки.

— Невероятно! — воскликнул Бенджамен Дрисколла.

Но долина и утро были зеленые.

А воздух!

Отовсюду, словно живой поток, словно горная река, струился свежий воздух, кислород, источаемый зелеными деревьями. Присмотрись, и увидишь, как он переливается в небе хрустальными волнами. Кислород — свежий, чистый, зеленый, прохладный кислород превратил долину в дельту реки. Еще мгновение, и в поселке распахнутся двери, люди выбегут навстречу чуду, будут его глотать, вдыхать полной грудью, щеки порозовеют, носы озябнут, легкие заново

оживут, сердце забьется чаще, и усталые тела полетят в танце.

Бенджамен Дрисколл глубоко-глубоко вдохнул влажный зеленый воздух и потерял сознание.

Прежде чем он очнулся, навстречу золотистому солнцу поднялось еще пять тысяч деревьев.

СОДЕРЖАНИЕ

- 5. *К. Андреев*. ПРЕДИСЛОВИЕ
- 25. И ГРЯНУЛ ГРОМ
- 39. ВЕЛЬД
- 54. ЗЕМЛЯНЕ
- 71. НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИК
- 73. ТРЕТЬЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
- 92. В СЕРЕБРИСТОЙ ЛУННОЙ МГЛЕ
- 119. МАРСИАНИН
- 130. ЗЕМЛЯНИЧНОЕ ОКОШКО
- 144. НОЧНАЯ ВСТРЕЧА
- 154. БУДЕТ ЛАСКОВЫЙ ДОЖДЬ
- 161. ВЫШИВАНИЕ
- 166. УЛЫБКА
- 172. ЗОЛОТЫЕ ЯБЛОКИ СОЛНЦА
- 179. КОСМОНАВТ
- 191. ДЯДЮШКА ЭЙНАР
- 200. НЕСКОНЧАЕМЫЙ ДОЖДЬ
- 214. ЗЕЛЕНОЕ УТРО

**БРЕДБЕРИ РЕЙ ДУГЛАС
ФАНТАСТИКА**

●
**РЕДАКТОР Г. МАЛИНИНА
ХУДОЖ. РЕДАКТОР Ю. СОБОЛЕВ
ТЕХН. РЕДАКТОР А. НАЗАРОВА
КОРРЕКТОР Ф. КРУПНИК**
●

Сдано в набор 9/VIII 1963 г.
Подписано к печати 13/XI 1963 г.
Изд. № 224. Формат бум.
84×108¹/₃₂. Бум. л. 3,5. Печ. л. 7,0.
Уч.-изд. л. 11,47. Цена 57 коп.
Тираж 315.000. (2-й завод
100.001—200.000 экз). Зак. 0277.
Издательство «Знание».
Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

●
**Комбинат печати «Радянська
Україна».
Київ, Довженко, 1.**

Дорогие читатели!

**Просим вас свои отзывы об этой
книге и пожелания присылать по
адресу: Москва, Центр, Новая пл.,
3/4, издательство «Знание».**

**В издательстве
«Знание»
вышли в свет
научно-фантастические
книги**

СТАНИСЛАВ ЛЕМ «ФОРМУЛА ЛИМФАТЕРА»

СБОРНИК «НОВАЯ СИГНАЛЬНАЯ»

СБОРНИК «ЧЕРНЫЙ СТОЛЬ»

Находятся в печати

М. ЕМЦЕВ, Е. ПАРНОВ «ПАДЕНИЕ СВЕРХНОВОЙ»

**Е. ВОЯСКУНСКИЙ, И. ЛУКОДЬЯНОВ «НА ПЕРЕКРЕСТКАХ
ВРЕМЕНИ»**

**В издательстве «Знание» в 1964 году
начинает выходить**

АЛЬМАНАХ НФ — НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

**На страницах альманаха будут печататься
научно-фантастические романы,
повести и рассказы
советских и зарубежных
писателей
и научные комментарии
к произведениям.**

**Альманах будет заниматься также
теорией научной фантастики,
печатать статьи
о творчестве писателей,
обзоры научно-фантастических произведений,
рецензии,
пародии
и библиографические материалы.**

